

Тевтонская кавалерия на Балтике (13-15 вв.)

Мария Тереза Мендес Луис Сарайва Мораис

Диссертация под руководством проф. Доктора Хосе Мануэля Энрикеса Варандаса, для получения степени магистра военной истории.

Благодарности

Прежде всего, я должна поблагодарить всех, кто помогал мне в написании этой диссертации.

Моих родителей за то, что они дали мне возможность учиться и зайти так далеко.

Профессора Свена Экдаля, любезно предоставившего мне материал о лошадях в государстве Тевтонского Ордена; и профессора Жоа Гувейю Монтейро, который так быстро поделился со мной материалами о боевом порядке, системах управления и травмах, моему руководителю, профессору Хосе Варандасу, не только за его доступность и рекомендации, но и за то, что баловал меня тевтонскими рыцарями, лошадьми и травмами.

Моим друзьям, Джеку и Одри, которые так терпеливо относились к моей тевтонской одержимости и проверяли мою грамматику; моему другу Тайлеру, за то, что разделил мой энтузиазм и использовал факты, которые я рассказала ему для большего блага в его творчестве; моему другу Виктору, очень терпеливому и готовому объяснить своему португальскому другу увлекательные польские предания о Тевтонском ордене, а также сделавшему несколько переводов; и моей подруге Габриэле, за её энтузиазм и за то, что она использовала свои медицинские знания, чтобы просвещать меня всякий раз, когда я «приносила» ей искалеченных рыцарей.

Наконец, особая благодарность всем лошадям, с которыми я пересекалась, за предоставленную мне возможность познакомиться с чем-то, чем можно было бы увлечься, и за то, что заставили меня задуматься, в какой момент их жизни и при каких обстоятельствах средневековым рыцарям кричали «more leg!»

(Термин верховой езды, при котором инструктор хочет, чтобы вы оказывали большее давление ногой на бок лошади (не пиная), стимулируя движение лошади. Прим. Перев.)

Список сокращений:

AMH - Das Ausgabebuch des Marienburger Hauskomturs

CLP - Хроника земли Пруссии

DMT - Das Marienburger Tresslerbuch des Jahre 1399-1409

LRC - Ливонская рифмованная хроника

MHG - средневерхненемецкий

NHO – Новый верхненемецкий

OHG - древневерхненемецкий

Резюме

Настоящая диссертация направлена на лучшее понимание феномена тевтонской кавалерии в регионе Балтийского моря между 13 и 15 веками. Тевтонский орден и весь процесс крестовых походов на Балтике получает мало внимания, будучи предметом, который не изучается в Португалии. Эта работа, в дополнение ко вторичной библиографии по крестовым походам, средневековой кавалерии, военным орденам и лошадям в этот период средневековья, в большей мере основана на консультациях, обработке и критической интерпретации источников, среди которых выделяются Устав Тамплиеров и Тевтонского ордена, две основные хроники этих монашеских (военных) организаций и, когда это возможно, археология.

Чтобы тема была раскрыта должным образом, мы стремились контекстуализировать рыцарей и их лошадей в их пространстве и времени, то есть с момента основания Ордена в Святой земле со времени Третьего крестового похода и до битвы при Грюнвальде/ Танненберге в Польше в 1410 г. Однако, учитывая характер Ордена (преимущественно германский состав и его связи со Священной Империей), особое внимание будет уделено событиям на Балтике, учитывая, что именно в этом регионе, а именно в Пруссии, Тевтонскому ордену удалось развивать своё государство «Ordensstaat» и продлевать его существование до тех пор, пока оно не стало полным анахронизмом; ещё и потому, что крестовые походы против язычников на Балтике стали предпочтительнее для христиан центральной и северной Европы из-за географической близости (и, следовательно, по причине более низких затрат). В дополнение к этой контекстуализации была предпринята попытка также познакомиться с тевтонскими всадниками и лошадьми более подробно: с их происхождением, обучением и отношениями между всадником и его ездовым животным. Также и с пространством, где они жили и сражались. Будет рассмотрена их логистическая система и набор оборудования. А также, для более полного и цельного изображения, помимо самого боя, будут проанализированы, насколько это возможно, типы травм, особенно физических, с которыми этим всадникам и лошадям приходилось иметь дело.

Когда кто-то думает о средневековой кавалерийской атаке, первое, что приходит на ум, это что-то вроде кавалерийской схватки в фильме «Царство Небесное»: построенные в линии рыцари, маневрирующие на открытом пространстве и по ровной местности, едущие полным ходом вперёд.

Но как происходила кавалерийская атака в лесисто-болотистой местности Прибалтики?

И не просто кавалерийская атака, а предпринятая Тевтонским орденом: профессиональными рыцарями, имеющими доступ к качественным боевым коням, отличному вооружению, которые сражаются бок о бок и стремятся к чему-то большему, чем они сами. А что следовало после атаки и первоначального удара? Кавалерия в основном использовалась для набегов,

фуражировки, защиты путей связи и тылового обеспечения, а также разведки; также играла свою роль при осадах - основных военных действиях в Средние века - путём усиления блокады против осаждённой цели и проводя фуражировку и разведку².

Но в бою кавалерийские части также действовали компактным строем³, что требует места для того, чтобы кони маневрировали, а рыцари не сталкивались коленями и не ломали их. Принимая во внимание, что «бурелом, буйный подлесок, озера, болота и холмы ограничивали поселение людей прибрежной полосой и долинами Вислы, Немана и Двины (CHRISTIANSEN 1997:61)»⁴, можно предположить, что места в Прибалтике было совсем немного. Обычаи Тевтонского ордена, следующие уставу тамплиеров, указывают, как Братья должны вести себя верхом. Старейшая из сохранившихся тевтонских рукописей. - Статуты Ордена, датированные 1264 годом⁵. - к тому времени Орден уже действовал в Прибалтике.

Хотя некоторые термины, такие как «туркопол», связаны с деятельностью Ордена на Ближнем Востоке, текст, конечно, был адаптирован к балтийским реалиям. Что касается хроник Ордена⁶, они часто упоминают Братьев, разъезжающих по лесам или по побережью Балтийского моря, и даже по льду. В этих текстах Братья выезжают организованно и упорядочено, собираются вокруг знамён, бросаются в атаку, как одно целое, и спешиваются, чтобы сражаться пешком - когда их лошадей убивают или того требуют обстоятельства.

Однако и в хрониках, и в Статутах некоторые места, касающиеся поведения и действия рыцарей, расплывчаты или невзрачны, и хотя Тевтонский орден появился на Ближнем Востоке после возвращения Акры во время Третьего крестового похода (1189-1191 гг.)⁷, основным театром боевых действий Ордена была Балтика, где местность и климат отличались от Ближнего Востока. Боевые приёмы Ордена, должно быть, были адаптированы к местным условиям, и судя по ходу истории, были в основном успешны. Следовательно, основная цель следующего текста состоит в том, чтобы понять, как западноевропейская кавалерийская тактика в исполнении элитных войск применялась на Балтике с 13 по 15 века, и какие приспособления были сделаны в соответствии с окружающей средой - отличной от Западной Европы и Ближнего Востока. Кроме того, эта диссертация также направлена на изучение того, как тевтонский рыцарь использовал свою лошадь⁸ и какая логистика была задействована в содержании лошадей на территории Ордена в Прибалтике. Во-вторых, хотя я не могу определить личность⁹ каждого тевтонского рыцаря, в рамках исследования я все же попытаюсь досконально исследовать предысторию рыцарей до вступления в Орден и времени их службы, таким образом пытаюсь «оживить» этих мужчин вместо того, чтобы относиться к ним как к анонимной массе. Моя цель - задокументировать социальное и

географическое происхождение, возраст, поведение, мотивы и методы, которыми они привыкли справляться с травмами.

Эта диссертация также направлена на изучение взаимосвязи между рыцарем и конем; попытаться лучше понять интенсивность связи между ними, как они работали вместе, и личности самих боевых коней, и (хотя это невозможно...), попытаться узнать каждую лошадь в отдельности, то есть будет предпринята попытка изобразить их как нечто большее, чем просто инструменты для боя. Основным мотивом этого тезиса является моя любовь к лошадям, а следовательно, и к рыцарям. Я нахожу рыцарей из военных орденов самыми очаровательными, потому что эти люди и их лошади, сожительствовавшие на одном пространстве и почти обособленные от остального общества, вели жизнь, ограниченную строгими правилами, и каким-то образом все же умудрялись эффективно функционировать.

Во-первых, я всегда была увлечена военными аспектами Истории, и в особенности Средних веков, результатом чего стала диссертация о «тандеме» конь-рыцарь. Во-вторых, моё увлечение немецким языком и культурой привели меня к изучению Тевтонского ордена и Балтийских крестовых походов. Благодаря моему энтузиазму, я нахожу, что теперь лучше понимаю европейскую историю следующих столетий, особенно времени мировых войн¹⁰, с «Baltendeutsche» и «Heim ins» политики Рейха, а также другие элементы, пытавшиеся связать новый Германский Рейх с Тевтонским орденом.

Балтийские крестовые походы и Тевтонский орден привели немцев к заселению новых завоёванных территорий, а потомки этих поселенцев, «балтендойче», пользовались привилегированным положением в областях Ливонии и Курляндии на протяжении всего времени, под властью польско-литовской или шведской короны, и даже при царском режиме¹¹.

Во время Первой мировой войны влиятельные балтийские немцы обратились к кайзеру в 1917 году с предложением присоединить Латвию и Эстонию к Германскому рейху, после Первой мировой войны и после провозглашение независимости Латвии, латвийский парламент не принял карательных мер против этого меньшинства за попытку аннексии (хотя от земельных реформ пострадали древние владения, которые землевладельцы считали своими по праву первородства) и балтийские немцы продолжали пользоваться некоторыми привилегиями, такими, как собственные немецкоязычные школы, служба в армии и получение таких же пенсий, как и этнические латыши. Немецкоязычная часть населения представлена в университетах и имеет возможность формирования политической и культурной общности¹².

Во время Второй мировой войны пришла политика «Heim ins Reich», «все немцы в великой Германии», и, следовательно, эти этнические немцы в

Прибалтике должны были быть реинтегрированы в немецкую общность 13. Младшие поколения балтийских немцев в Латвии и Эстонии восхищались Гитлером и его идеей объединения всех немцев в рамках великой империи14.

Для этого этнических немцев в Прибалтике разделили на категории имперским комиссаром по вопросам консолидации германского народа (Reichskommissar für die Festigung deutschen Volkstums/RKFDV): целым семьям могло быть отказано в переселении на новые завоёванные территории Восточной Европы, и, следовательно, им пришлось бы быть «германизированными» в Германии; или эти семьи могли быть отправлены на новое поселение 15. Около 90% балтийских немцев согласились без принуждения быть переселёнными зимой 1939-40 годов в польские дома, принадлежавшие полякам или евреям, и сменить эстонское или латвийское гражданство на немецкое16. Согласие на переезд вызваны различными причинами, такими как бегство от возможного советского вторжения или стремление к возвращению утраченной идентичности 17.

После Второй мировой войны, когда балтийские немцы пытались реорганизоваться в Западной Германии, записей об такой группе в Восточной Германии нет; в оккупированной Советским Союзом Латвии и Эстонии элементы культуры, связанные с балтийскими немцами, были уничтожены (например, кладбища, памятники, усадьбы) 18. В дополнение, включение территорий комтурств Кенигсберга, Рагнит, Бранденбург, Бальга и бывшие территории Самбийского епископства в Советский Союз после Второй мировой войны привёл к антинемецкой, праславянской программе переселения: «В 1945 г. уцелевшее немецкое население было изгнано, а через год прибыла первая волна русских, прибыли украинские и белорусские поселенцы, а затем литовцы, в результате - доля современного немецкого населения сокращена до менее чем 1 процента»19.

В дополнение к влиянию крестовых походов средневековая балтийская война представляет собой уникальное явление, которым, по сравнению с другими театрами военных действий, не уделяется столько внимания. Объединив мою любовь к лошадям, рыцарям и немецкой материальной культуре, я надеюсь способствовать лучшему пониманию того, как тевтонская конница вела боевые действия на Балтике между 13 и 15 веками.

Я намерена всесторонне изучить этих людей, которые вели войну (их лошадей, их происхождение, среду, в которой они находились) и, таким образом, лучше понять их мотивы и методы. По сравнению с крестовыми походами на Ближнем Востоке до сих пор мало работ на тему тевтонской кавалерии во время Балтийских крестовых походов20, что я считаю недостающей частью общей картины, так как, в конечном счёте, Балтийские крестовые походы и Тевтонский Орден помогли сформировать Европу такой, какой мы её знаем сегодня, с последствиями, которые остаются актуальными для 20 века. Даже по сей день битва при Грюнвальде/Танненберге (1410) является «(...) символом национальной

гордости как для Польши, так и для Литвы. В 2010, ровно через 600 лет после битвы бешеная череда торжеств, конференций, выставок, публикации, освещение в СМИ и даже дипломатические встречи между польскими и Литовскими министрами ясно свидетельствовали о непреходящем культурном значении этого события»²¹.

Есть некоторые работы на английском языке, которые не входят в энциклопедии, или разрозненные упоминания в монографиях о крестовых походах, а в последнее время публикации польских авторов, но до Португалии тема ещё не дошла²².

Чтобы получить как можно более полное представление о тевтонской кавалерии, я выбрала несколько работ - общих и частных, информацию из которых я считаю существенной. В книге Вербрюггена «Искусство ведения войны в Западной Европе в Средние века» представлено несколько примеров из летописей и литературы, относящиеся к применению стратегических и тактических концепций, а также организация средневековых военных сил, но в основном это касается Ближнего Востока и Западной Европы. Форей, «Военные Ордена с двенадцатого до начала четырнадцатого века» — исследование истории, деятельности и организации военных орденов. Хотя тамплиеры и госпитальеры выходят у него на первый план. Кристиансена «Северные Крестовые походы» представляют географическое описание Балтики и описывает Балтийские крестовые походы, начавшиеся с крестовых походов против венедов и охватывая Ливонские крестовые походы до и совместно с Тевтонским Орденом, а также прусский крестовый поход также до- и под Тевтонским Орденом; однако эта работа больше политическая, чем военная. С другой стороны, книга Урбана «Тевтонские рыцари. Военная история» рассказывает об истории Ордена, начиная с его основания на Святой Земле до конца на Балтике, и это интересно читать. Более подробная работа об Ордене - книга Плюсковского «Археология прусского крестового похода — Священная война и Колонизация», которая охватывает различную археологию как немцев, так и местных жителей (укрепления, останки животных, керамика), раскрывая динамику упомянутых и неупомянутых в CLP памятников, связанных с историческим контекстом Пруссии до- и во время крестовых походов Тевтонского Ордена, что даёт более полное представление о местности; она также содержит важные упоминания о конских останках, найденных в тевтонских замках и монастырях, которые раскрывают размеры животных и указывают их возможную функцию. «Тевтонский рыцарь» Николя — обзор истории Тевтонского Ордена, организации, театров военных действий и рыцарскую экипировку и предысторию - пожалуй, самая известная работа на эту тему. Поскольку рыцарям нужны были лошади- Дэвис, «Средневековый боевой конь» — истоки и развитие, в дополнение представлена информация о разведении лошадей, используемых приёмах, обучении и стилях верховой езды, доступных для рыцарей в соответствии с их оружием и типом боя, в

котором они будут участвовать. «Средневековый боевой конь от Византии до крестовых походов» Хайленда особенно важна, когда речь идёт о транспортировке лошадей (на кораблях) и последствиях указанной перевозки для их здоровья; это также предоставляет информацию об общих размерах средневековых лошадей и их военных функциях, но он сосредоточился на крестовых походах на Святую землю и тамплиерах. Напротив, статья Экдаля «Лошади и арбалеты: два важных военных преимущества Тевтонского Ордена в Пруссии» обращается к важности арбалета и более крупных лошадей на Балтике, что обеспечило Тевтонскому Ордену технологическое преимущество перед туземцами. Он также содержит важную информацию о разведении и содержании лошадей при Тевтонском Ордене в Пруссии. Для последнего аспекта, а также как о езде верхом - информацию можно получить из источников Ордена. Перевод Штерна «Статуты тевтонских рыцарей», средневекового немецкого манускрипта от 1264 г. (Книга Ордена), включающая Пролог, Правило, Законы, Обычаи и Ритуалы, содержит информацию о количестве принимаемых рыцарей и как они должны вести себя во время похода. Смит и Урбан, перевод, «Ливонская рифмованная хроника», средневековая немецкая хроника конца 13 века, скорее всего, написанная тевтонским рыцарем, описывает начало христианизации Ливонии, приход Тевтонского Ордена и его деятельность до 1290 г. (последний год, упомянутый в летописи).

Это сопоставляется с переводом Фишера «Хроники земли Пруссии», который

сам по себе является переводом и дополнением латинской хроники, написанной священником Ордена в течение десятилетия 1331-1342 гг., и рассказывает историю христианизации Пруссии, прибытие Ордена в Пруссию и действия рыцарей на протяжении 13-го и 14 вв.; тем не менее, содержание повествования и подробности о войне менее подробны, чем в ЛРК. Все остальное, касающееся рыцарей и лошадей, можно вывести из перевода Болео А. Regra dos Templários: учитывая, что Тевтонский Орден основывал свои правила и уставы на тамплиерских, чтобы понять поведение Тевтонского Ордена в бою и его лошадей, надо черпать информацию у тамплиеров - также надо иметь в виду различия рельефа и погодных условий между Балтией и Ближним Востоком.

Однако картина была бы неполной, если сначала не попытаться понять потери, которых битвы требовали от этих рыцарей и лошадей. Исследование Хебёлля-Хольма демонстрирует средневековые симптомы, похожие на симптомы посттравматического стрессового расстройства, и статья Эйкмана «ЧУДЕСА, ВИДЕНИЯ И ГОЛОВА СВ. ВАРВАРЫ - ТЕВТОНСКИЕ РЫЦАРИ И ПТСР» привнесла новый подход к CLP, связав определённые повествования хроники с психологическими травмами **23**. В более общем подходе у Тернера и Ли (ред.) - «Травма в Средневековом обществе» - занимаются не только физическими травмами в средневековых обществах

через археологию, но и аргументируют репрезентацию психологической травмы в литературных источниках.

Эти литовские «Рейсе» вели длительную наступательно-карательную войну, состоявшую в основном из мелких набегов через приграничье, обычно в ноябре, феврале и июне; некоторые рейды нацелены на стратегические точки, хотя обычно рейды направлены на захват скота, уничтожение поселений и посевов, а также уничтожение и захват людей с целью предотвращения атак в Пруссию **143** - это привело к обезлюдению окраин, фигурирующих в письменных источниках как Пустошь, отделяющая Южную Ливонию и Восточную Пруссию от Жемайтии и Литвы, а также в археологическом факте: «(...) поселения в южной Судовии и Земгалии, покинутые в конце XIII века, не быть вновь заселены до пятнадцатого века» **144**. И все же литовцы создали трудности, победив Орден в трёх крупных битвах: Шоден (1259 г.), Дурбен (1260 г.) и Карусен. (1270 г.) - что подтолкнуло пруссов к вышеупомянутому Великому прусскому восстанию **145**.

Перенос штаб-квартиры из Венеции в Мариенбург и полное обоснование Ордена в Пруссии и Ливонии заставляют многих историков видеть в этом поворотный момент в развитии Тевтонского Ордена; трансформацию идеалистических крестоносцев в помещиков **146**. Когда в 1346 году Дания продала свои эстонские территории, Тевтонский Орден укрепил своё господство на Балтике **147**, а затем последовало завоевание Готланда в 1398. г **148**.

Однако амбиции Ордена обернулись против него. В 1306 году польский король Владислав встретил сопротивление в Померании, которое возглавили герцоги Бранденбургский и Померанский. повстанцы оккупировали большую часть земли, хотя Гданьск/Данциг сопротивлялся и оставался верным польскому королю, которому Владислав порекомендовал просить помощи у тевтонов. Которые изгнали бранденбургские войска из Померании - правда, после Владислав отказался заплатить 10 000 марок, которые Орден потребовал за свою помощь, Орден сохранил Померию, а герцоги Бранденбургские продали свой суверенитет над землёй Ордену: «Присоединение Поморья стало предметом разногласий между Королевством Польским и Орденом, что привело к периодическим враждебным действиям вплоть до XV в.» **149**. С 1298 по 1299 г. Тевтонский Орден находился в конфликте с рижским архиепископом **150**. Братия там стала почти независимой от «Ordensstaat», а после 1438 г. ливонская ветвь могла выбирать своего Магистра без подтверждения Великого Магистра, однако тевтонские владения там не были унитарным государством, как в Пруссии, учитывая, что светские рыцари в Эстонии были могущественны, а три ливонских епископа контролировали обширную территорию **151**. В Пруссии Орден также столкнулся с могущественными соседями. Литовцы перехитрили Орден, объединившись с Польшей, когда великий князь Ягайла женился на польской королеве Ядвига в 1386 г. С условием, что Ягайла и Литва станут христианами: «Одним ударом Ягайла снял предлог

для тевтонских набегов и стал королем Польши как Владислав II Ягелло (ок. 1351/1362-1434 г.), а Польша получила новые обширные территории, что создало польско-литовское Содружество – крупнейшую политическую единицу в Европе». Тем не менее, Орден продолжал оспаривать земли, захватив в 1405 г. Жемайтию и таким образом добившись непрерывной береговой линии от Мемеля, в Ригу и в Ревель¹⁵². Хотя Климент IV (1265-1268) был, по-видимому, последним папой, поддерживавшим крестовые походы Тевтонского Ордена ...они продолжались до 1423 года: их участники еще считали себя крестоносцами, принявшими обеты и претендующими на духовные награды, рассматривались как участники священной войны такими летописцами, как Петр Дюйсбург и такие писатели, как Чосер¹⁵³

Ordensstaat - эффективная централизованная экономическая система, включавшая около сотни городов, основанных в 13 и 14 веках и колонизированных в основном немцами, в результате чего образовалась самая высокоурбанизированная территория в северо-восточной Европе¹⁵⁴. В Пруссии активная колонизация началась лишь в конце XIII в.¹⁵⁵, и на протяжении всего следующего столетия Орден разработал свою административную структуру и развернул городскую экспансию¹⁵⁶. Крестовые походы из Кенигсберга были популярны среди английской и французской аристократии, так как они предоставляли возможности сражаться летом и зимой, а также давали шансы для более молодых мужчин заработать репутацию или быть посвященным в рыцари, их гербы могли быть изображены на фресках собора¹⁵⁷. Что касается Ливонии, то здесь не было массового заселения западников¹⁵⁸, которые оставались в небольшом количестве и ограничивались замками, усадьбами и полугородскими поселениями, появившимися вместе с замками¹⁵⁹. Можно заметить, что «старое общество приспособилось к новой обстановке и продолжало свое существование параллельно с ней, вводились центры и системы взаимоотношения «европейского» общества – колониального происхождения. Важной причиной отсутствия ассимиляции была сегрегация общества на немецкое и ненемецкие (эстонцы, латыши, ливы) группы - «ундойчи»¹⁶⁰.

«Ordensstaat» начал приходить в упадок в 15 веке из-за слияния различных факторов: внутренние структурные проблемы; поражение при Танненберге в 1410 г., повлекшее за собой потерю гегемонии в пользу польско-литовской короны¹⁶¹; невыгодное снижение количества братии с 700 в 1410 г. до 300 к 1453 гг ¹⁶².; большие торговые города в государстве Ордена восстали против него, что привело к очередному поражению от польско-литовской короны в 1466 г., и впоследствии привело к разделению «Ordensstaat» надвое: западная часть, которая была включена в королевство Польское, и восточная часть, с столицей в Кенигсберге, ставшая светским герцогством под польским сюзеренитетом в 1525 г., с последним великим магистром Альбрехтом фон Бранденбург¹⁶³. Началась секуляризация Ливонии. 1561 ¹⁶⁴

Часть 2 Тевтонский рыцарь

«Позвольте мне назвать его имя. Это был брат Иоанн фон Октенхаузен, и он был известен в Литве и России. Он проявил большую добродетель и вел умеренную и праведную жизнь. Когда он впервые вступил в Орден, Магистр отправил его в Курляндию. Он совершил там такие достойные дела, что слава о нем тотчас же стала распространяться»²¹².

«Однако один очень отважный человек, брат Генрих Улленбуш, не перестал защищаться доблестно. Он сам причинил прусской армии такие трудности, что его товарищи укрепили свои нервы и вернулись, и с большой яростью сражались с врагом, убив большое количество самбийцев и оставляя их мертвыми на поле боя»²¹³.

Люди, названные выше, определенно не родились на землях Ордена.

Должно быть, у Иоанна была причина отправиться в Ливонию, а у Генриха – в Пруссию. Без машины времени я не могу узнать их биографию, личную жизнь и мотивы в деталях. Тем не менее, в архивах Ордена достаточно информации, чтобы установить, что рыцари в основном происходили из семей министриалов, и даже части Империи, из которой

они произошли, и, следовательно, диалект, на котором они говорили. Хроники могут не всегда предоставлять такую справочную информацию, но они сообщают нам имена некоторых рыцарей и эпизоды их жизни. В этой главе я постараюсь конкретизировать лица в анонимном Тевтонском Ордене.

Военные ордена нуждались в рекрутах из числа мирян и клириков, в первую очередь для выполнения воинских обязанностей, для благотворительных функций и функций по управлению имуществом, а также - по духовным вопросам; существовала также плата помощникам и светским людям, которые вызвались помогать в военных делах в течении определенного времени. «Но функционирование военного порядка зависело в первую очередь от вербовки лиц, принявших обычные монашеские обеты и пообещавших жить, служа Ордену» 214. Тевтонские обеты шли следующим порядком:

«первое – вечное целомудрие,
второе – отречение от своей воли, т. е. послушание до смерти,
третье – бедности, то есть жизнь без собственности после вступления в Орден.

Эти три вещи делают мужчин целеустремленными, подобно образу Господа нашего Иисуса Христа (...)» 215.

1. История

Военные Ордена могли быть привязаны к определенному региону и, таким образом, привлекать рекрутов из географически ограниченной территории 216, как у Тевтонского Ордена. Хотя новобранцы не были исключительно из определенной области, Орден привлекал людей в основном из немецкоязычных территорий 217. В источниках XIV века среди рыцарей трудно найти не германцев, а в в 15 веке доступ к Ордену все больше ограничивался немецкоязычной знатью. Немцы всегда преобладали в Ордене, но в 13 веке присутствовало немного не немцев среди его рядов, а именно ливов, пруссов, поляков, шведов и итальянцев (вероятно, были также французские и испанские собратья) - однако в 15 веке Великие Магистры сопротивлялись допуску дворян из стран, не говорящих по-немецки, и, хотя этот принцип никогда не был записан как закон или обычай, он стал традиционным .218

Что касается социального происхождения, то у большинства рыцарей его трудно проследить, но пока выводы указывают на преобладание в воинских орденах мелкой знати; в данном случае в тевтонских рядах преобладали министриалы 219:

«(...) изучение происхождения членов Тевтонского Ордена в Тюрингии в тринадцатом веке показало, что из 105 братьев девять происходили из графских семей и одиннадцать из свободной знати (Edelfreie); восемнадцать были reichsministeriales и пятьдесят шесть ministeriales; один происходил из семьи свободных рыцарей и десять принадлежали патрициям и горожанам». 220

Ливонские данные за период 1237-1309 гг. свидетельствуют о том, что двенадцать из 75 (16%) идентифицированных рыцарей можно проследить до высших немецких дворянских семей; мелкопоместное дворянство и юнкерство составляло большинство рыцарей; 12% рыцарей были выходцами из городского патрициата; большинство магистров происходили из министриалов **221**. Однако это ограниченная информация: социальное происхождение лиц, занимающих высокие посты в военных орденах, не отражает всех участников, а дополнительные доказательства трудно собрать из-за сложности прослеживания происхождения достаточного количества рыцарей.

Тюрингцы и еще 89 гессенцев составляют немногим более половины от общего числа рыцарей, зафиксированных в этой местности в первой половине XIV в. **222**

В XII и XIII веках прием в военные ордена был ограничен свободными людьми, хотя в 13 веке рыцарское происхождение требовалось для тех, кто пополнял ряды рыцарей **223**. Разница в рангах в военных орденах сначала основывалась на функциях, а не на происхождении. Хотя, как показывают более поздние тенденции набора в Тевтонский Орден, дворянская приставка - фон - сыграла свою роль:

«Капелланы в основном занимались духовными делами, тогда как невоенные сержанты были заняты на различных работах в монастырях или на земле. Рыцари и сержанты не различаются по функциям, но здесь

ордена, по-видимому, перенимали различия, принятые в светском мире, который в то время, вероятно, основывался на размерах богатства. Группа, к которой боевой брат был отнесен в двенадцатом веке, предположительно зависела от его прежнего военного статуса, который, в свою очередь, определялся его материальным положением» 224.

Устав Тевтонского Ордена 13-го века гласит, что «(...) этот орден специально создан для рыцарей, сражающихся с врагами Креста и веры (...)» 225 и не предъявляет никаких ограничений к вербовке; однако в начале 14 века великий магистр Дитрих фон Альтенбург был первым, кто потребовал, чтобы рекруты были благородного происхождения (хотя допускались исключения), на протяжении 14-го и 15-го веков вербовка незнатных стала более трудной, и к концу 15-го века Орден потребовал доказательства четырех поколений благородных предков 226 - без этой «дворянской грамоты» рекрутов почти не принимали в рыцари 227

Однако вначале это были младшие рыцарские семьи, министриалы 228, «чьи сыновья доминировали в ордене как milites» 229. Тема ministeriales в Империи 230 заслуживает некоторого объяснения. Феодальную организацию в Империи нельзя сравнивать с английской или французской. Вместо этого её можно понимать в терминах «аллодиализма», как в «(...) аристократическом домене, независимо от королевской власти и феодального владения» 231. Западноевропейские свиты 13 века были меньше, чем у важного светского или церковного немецкого лорда, который мог подготавливать сотни рыцарей - более важные сеньоры могли позволить себе большее число 232:

«Появление слуг, вооружённых как рыцари, в первую очередь является результатом массового увеличения числа власть имущих, как экономически, так и политически, высших слоёв дворянства, которое теперь стало богато и достаточно мощно, чтобы вооружить своих людей доспехами и лошадьми. Точно так же появление наёмных армий вряд ли можно в достаточной мере объяснить на том основании, что было так много

«безземельных рыцарей министриалов» и столько же «безземельных свободных рыцарей», которые уже не могли найти средства к существованию. Решающую причину можно скорее найти в том факте, что финансовая мощь князей так разрослась, что они могли покупать себе услуги воинов в больших количествах» 233.

Хотя правовые и социальные правила для министриалов были аналогичны вассалитету 234, и имели мало общего с крепостничеством, личную и наследственную зависимость между министриалами и их сеньорами формировало право собственности, означавшее, что сеньоры владели своими министриалами, которые как таковые имели «рабский» юридический статус 235 - таким образом, когда Лорд присоединялся к

Ордену, его министриалы обычно сопровождали его **236** или, когда лорд завершал крестовый поход, он мог пожертвовать своих министриалов Ордену, как в следующем эпизоде из CLP:

«Когда этот благородный принц [маркграф Дитрих фон Мейсен], богоизбранный воин, завершил свою кампанию таким похвальным образом, среди многих других актов благотворительности, которые он выполнил для Ордена, он приказал 24 своим смелым, благородным людям облачиться в мантии Ордена и предоставил им в избытке все, что полагалось им как членам Ордена и как рыцарям. Сделав это, он оставил их там, а сам отправился домой».

Эти рыцари были собственностью своих лордов, иногда они могли освобождены, хотя это было редко **238** и зависело от воли лордов. В данном случае, для вступления в военный орден: например, «(...) в 1313 г. аббатиса Веттерская была готова освободить Герарда Оберветтерского, когда тот хотел присоединиться к Тевтонскому Ордену, но это не было типичной реакцией всех лордов» **239**.

Помимо людского ресурса министриалов, значительное число имущества было подарено Ордену имперскими министриалами, хотя они и не присоединились к нему **240**.

Термин «министриалис» применяется как к богатым слугам императорского дома и архиепископа, так и более бедным на службе у местных магнатов в отдалённых районах **241**, например, Саксонии. Свидетельства XII века показывают, что эти профессиональные рыцари в награду за свои услуги получили феоды, что позволяло им стать наследственными землевладельцами, но также были ограничены несколькими правилами, установленными их сеньорами **242**.

Министриал мог служить нескольким лордам, хотя только один лорд фактически владел властью над министриалом **243**. Эти тенденции отражены в хрониках Ордена. Учитывая изначальное преобладание саксонских и тюрингских министриалов в ливонской ветви, в 13 веке это была «(...) благодатная почва для развития региональной и институциональной особой коллективной боевой идеологии», потому что рекруты принесли с собой элементы рыцарского менталитета, таким образом, монашеское рыцарство, вероятно, было обусловлено тем, как эти рыцари относились к войне и насилию: «полезно понимать, что общий характер немецких министриалов тринадцатого века оказывал неотъемлемое влияние на менталитет, что отражено в [LRC]»; фактически, и, по словам Пейпера, «(...) [LRC] показывает популярную интерпретацию христианского рыцарства, и что эта форма отступала от идеалов военного монашеского Тевтонского Ордена, создавая идеологическую проблему, которая нуждалась в исправлении во времена фон Ерошина» **244**. Хотя

насилие и конфронтация также присутствуют в CLP 14-го века, боевые сцены не так изобилуют подробными и религиозными элементами, что придаёт повествованию более благочестивый тон.

2. Набор.

В общем, эти министриалы пришли откуда-то из Империи. Анализы²⁴⁵ источников Ордена раскрывают тенденции вербовки, которые различались у ливонской и прусской ветви. Для Ливонии тенденции найма, похоже, были унаследованы от Меченосцев, «(...) мужчины смешанного социального происхождения. Они и их преемники, как правило, набраны из областей Нижней Германии, игнорируемых Пруссией, таких как Вестфалия, Рур и Нидерланды. Многие были из класса министриалов (...)»²⁴⁶. Ливонская ветвь превратилась из зависимой от центрального руководства в почти автономную единицу со своей собственной «повесткой дня», что имело последствия для мобильности его рыцарей: в то время как в 13-м и начале 14 века рыцарей можно было перемещать в Ливонию, Пруссию и владения Ордена и обратно. В последствии на протяжении 14 века рыцари оставались в Ливонии - это также означало, что администрация в Ливонии стала организовывать собственную вербовку независимо от Пруссии²⁴⁷. В вербовке братьев-рыцарей выделяется несколько основных периодов²⁴⁸:

- с момента включения меченосцев в Тевтонский орден в 1237 г. и до 1309 г.:

ежегодно в замках Ливонии проживало около 200 рыцарей, и поэтому можно предположить, что ливонская ветвь, вероятно, насчитывала 1200-1400 рыцарей, хотя имена только 215 известны и только 85 могут быть идентифицированы; таким образом, только 6-7% рыцарей можно отнести к конкретной семье или региону рождения; большинство идентифицируемых рыцарей были «офицерами» (магистры, маршалы или командиры), рядовые рыцари в основном неизвестны, хотя иногда раскрываются и их имена; но даже так можно сделать вывод, что три ливонских магистра прибыли из Франконии и из архиепископства Зальцбург; два других магистра, семь командиров и четыре рыцаря пришли с низменных равнин с территории современной северной Германии (эти тринадцать человек составляют 15% всех идентифицированных рыцарей); несколько рыцарей пришли из Рейнской области (области к северу от Кёльна, Нидерландов и Бельгии); большинство прибыло из Среднего Рейна (Гессен и районы вблизи того, что теперь является Южной Германией); вестфальцы составляли менее 20% идентифицированных братьев и их число было небольшим; нет следов прихода рыцарей из Марки (Вестфалии), хотя в более поздний период Орденом в Ливонии правили сыновья семей фон дер Марк; заметно большое количество мастеров, происходящих из семей с территорий вокруг горы Гарц, Тюрингии и районов вдоль побережья Балтийского моря к востоку от Эльбы²⁴⁹. Позже основным регионом вербовки стала

Вестфалия, а первым вестфальским рыцарем, который стал ливонским магистром, был Генрих фон Динклаге (1295-1296 гг.) 250.

• С 1310 по 1410 г. начинается фаза структурных изменений в Ливонской ветви: 36% от всех выявленных рыцарей были вестфальцами, 28% - рейнландцами; саксонцы и выходцы из территории вдоль Балтийского побережья сохраняли те же пропорции, что и в первый период, но выходцы с территории, которая сейчас является южной Германией и Тюрингией, практически исчезли; были идентифицированы: скандинавский рыцарь по имени Оттон, сын датского короля, и рыцарь из немецкоязычной дворянской семьи, поселившейся в Ливонии - это показывает, что ливонская ветвь нашла базу для вербовки, включающую Вестфалию, Рейнскую область и близлежащие территории севера и востока; 40% «офицеров» прибыли из этого региона; первым «опознанным» магистром из Марка был Госвин фон Херреке (1341-1359), который родился в Офердике недалеко от Унны или Дортмунда; наиболее известными командирами были вестфальцы, но магистрами обычно были Рейнландцы 252;

• от Танненберга в 1410 году до смерти ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга в 1535 г. в Ливонии доминировали вестфальцы: более половины, а иногда и более 60% идентифицируемых рыцарей были вестфальцами, в то время как рейнландцы, напротив, составляли 30% рыцарей; рекрутов, прибывающих из регионов вдоль Балтийского побережья, было немного, и количество саксонцев сократилось, и лишь немногие занимали должности; Ливонская ветвь разделилась между вестфальской и рейнской фракциями, как это видно на примере тюрингского маршала Генриха фон Нотлебена, который был кандидатом в капитаны рейнской фракции (что было поддержано Великим Магистром в Пруссии), но потерпел поражение от вестфальского большинства; были идентифицированы тринадцать рыцарей из Ливонии, сыновья немецкоязычных дворянских семей, поселившихся в Ливонии, они чаще всего были связаны с вестфальскими дворянскими семьями; были также рыцари из (теперь уже) южной Германии, хотя большинство из них было переселено Великим магистром по дисциплинарным причинам и, таким образом, они не могли занимать должности, или оставаться в Ливонии подолгу 253; через жизни ливонской ветви, 77 рыцарей были выходцами из Нидерландов - голландские 254 рыцари были широко представлены около 1430 г., составляя примерно одну шестую часть ливонского рыцарства, но их численность быстро уменьшилась после 1450 г. 255

Преобладание вестфальцев в ливонской ветви контрастирует с ситуацией в прусском отделении. В течение 13 века более 60% рыцарей были выходцами из Центрально-Восточной Германии и Восточной Саксонии, хотя процент выходцев из Саксонии был меньше - из Франконии, Швабии, Гессена, Рейнской области, Вестфалии, Нидерландов и Австрии 256. Самые заметные «офицеры» прибыли из Тюрингии, современной южной Германии

и Рейнской области; Великие Магистры, такие как Пауль фон Русдорф, пытались укрепить свое влияние в Ливонии с помощью рейнских рыцарей и их сторонников, хотя вестфальское большинство воспрепятствовало этому, и эта политика привела к трениям между фракциями²⁵⁷. В Пруссии после поражения при Танненберге «начали возникать фракции, часто основанные на региональном происхождении — баварцы и австрийцы с подозрением относились к жителям Рейнской области, и наоборот»²⁵⁸. Мол считает, что язык, похоже, не был проблемой в Ливонии, потому что рыцари из Нижнего и Среднего Рейна могли понять вестфальцев и наоборот, и поскольку Рейнская область не являлась землей сама по себе, несмотря на то, что родственные чувства между рыцарями с Северо-Запада, Среднего Рейна и Гессена были бы почти невозможны, «(...) «рейнландцы» создали широкую невестфальскую коалицию. Члены которой склонны были искать каждый помощь друг друга против вестфальской основной группы»; в Пруссии вестфальцы и рейнландцы, как правило, объединялись против рыцарей из Верхней Германии, которые говорили иначе ²⁵⁹. В своем английском переводе Устава Ордена²⁶⁰ Стернс указывает, что Голландский текст наиболее близок к средненемецкому и часто помогает в толковании малопонятных фрагментов текста», но также и нижненемецкий текст был полезен²⁶¹. Несмотря на то, что есть различия между MNG и нижненемецкими текстами, но есть и сходства - по крайней мере, на письме ²⁶². Я полагаю, что языковые различия²⁶³ среди рыцарей сыграли роль, пусть и незначительную, во внутренней динамике Ордена. Родство, указание акцентов, путаница из-за разных слов для знакомых предметов и тяга к знакомым звукам есть только у человека, и, несмотря на их Святость, тевтонские рыцари были всего лишь людьми. Тем не менее пункт 26 Устава: «о том, как братья должны жить в дружбе и братстве», — длинный абзац, увещающий рыцарей быть вежливыми друг с другом²⁶⁴. Имея это в виду, интересно, как Тевтонский Орден прожил так долго и функционировал.

Необходимо добавить больше элементов о происхождении рыцарей и проанализировать, чтобы понять, как, несмотря ни на что, они все же придерживались Устава ²⁶⁵.

Пребывание в военном ордене состояло из монашеской общинной жизни вместе с исполнением воинских обязанностей во внешнем мире²⁶⁶. Кому-то это должно было понравиться, но точно не каждый рыцарь вступал в ряды Ордена по собственной воле и был доволен своей жизнью. Многие причины, по которым рыцарь покидал мир и присоединялся к военному ордену, определенно были, разнообразными и зачастую слишком личными. Некоторым, возможно, было скучно и хотелось новых впечатлений, кто-то мог быть идеалистом, кто-то хотел избежать неприятностей дома, может быть, кто-то проиграл пари, и, вероятно, были немногие романтики, которые думали, что бытие праведным рыцарем исцелит разбитое сердце²⁶⁷.

Помимо догадок, есть идентифицируемые причины, по которым кто - либо стал тевтонским рыцарем. Например, при включении одного Ордена в другой, чему обычно противодействовали рыцари ордена, теряющего свою идентичность **268**, как в случае с Тевтонским орденом и Орденом Меченосцев. Вышеупомянутый Стенсбийский договор, последующий отказ в признании авторитета Германа Балка и, в конечном счете, катастрофа на Чудском озере – хороший пример того, что могут сделать недовольные рыцари. Однако, поскольку эти инкорпорации происходили в основном тогда, когда один из орденов был слишком мал, и не обеспечивался достаточным количеством людей и, таким образом, вербовка из светского мира была лучшим вариантом. Причины вступления рыцаря в военный орден не всегда фигурируют в источниках (и не всегда свободны от религиозной контаминации), но все же можно констатировать наличие влиятельных факторов над людьми **269**. Было влияние присутствия родственников или знакомых в Ордене; физическое лицо также могло войти в Орден в качестве пожертвования от его семьи **270**. Вмешательство родителей и давление сверстников – не современные изобретения, равно как и финансовые проблемы и корысть. Орден не допускал вступления до тех пор, пока новобранец не достигал четырнадцатилетнего возраста, хотя Устав позволял родителям и опекунам оставлять детей младше четырнадцати лет в военном монастыре Ордена **271**. Согласно пункту 30. *Как дети принимаются в Орден:*

*«Мы повелеваем также, чтобы ни одному ребенку не давали рясу и не переводили в этот Орден до тех пор, пока он не достиг своего четырнадцатого года. Но если случится так, что отцы, матери или опекуны приведут ребенка в этот Орден до четырнадцатилетнего возраста, или ребенок придет сам по себе, он, если братья пожелают принять его, будет хорошо воспитан до установленного возраста, и тогда, если он и братья согласятся, он может быть принят в Орден в обычном порядке» **272**.*

Эти дети **273** не были обязаны вступать в Орден; например, когда в 1256 г. вдова в Майнце «(...) получила своего сына от Тевтонского Ордена in futurum fratrem, это ясно дает понять, что он мог уйти, когда достигнет совершеннолетия» **274**. Подобные примеры относятся и к 1267 году, когда «(...) Вальтер Нордекский предложил своего сына братьям Тевтонского Ордена в Марбурге (...)» и с 1288 г., когда «(...) Манфред из Лоннига, гражданин Кобленца, посвятил двух сыновей Христу и Деве Марии в местном доме Тевтонского Ордена» **275**. Несмотря на то, что у этих детей был выбор - стать братьями или покинуть монастырь, - они, возможно, знали об ожиданиях своих родителей и это, вероятно, сыграло роль в их окончательном решении – документ, который сопровождал сына Вальтера, гласит: «Если действительно, чего не дай Бог, он откажется остаться с братьями в том доме, когда он достигает лет усмотрения (...)» **276**. Другая

форма семейного давления возникла в результате того, что несколько членов одной семьи присоединялись к Ордену одновременно - сомнительно что все разделяли тот же энтузиазм, и, возможно, некоторые неохотно шли за родственниками **277**. Эта же система и сомнительная приверженность может быть применена к тем, кто присоединился вместе или по приказу своих лордов **278**. Примеры этого дает Дуйсбург, который сообщает, что Конрад Тюрингский вступил в Орден со многими своими рыцарями **279**, и набор рыцарей в Ливонию:

«Братья из Нижней Германии, таким образом, всегда доминировали в ливонской ветви тевтонского Ордена. Правда, в первый период консолидации братья-рыцари, происходящие из других регионов, имели руководящие посты, но не могли изменить региональный состав братии. Вероятно, выжившие Меченосцы, большинство из которых прибыли из Нижней Германии и вступившие в Тевтонский орден в 1237 г., - сохранили свою традицию, согласно которой члены семей-выходцев из Нижней Германии должны был служить в Ордене в Ливонии. Возможно, немецкоязычные дворянские семьи в Ливонии поддержали эту идею, потому что они тоже были выходцами из Нижней Германии и часто еще имели там связи» **280**.

Другие факторы, которые могли повлиять на решение стать тевтонским рыцарем, имели отношение к материальному миру. Возможно, некоторым новобранцам (например, младшим сыновьям), жизнь в военном ордене могла представляться более комфортной, чем светский мир; плюс, было распространено мнение, что военным орденам жилось легче **281**. Пункт 29 Устава « об испытательном сроке тех, кто желает вступить в этот Орден» гласит: кандидату «(...)должен быть предоставлен подходящий период испытательного срока, так чтоб он мог узнать трудности, которые предстоит претерпеть в этом Ордене, и братия может узнать его характер (...)» **282**. CLP сообщает поучительную историю о «питании души» и рыцаре, убежденном, что Орден

не дал ему этого²⁸³. Тем не менее, для некоторых обещание крыши, еды и одежды ²⁸⁴ было вероятно, достаточно, а для других это могло означать повышение социального статуса:

«Некоторые, может быть, думали только о бегстве от зависимости; а для остальных вход в военный Орден предлагал дополнительные возможности. Те, кто обратил внимание на наплыв министриалов в Тевтонский орден утверждали, что принятие обетов часто приводило к заметным изменениям в социальных отношениях. Указывалось, что министриалы аббатства Райхенау и других лордов, ставшие членами монастыря в Майнау, не только получили контроль над значительными правами собственности за счет аббатства, но и по положению стали равны аристократическим обитателям аббатства»²⁸⁵.

Помимо поиска статуса, люди также могли пытаться избежать финансовых проблем.

Тем не менее, новобранцев спрашивали об их финансах, потому что военные Ордена не хотели нести ответственность за долги новобранцев ²⁸⁶. Таким же образом рыцарей спрашивали об их семейном положении - если рыцарь был женат, ему требовалось согласие жены или невесты на присоединение к военному ордену²⁸⁷. Например, CLP рассказывает историю Генриха фон Кунце, чей отказ жены позволить ему присоединиться к Тевтонскому Ордену привел к божественному вмешательству, чтобы она передумала и дала Генриху разрешение ²⁸⁸.

Рыцари также могли бежать от правосудия: «(...) обещая присоединиться к тевтонскому Ордену. Бруно Берлингероде в 1266 г. стремился избежать смертного приговора, который был наложенный на него в Дудерштадте»²⁸⁹. Согласно Бумке ²⁹⁰, во времена Гогенштауфеновского периода «риттер» означало любого, кто ехал верхом в доспехах, и хотя свита министриалов имела политическую ценность, но они также были возмутителями общественного порядка ²⁹¹: так, «(...) светских рыцарей, из которых набирался Тевтонский Орден (...), охватывала воинственность, которая не может недооцениваться как влиятельный компонент их рыцарского духа» ²⁹². В 1250-х гг. Александр IV наделил священников Ордена привилегиями прощать новобранцам прежние преступления и грехи, «(...) делая Тевтонский Орден убежищем для злоумышленников и привлекательным вариантом желающим избежать светского наказания» ²⁹³. Сомневаюсь, что все были «паршивыми овцами», ибо такой подход сильно упрощен. Документы 15 века содержат параметры, которые Великие Магистры считали подходящими для кандидатов; например, в 1406 г. Конрад фон Юнгинген поручил фогту из Леске Зигмунду фон Рамигу завербовать рыцарей в Империи, только знатных, молодых, здоровых и ведущих достойный образ жизни («ehrenhaften Lebenswandel»): пожилые и нездоровые должны были быть исключены из кандидатов - они не могли

выполнять воинские обязанности, также и фехтовальщики, потерпевшие поражение в дуэлях или находящиеся под угрозой тюремного заключения, должны были быть исключены. Другой причиной вступления в Орден могло быть искупление преступления: «В 1233 г. Конрад Тюрингский находился в открытом конфликте с архиепископом Майнца и напал на город Фрицлар ; и возможно, именно это событие послужило причиной его вступления в Тевтонский Орден»²⁹⁵. Также могло быть и то, что грешнику требовалось присоединиться к Ордену, чтобы искупить свои поступки, «(...) хотя трудно принять за дословную правду рассказ Петера Дуйсбургского о том, что Иоанн Ильберштедтский обещал войти в Тевтонский Орден, когда демоны бросили его и ложе, на котором он лежал, в болото (...)»²⁹⁶. А может быть, рыцарь просто хотел обеспечить себя на старости лет: ведь вступление в Орден было решением на всю жизнь (это, конечно, если рыцарь не был изгнан или уходил по своему собственному желанию), тевтонские рыцари могли рассчитывать на заботу, когда они были слишком стары, чтобы сражаться. В параграфе 25 «О старых и немощных братьях» говорится, что *«О старых братьях и о немощных следует щедро заботиться в соответствии с их немощью; за ними должны присматривать с терпением и усердием; ни в коем случае нельзя быть строгим в телесных потребностях к тем, кто ведет себя честно и благочестиво»*²⁹⁷.

Наконец, фактор, который никогда не следует сбрасывать со счетов, — это религия, поскольку рыцарь может просто желать спасти свою душу: «Как бы это ни описывалось, стремление к спасению было мотивом, наиболее часто выражаемым в документах о поступлении в военные Ордена, и этот аспект был дополнительно подчеркнут предложениями крестовых походов индульгенций братьям, сражавшимся против неверных»²⁹⁸.

И снова история Генриха фон Кунце, который *«(...) превзошел всех своих товарищей во зле, когда был в мире, поэтому он превзошел всех других в том Ордене, в котором он присоединился, в благочестии и добродетели»*. Генрих был так плох, что ему явился дьявол, у него были обличительные видения и сны, пока ему не пришло озарение присоединиться к Тевтонскому Ордену, чтобы спасти свою душу. Для многих активные действие против предполагаемых врагов Бога, вероятно, имели больше смысла, чем уход в монастырь, ведь «(...) они требовали больших усилий и, следовательно, могли иметь большую духовную ценность»²⁹⁹.

Заявление Жоффруа де Шарни о том, что опасная праведная боевая жизнь выше безопасности монастыря, вероятно, повторяли мысли многих, кто присоединился к зову военных Орденов³⁰⁰. Таким образом, военные ордена имели то преимущество, что, позволяли продолжать основное занятие светской (рыцарской- прим. перев.), жизни — сражения; к тому же там не было такого аскетизма, как в обычных монастырях ³⁰¹, и Ордена не

были такими избирательными, как обычные монастыри, поскольку они не требовали образовательного уровня 302.

Ритуалы приема в ордена тамплиеров и госпитальеров XIII века требовали не только рыцарского происхождения, но и законного рождения (хотя статут госпитальеров 1270 г. делал исключение для бастардов князей и крупных лордов) 303. Были также ограничения возраста приема, хотя тамплиеры требовали только, чтобы рекруты были достаточно взрослыми, чтобы носить оружие, дабы иметь возможность самостоятельно принимать окончательное решение 304. Упомянутый выше Тевтонский Орден не принимал новобранцев младше четырнадцати лет. Но возраст и социальное происхождение не всегда могло отражаться в иерархии братьев. Так, например, (в идеале- прим. перев.) все рыцари должны были быть рыцарского происхождения, а все сержанты просто свободными людьми — Тевтонский Великий магистр мог принять не рыцаря как рыцаря, и, несомненно, были «рыцари», которые лгали о своем происхождении:

(«один из раскрытых, был тамплиером по имени Оливер, которого приговорили к изгнанию из Ордена, хотя позже было решено, что он может остаться в звании сержанта»).

Но, похоже, что никаких доказательств дворянского происхождения не требовалось 305, по крайней мере, до Великого Магистра Дитриха фон Альтенбурга. Несмотря на то, что Тевтонский Устав гласит, что Орден предназначается для рыцарей,

ритуал приема ничего не требует от рекрутов:

«Братья вняли молитве вашей, если нет против вас препятствия в пунктах, которые мы спросим у вас. Во-первых, обязали ли вы себя кому-либо другому? связаны ли вы обетом с какой-либо женщиной? или вы крепостной какого-либо лорда? или вы взяли на себя какие-либо долги? или у вас есть какие-либо обязательства, урегулированием которых Орден может быть обременен, или есть ли у вас какая-то тайная болезнь; (...) но если они скажут, что у них нет ни одного из этих препятствий, то Магистр должен дать им эти обеты, которые свяжут их с Орденом» 306.

Проще говоря, если рыцарь уже был посвящен в рыцари, не был отступником от другого ордена 307, был холост/вдовец/получил разрешение от своего партнера, был свободным, был здоров, не имел долгов или других проблем, которые могли бы вызвать проблемы в будущем он мог вступить в ряды Ордена как рыцарь. Однако, как было сказано выше, рыцари могли попытаться уйти от своих светских проблем, вступив в Орден, а тевтонский Устав подтверждает, что это было возможно:

«39. Здесь содержатся самые тяжкие преступления из всех и наказания за них.

Самые серьезные правонарушения это:

(1) Если брат вступает в Орден посредством симонии или лжи.

(2) Если брат принимает кого-либо через симонию.

(3) Если брат, когда его спрашивают при вступлении, умалчивает о вещах, что воспрепятствовали бы его вхождению в братство»³⁰⁸.

Умолчание о состоянии финансов³⁰⁹, по-видимому, было распространенным упущением от имени рекрутов, по свидетельству современников:

«(...) в 1222 году Фридрих II признал, что ни один из принятых в Тевтонский Орден

должен был нести ответственность за долги, заключенные до вступления: его наследники, а не Орден, должны были быть ответственными за погашение долгов. Неэффективность принятых мер предосторожности иллюстрируется другой папской буллой 1255 года, в которой упоминаются братья Тевтонского Ордена, и их угрызения совести из-за невыплаты долгов, возникших до того, как они приняли рясу (...)»³¹⁰.

Симония, кажется, была связана с новобранцем (или его семьей, или лордом), жертвовавшим на Орден или принесший подарки для Ордена при вступлении. Ожидалось, что рыцари внесут вклад от 30 до 60 марок, обычно в виде земли, сумма, которая, вероятно, семьями считалась достойной, учитывая рост престижа и политической выгоды для имеющих родственника в Тевтонском Ордене ³¹¹. CLP рассказывает о том, как польские дворяне жертвовали своё имущество Ордену, чтобы быть принятыми в него ³¹², но в то время как канонисты начали подвергать сомнению эту практику, военные Ордена продолжали ожидать взносов и отсутствие сделать надлежащее пожертвование затрудняло прием; это стало считаться симонией, являющейся воспрепятствованием принятию в военный орден ³¹³:

«В ответ на прошение Тевтонского Ордена Александр IV в 1258 г. согласился на смягчение суровости латеранских указов как для тех, кто вступил в этот Орден симонически, так и для тех, кто их принял. Он признал, что некоторым должно быть позволено оставаться в своих собственных комтурах, а остальные должны были быть отправлены в другие дома Ордена; если эти дома возражали, правонарушители (...) должны были быть допущены «*tamquam de novo*» с назначением самых низких мест в клиросе и трапезной»³¹⁴.

Принесение подарков и пожертвований поднимает вопрос о том, присоединялся ли рыцарь к Ордену со своим снаряжением³¹⁵, или, в случаях, когда он еще не был посвящен в рыцари или был слишком беден, чтобы позволить себе хорошее снаряжение, Орден мог предоставить ему снаряжение. Дитрих фон Мейсен снарядил своих рыцарей, предложив их Ордену, и было указано, что министерялы предоставлены их лордом - однако, когда кто-то вступал в Орден, возможно, его господин решал, что он может и что он не может взять с собой. Из материалов суда над

тамплиерами из-за невыплаты долгов, возникших до того, как они приняли постриг (...), можно установить, что «Некоторым послушникам, по общему признанию, дали одежду и снаряжение меценаты (...)»³¹⁶, а также события в Ливонском отделении показывают, что «при условии правильного покровительства честолюбивые и способные рыцари могли достичь привлекательных властных позиций»³¹⁷. После произнесения присяги 1450 г. новобранцы должны были привести с собой три лошади стоимостью двадцать флоринов или 60 флоринов вместо лошадей, 25 флоринов за переезд в Пруссию и рыцарское снаряжение, включая доспехи; когда кандидат не мог позволить себе деньги на поездку, баллей, где он был завербован, должен был покрыть проездные расходы, которые были дорогостоящими. Например, швед Коббинг, ландкомтур Вестфалии в 1411 г., набрал 33 рыцаря и перевел их в Ливонию от имени Ливонского Магистра Конрада фон Витинггофа. Неизвестно, возместил ли фон Витинггоф, сами рыцари или их родственники когда-либо расходы Коббинга ³¹⁸.

Это снова поднимает вопрос о количестве рекрутов, которые были чьими-то младшими сыновьями, и среднем возрасте этих рекрутов. Так как при поступлении было мало материальных преимуществ, не все рекруты могли быть младшими сыновьями³¹⁹, руководящие должности всё равно должны были быть привлекательными. Утверждается, что минимальный возраст вступления в Тевтонский орден был четырнадцать. Документы допросов тамплиеров в 14 веке показывают средний возраст вступления в группу из 224 рыцарей: «(...) из 224 братьев, представших перед папскими уполномоченными в Париже в 1310-1311 гг., только тридцать три человека присоединились к ордену, когда им не исполнилось и двадцати лет. Средний возраст поступления в этой группе составлял двадцать семь с половиной лет. Эти цифры не могут, конечно, считаться абсолютно точными, так как ясно, что некоторые братья имели только приблизительное представление о своем возрасте, но братья знали бы, на каком этапе в своей жизни они присоединились к Ордену Тамплиеров, и их свидетельство можно рассматривать как общее указание моделей найма»³²⁰.

В некоторых областях средний возраст новобранцев тамплиеров составлял 27/28 лет, потому что младшие сыновья могли не сразу посвятить себя жизни в военном ордене: «(...)было типично, например, что для групп молодых дворян, ювенков, провести несколько лет в поисках приключений и славы на войне и турнире». Согласно Милитцеру, на протяжении веков Орден в первую очередь требовал от кандидатов здоровья и молодости; однако он утверждает, что рыцари присоединялись не как юноши, а как опытные и «закаленные» мужчины³²². Между физической подготовкой к работе и опытом ее выполнения существует большой промежуток наработки опыта. Учитывая, что ребенок может быть воспитан и, таким образом, обучен в тевтонском монастыре, и что

министериалы были профессионалами войны, и что рыцарь³²³ мог либо вступить в Орден, самостоятельно или в компании семьи или лорда, и что здоровье было решающим вопросом в вступления, мне кажется, что большинство новобранцев уже должны были быть относительно опытными бойцами, когда они присоединились к Ордену, возможно, не моложе 25 и не старше 30 лет. К сожалению, Хроники Ордена не вдаются в подробности, когда речь идет о возрасте рыцарей, ссылаясь на них только как молодых или старых, и я не нашла информации по этому вопросу; таким образом, эти только мои предположения. Однако представляется, что молодым рыцарям могли доверить главные роли³²⁴ и что при необходимости к ним обращались за советом³²⁵ - и что они были, конечно, готовы к действию:

«Между тем Братья в Курляндии (...) услышали, что жемайтійцы собираются им помешать. Они наскоро посоветовались и отправили гонцов в Мемель, чтобы сказать Братьям и немцам, чтобы они приходили быстро и вели с собой куршей. Когда гонец прибыл в Мемель, он передал послание Братьям, и группа юношей, находившихся там, обрадовалась».³²⁶

Было подсчитано, что в Ливонии средняя «продолжительность жизни» рыцаря составляла десять лет из-за походов³²⁷; возможно, то же самое можно было бы применить к Пруссии.

3. Тренировка рыцарей

Однако так же, как необходимо было проанализировать актуальность министриалов, необходимо посвятить несколько абзацев значению исходного немецкого термина «ritter».

Различие между «rîter» (конный воин) и «ritter» (представитель рыцарского сословия) пришли позже, в 13 веке, из примеров в поэзии³²⁸, согласно словарям, «первоначально «ritter». обозначал всадника в тяжелых доспехах; позже он стал «обозначением класса»³²⁹.

Я не буду останавливаться на аспектах светского рыцарства, поскольку в центре внимания моей диссертации - кавалерия тевтонского ордена. Этот

фондовый контекст просто дает лучшее представление о том, кем были тевтонские рыцари, хотя бесспорно, требуется больше исследований светского немецкого рыцарства. В эпоху Гогенштауфенов каждый, кто сражался верхом в доспехах, был «рыцарем» (король, князь, вассал или наемник), хотя единообразие оружия не стирало различий между господами и слугами: лошадь и доспехи стали частью экипировки военных кавалеристов около 1200 г., хотя наличие лошади и доспехов не всегда означало, что человек, который воевал с этой экипировкой, был ее владельцем **330**: «В самых общих чертах можно сказать, что в период, между 1150 г. и 1250 г., термины *dienestman* и *ritter*, точно так же, как соответствующие им термины *ministialis* и *miles* в той или иной степени взаимозаменяемы и применимы к одной и той же группе людей и что по прошествии времени они постепенно распадаются на обозначения ранговой иерархии, в которой *ministialis-dienestman* порой стоит выше, чем *miles-ritter*» **331**.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что не все немецкие «рыцари» были дворянами. Я считаю, что в контексте Ордена этот аспект может быть напрямую связан с тем, что влечет за собой - быть благородным рыцарем. Законы середины 14 века прямо требовали, чтобы кандидат на ранг рыцаря должен был быть благородного происхождения; однако параграф в законах Дитриха фон Альтенбурга позволяет принятие мужчин, которые обещали взять на себя определенные задачи, что указывает на то, что Орден искал конкретных новобранцев для выполнения определенных задач **332**.

Мне кажется, что как правило, новобранцы уже должны были быть профессионалами, и большинство из них, ранее перечисленные как *министерiales*, указывает на этот путь.

С самого начала Орден нуждался в рыцарях, физически крепких и способных обращаться с оружием и драться, но Орден также знакомил рыцарей с административными практиками, что позволяло рыцарям приобретать опыт управления людьми, а это означало, что молодые новобранцы могли позже продвигаться на более высокие должности - когда новобранцы отправлялись в Пруссию в возрасте четырнадцати лет или немного больше, они проходили обучение в монастырях **333**. По словам Милликена, рыцарское обучение началось в возрасте семи лет: он должен был научиться искусству верховой езды («(...) он научился грациозно и ловко вести лошадь, перепрыгивать через стены и канавы и прыгать в седло, не касаясь стремян **334**»), фехтовать и стрелять из лука, а также управляться копьем, тренируясь против пятерых; ему также приходилось заниматься бегом и тренироваться в рукопашном бою; его также учили охотиться, чтобы научиться справляться с усталостью, голодом, и жаждой, стоять настороже и выработать уверенность в применении оружия, наблюдать за расположением на местности, научиться ориентироваться, развивать внимание; когда

он становился оруженосцем, тренировки становились более требовательными физически, и в его обязанности входило не только помогать

*своему хозяину с его доспехами и заботиться о них, но также следить и ухаживать за его лошадьми и объезжать молодых лошадей***335**.

В этом аспекте, однако, я полагаю, что скорее сам рыцарь будет тренировать свою лошадь, когда она научилась терпеть шпоры и всадника, или кто-то более опытный в этом. Милитцер представляет более спорную точку зрения, считая, что неизвестно, как новобранцев обучали перед вступлением в Орден, хотя и предполагалось, что, во-первых, они были обучены в своей семье обращению с оружием и использованию доспехов - он также добавляет, что подробности этого обучения неизвестны, особенно если новобранцы были отданы в Орден как дети **336**. Николь подчеркивает, что мало что известно о конкретных аспектах обучения в Ордене, но отмечает, что, вероятно, это было похоже на обучение в других орденах и отражало военные обычаи в Империи**337**.

CLP сообщает, что Людвиг фон Либенцелль происходил из дворян и, таким образом, уже имел рыцарское обучение: *«Брат Людвиг [фон Либенцелль] был из ветви знатной семьи, с ранних лет изучил военное искусство и совершил много чудесных, доблестные дел в бою, о которых эта книга расскажет позже»***338**.

Я считаю, что обучение отражало тенденции ведения войны, а также экономическое положение семьи: таким образом, оно не могло быть полностью однородным в пространстве и времени, но оно, безусловно, подразумевало искусство верховой езды, боевые искусства, выносливость и навык обращения с оружием. Что касается обучения в монастыре оно, вероятно, было более строгим и включало коллективное обучение, чего не произошло бы в дворянском доме, учитывая, что рыцари в военном Ордене были связаны клятвами послушания и должны были действовать как единое целое. В 14 веке упомянутые выше законы, вероятно, были направлены на то, чтобы Орден принимал людей, которые уже имели относительно однородную подготовку и, таким образом, были готовы к сражениям, в отличие от более разной степени подготовленности рыцарей, которые могли быть выходцами из недворянских родов.

Я считаю, что обучение отражало общие тенденции ведения войны, а также экономическое могущество семьи: таким образом, оно не могло быть полностью однородным. Хотя Устав не очень подробно описывает, как рыцари продолжали тренироваться, оно дает несколько намеков на то, как рыцари тренировались и оттачивали свои боевые навыки в параграфе 23. О погоне (охоте):

«Братья не должны участвовать в охоте (...) Но если они будут иметь или приобретут в будущем некоторые регионы, покрытые густыми лесами, от которых они могут получить большую прибыль в

виде дичи и шкур, ими допускаются охотники, которых вместе с другими братьями они могут сопровождать для защиты от злых людей. Однако они не будут мчаться по полям и через леса со стрелами и другим оружием именно за дикими животными. Далее мы позволяем им изгонять волков, рысей, медведей и львов без гончих и уничтожать их не ради развлечения, а для общего блага. Между тем, братья могут также стрелять в птиц, чтобы попрактиковаться в стрельбе и повысить свое мастерство»³³⁹.

С другой стороны, в абзаце 28. Как братья должны подавать людям хороший пример:

- рыцарям не рекомендуется заниматься светской рыцарской деятельностью, такой как турниры: «На свадьбах и сходах рыцарей и прочих сборищах, и легкомысленных забавах, в которых мирская гордыня служит дьяволу, братья редко будут присутствовать, хотя они могут заниматься там делами Ордена или спасти души».

Разрешенным развлечением рыцарей была резьба по дереву³⁴¹.

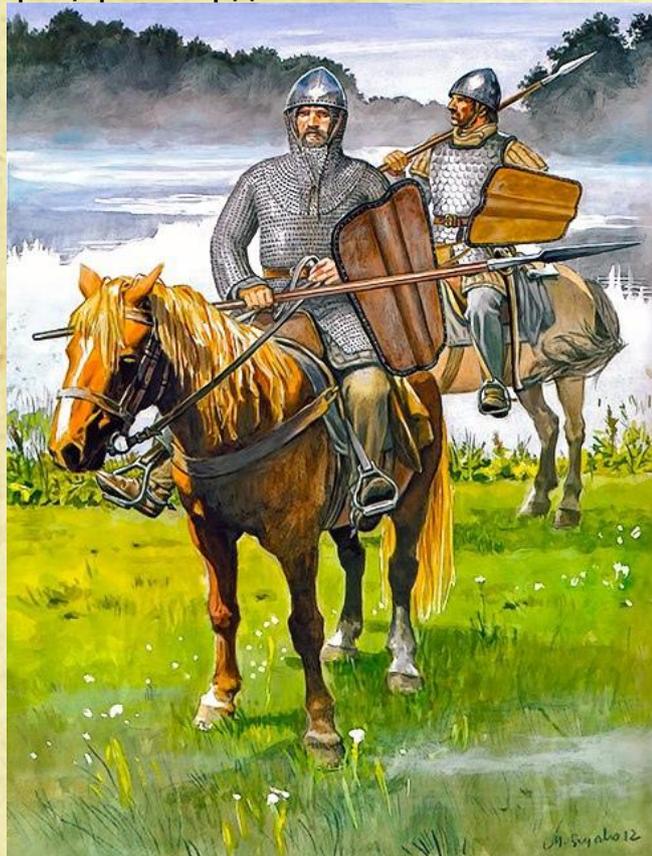
Ордену нужны были не только здоровые и (молодые) опытные воины, но также он нуждался в рыцарях, способных осуществлять управление, командовать людьми и исполнять административные должности - есть несколько человек, отправившихся в Пруссию, чьи должности известны до вступления в Орден: Конрад Оттингер был «Ландрихтером» - земельным судьёй в Штерцинге, до того, как в Бозене в 1452 году принял постриг и был отправлен в Пруссию; Йорг Рамунг долгое время служил при дворе герцога Зигмунда Австрийского, прежде чем присоединиться к Ордену в 1452 году и отправиться в Пруссию; Готхард Кеттлер служил помощником в избирательном суде Кельна; другие примеры из 15-го и 16-го веков показывают, что в целом рыцари в Пруссии и Ливонии получали обучение за пределами своего семейного хозяйства, в более крупных дворах помещиков или сами исполняли административные должности - таким образом, именно этим был обусловлен более поздний спрос на дворянских

кандидатов, поскольку дворяне были воспитаны для осуществления властных и военных функций **342**.

Однако для данной диссертации второе важнее. Рыцарь специализировался на конном бое, и как профессиональный воин, имел определенное снаряжение и товарища по оружию (коня - прим перев.) , с которым он должен был уметь работать. Но быть профессиональным воином подразумевает боевой опыт, а это не могло не сказаться на телесном и психическом состоянии рыцаря. Это тема, которую я считаю важной для более пристального взгляда на тевтонских рыцарей и о том, как они вели войну. Тевтонский рыцарь был не просто рыцарем, а воином, сражающимся за Бога. Прежде всего, я считаю важным понять, как этот рыцарь понимал свою роль. Создание военных орденов переплело религию, войну, рыцарство и монашество в новаторской и привлекательной форме, оправдывающей рыцарство этически и морально, заменив прагматизм, оправдывавший прежде существование рыцарей и заложив основы нового рыцарского идеала, который разовьется в течение следующих веков из-за «одухотворения» войны **343**. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что рыцарство в военном ордене не было неизменным понятием и могло варьироваться в соответствии с регионом, состоятельностью и человеческим фактором. Еще важно иметь в виду, что до середины XIV в. многие рыцари были выходцами из министриалитета: ожидалось, что эти рыцари будут специалистами по конному бою, имеющими навык командования гарнизонами в замках, и управления землями; как группа землевладельцев со своими интересами, и, таким образом, пропитанная, как говорит Арнольд, «конфликтным политическим немецким министриалитетом», что делало министриалов опасным орудием насилия от имени своих лордов или от себя **346**: «*[Ministeriales] использовали во всех делах и могли подвергнуться пыткам, увечьям или смерти, если будут захвачены. Многие были задержаны с целью выкупа (...)*» **347**. Согласно документам, потенциальные новобранцы Ордена в середине 14 века больше реагировали на рыцарские аспекты, чем традиционный призыв к крестовому походу для защиты христианского мира, и, таким образом, Орденское рыцарство и крестовые походы на Балтике стали больше делом обретения светской рыцарской славы вместо решения вопросов духовности **348**.

Эта ситуация выявляет еще один факт, который наблюдается у тевтонских рыцарей: изначально основная часть Ордена происходила из небольших, социально и политически незначимых семей, близких к традиционной культуре и соответственно близких к дохристианским традициям **349**. Согласно Хартмуту Куглеру , LRC можно использовать для понимания министриалитета обычного рыцаря, учитывая, что она подчеркивает общие боевые ценности между рыцарями и их врагами, а также языческие практики, принятые рыцарями **350**: «(...) Германист Хартмут Куглер объясняет соответствующие отрывки в «Хронике» со ссылкой на чрезвычайно тесную связь между христианской и языческими формами

культуры, особенно в том, что касается жертвоприношений лошадей Богу **351**. что было устойчивой традицией и в средневековой Германии». **352** Другой пример наличия языческих практик у тевтонских рыцарей можно найти в другом эпизоде из LRC **353**- «Однако в данном случае английский перевод Хроники не точен, и более подробное изучение повествования летописи показывает, что [рассказчик] на самом деле имеет в виду всех собравшихся, включая немцев», а не только привычки туземных союзников; в оригинальный MHG относится ко всей группе без различия, а переводчики указывают на то, как христианизированные союзники сохраняли языческие обычаи, будучи полностью интегрированы в систему Ордена **354**. Могло случиться так, что на рыцарей повлияло соседство с туземцами и их древние обычаи **355**. Туземцы служили в Ордене, и также вероятно, что некоторые братья были местными жителями (хотя известен только один брат-рыцарь, Икемеле)**356**, учитывая, что «археологические исследования ливонских замков позволяют предположить, что некоторая часть братьев-сержантов могла быть местного балтийского происхождения, поскольку наряду с различными предметами западноевропейского происхождения при раскопках также были обнаружены многочисленные артефакты (...), характерные именно для местного населения»**357**; кладбища возле замков также предоставляют косвенные доказательства того, что рядом с замками Ордена жили туземные слуги; прусские дворяне(светские немецкие, польские и другие рыцари, служащие Ордену) объединились с орденскими рыцарями и туземными дворянами - ноблями, достигшими высокого статуса, и бывшими интегрированы, как офицеры в Ордене .

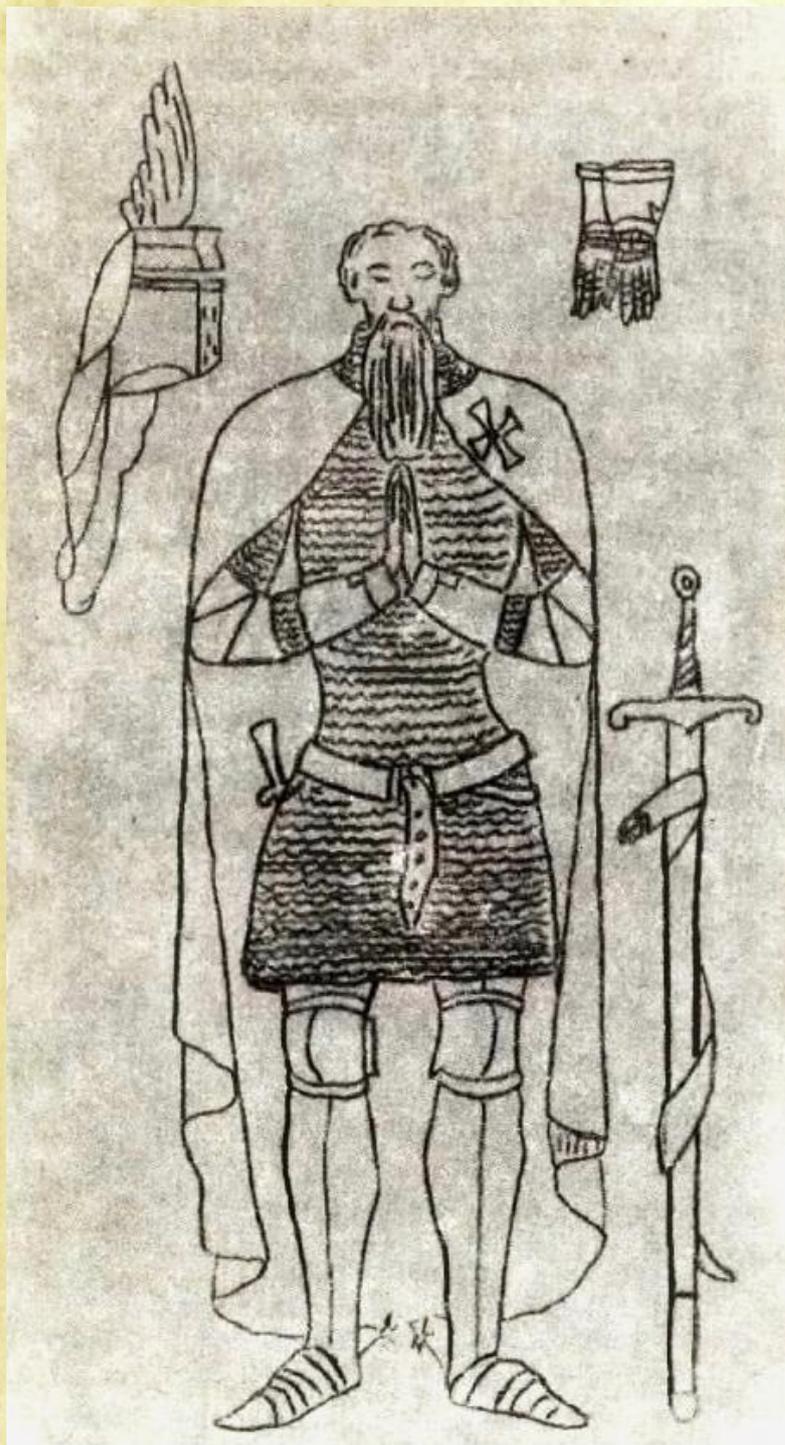
Их называли «Витинги» – у них были особые столы для еды в замках, а также особая форма одежды, которая включала использование их традиционного оружия **358**. Терпимость (и, по-видимому, принятие) определенных практик продолжалась и в XIV веке, судя по жалобам на Орден: рижский архиепископ (формальное обвинение в 1305 г.), и город Рига обвинили Орден в языческих практиках в 14 в. веке, как и папский легат Франциск Молиано в 1312 году: «(...) обвинения в ереси и колдовстве, прибегании к сожжению мертвых тел (языческая практика) и убийстве раненых братьев в Ливонии» **359**. Необходимо иметь в виду - обвинения имеют политический подтекст **360**, но дают ценное представление о жизни рыцарей. Источник от Франциска Молиано указывает на то, что рыцари практиковали языческие обряды, особенно гадания - это напоминает традиции балтийских аборигенов: по словам цистерцианского монаха, жалующегося на рыцаря, якобы предсказавшего будущее с помощью свиной кости, «(...) он сказал, что он слышал, что некий брат Ордена упомянутых братьев Госпиталя, взглянув на лопаточную кость некой свиньи, предсказал другим братьям определенное будущее, которое потом и произошло, как и предсказывал тот брат» **361**.

В начале 14 века Орден также несколько раз обвинялся в убийстве своих раненых солдат и сжигании трупов, согласно документу, изданному Папой Климентом VI в 1310 году («Следуя наихудшей практике тех же язычников, они убивают своих братьев с каким-то нечестием и дикой свирепостью, если случается, что они поражены раной в любой враждебной встрече или конфликте, против обычаев православной веры, еще заживо, сжигая их тела пламенем») и в папском указе от 1336 г. («Далее, чтобы вам не убивать своих братьев, раненых в бою и еще живыми, ни кремировать их тела, издаем указ о наказании за такие вещи, также не осуществлять предзнаменования и гадания или ворожбу, но запрещаем такие вещи делать..») **362** Источники Ордена также упоминают эту тему. Ливонская хроника XIV в. Германа фон Вартберга **363** рассказывает, что рыцари сожгли двадцать пять своих мертвецов, убитых в сражение во время экспедиции в Литву: согласно христианского учения о воскресении, сожжение мертвых нарушало учение Церкви - кроме того, разные погребальные обычаи считаются поворотным моментом между христианством и язычеством **364**. Кроме того, сожжение мертвых также противоречило тому, что было оговорено в Уставе **365**, но учитывая, что поле боя отличалось от куска пергамента, убийство раненых могло быть актом милосердия **366**. Что касается гадания, СЛР упоминает эту тему **367** без каких-либо осуждающих комментариев, которые могли бы свидетельствовать о том, что, по крайней мере, в глазах духовенства Ордена допускались некоторые обычаи; например, говорят, что Дитрих фон Эсбек знал, что умрет в походе: «(...) Брат Дитрих фон Эсбек предсказал свою смерть брату Конраду Роту; когда последний предложил ему свою лошадь для кампании, но Эсбек отказал ему, сказав, чтобы он сохранил

свою коня: «Довольно мне коня моего, и да будет благословение Божие на нас обоих, потому что я уезжаю, и ты не увидишь меня снова живым, каков бы ни был исход похода».

Следовательно, я думаю, можно утверждать, что тевтонские рыцари не были непроницаемы для окружающей их среды. Таким образом, кажется логичным изучить снаряжение, которое рыцари имели в своем распоряжении чтобы вести боевые действия на Балтике.

4. Снаряжение

Тип снаряжения, его полезность и использование были разработаны в соответствии с опытом рыцарей во время конфликтов - хотя годы благоденствия тоже сыграли свою роль в организации сил Ордена, их численности и составе, и это в свою очередь, также повлияло на снаряжение **369**. Большая часть снаряжения была импортирована в основном из Священной Римской империи, где находились основные производственные центры, хотя некоторая часть производилась и на территории Ордена **370**.

Источники разнообразны, например, бухгалтерские книги, списки расходов, отчеты осмотров замковых арсеналов, городские записи, официальные и юридические документы - один из наиболее важных источников - *Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399-1409* **371**: «(...) который содержит списки сумм, израсходованных Орденом, главным образом Мариенбургским монастырем и Великим Магистром при покупке и ремонте оружия и доспехов. (...) информация, которую он предоставляет (...) фиксирует текущие цены на оружие и доспехи и иногда даже позволяет нам различать их разнообразие или различия в качестве одного и того же вида оружия или снаряжения» **372**.

Части доспехов, записанные в DMT, представляют собой кольчугу и латы (некоторые классифицируются как железные, стальные, белые или цветные) и шлемы (упоминаются в большем количестве, чем доспехи), **373**; также имеются сведения об элементах конской упряжи, боевых конях, колонки снабжения и ссылки на крепезное оборудование, такие как «(...) 7 scot dem sarewechter vor unsers homeysters rinkenharnasch zu bessern (7 скотов за улучшение лучшего кольчужного доспеха нашего Магистра...)» **374**.

Еще одним важным письменным источником является *Das Grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens* **375**. Он содержит сведения со второй половины XIV века до секуляризации приказом 1525 г., хотя имеются пробелы в информации относительно второй половины 15 столетия. В нем перечислены инвентари из комтурств **376**, фогтств, отдельных замков и меньших территориальных единиц — поскольку в большинстве замков было два арсенала, один для оружия и доспехов командира и фогта, а другой для мобилизационного оружия, при этом не учитывается рыцарское снаряжение, так как оно было в личном пользовании, не присутствовало в арсеналах и поэтому не регистрировалось **377**. Проблема с описью состоит в том, что регистрируются только избранные категории оружия: «Обычно это были части доспехов (кольчужные рубахи, бармицы, капюшоны, пластинчатые доспехи, шлемы, части пластинчатых броней и др.); арбалеты с болтами, огнестрельное оружие, боеприпасы, порох, сера, селитра, иногда другое снаряжение и конное снаряжение (главным образом седла)» **378**.

Наконец, Устав также предоставляет информацию об снаряжении, особенно в дополнениях Великих мастеров, которые позволяют заглянуть в настоящую жизнь рыцарей с учетом необходимости напоминания им об их

обязанностях 379 — из этих дополнений можно понять - рыцари увлекались украшенным оружием и снаряжением, несмотря на запреты, и я считаю интересным, что Устав регламентирует не только какие доспехи, оружие и лошадей могли иметь рыцари 380, но и их одежду и постельное белье. Поскольку описи монастырских оружейных палат не учитывают этого 381, мое мнение, что стоит потратить несколько абзацев на то, что Устав отмечал как важное.

Согласно Уставу, п. 11. «Как и чем братия может одеться и что у них может быть на постели» 382, братии выдавали из униформы, только белые мантии рыцарей как знак их рыцарства; модные ткани были запрещены 383, как и любые виды украшений. Однако, судя по региональным различиям относительно снаряжения, отмеченного в пункте 22 Устава, «о вещах, относящихся к рыцарям» 384, похоже, редакторы учли разные театры военных действий Ордена, признавая необходимость адаптации к различным условиям ведения войны. Итак, рыцари носили доспехи. «Трапиер» отвечал за распределение частей доспехов вооруженным братьям, и хотя у рыцарей, вероятно, было свое снаряжение, похоже, рыцарское снаряжение не сильно отличалось от сержантского. Военная служба исполнялись рыцарями и сержантами, но: «Хотя и существовало четкое разграничение чинов между двумя группами, в военных вопросах они различаются скорее по статусу, чем по существу». разная экипировка, возможно, облегчала для сержантов пеший бой: «Тем не менее, вооружение и снаряжение обеих групп были в основном одинаковыми, и сержанты по оружию не представляли собой легкую кавалерию, которую можно найти в некоторых мусульманских армиях» 385. Таким образом, я думаю, что все же полезно посмотреть, чем заведует ризничий (трапиер), поскольку это может помочь в составлении картины рыцарских доспехов. «О костюмах», пункт 35: «К обязанностям ризничего относятся ткани; кольчуги, наплечники, наколенники, штандарты, наверхия шлемов 386, рукавицы, пояса и другие предметы одежды, которые должен дать ризничий братьям, это входит в его обязанности» 387. Однако важно иметь в виду, что различия между рыцарскими и сержантскими доспехами все же были, учитывая, что рыцари должны были сражаться верхом. CLP включает несколько замечаний о весе рыцарских доспехов и оружии: например, во время кампании 1260 г. рыцари, сопровождавшие Орден, неохотно сражались в пешем строю из-за веса их брони: «Когда они начали, брат Генрих, маршал, спросил человека по имени Матто, который я слышал, был помезанец и сын Пиппина, как им следует нападать на языческую армию. Человек ответил таким советом: «Я предлагаю спешиться и отправить лошадей, подальше от нас, что ни у кого не будет шанса вернуться к ним, и что мы должны сражаться пешком. Поскольку у людей не будет лошадей, они будут вынуждены защищаться и оставаться в бою; иначе они, несомненно, убегут». Рыцари Ревеля, которые были в это время на службе у короля Дании, не согласились с

этим советом вместе с многими другими. Они считали, что без лошадей воевать невозможно, из-за веса доспехов»³⁸⁸.

К сожалению, в хрониках Ордена³⁸⁹ нет подробных описаний экипировки рыцарей. LRC содержит несколько намеков на доспехи, например, «Братья пришли к Магистру со многими гордыми войсками, и все тевтонские рыцари скакали туда вместе. Можно было видеть блестящие на поле шлемы и щиты и бесчисленные доспехи. сиявшие как стекло. Войско было великое и сильное, и готовое к бою»³⁹⁰. Согласно Новаковскому, в его исследовании - «Тевтонские войска», войско включало в себя Тевтонских рыцарей, сержантов, членов гарнизонов, польских/немецких/пруссских феодалов - вассалов Ордена, городских и сельских рекрутов и наемников³⁹¹.

В дополнение к письменным источникам имеются также археологические и иконографические сведения. Источники, однако, как и все в жизни, тоже имеют свои недостатки. Главная проблема с археологией заключается в том, что обнаруженные находки нельзя однозначно отнести к тевтонскому рыцарству³⁹², даже если они найдены на тевтонской территории: «Фрагменты оружия и доспехов были обнаружены при многочисленных раскопках памятников Ордена в Пруссии, а ряд предметов сохранился в частных коллекциях, и сейчас выставлены в музеях. Арбалетные болты и наконечники стрел встречаются чаще всего, иногда в больших количествах. Броня сравнительно реже; шлемы четырнадцатого века есть из Торуня, Ольштына, Мельно (предположительно найдены на поле Грюнвальдской битвы) и Выструча; нагрудные доспехи были обнаружены в Вельке Нешавке под Торунем и в ряде других мест по всей Пруссии; фрагменты чешуйчатого доспеха в Радзыне Хелминском и две павезы, расписанные черными крестами, сохранились в коллекциях в Нюрнбернге и Варшаве (...)»³⁹³.

Иконографические, нумизматические и сфрагистические источники также ограничены из-за схематичности изображения³⁹⁴. Николь отмечает, что, несмотря на отсутствие сведений о рыцарских доспехах, в позднем 13-м и 14-м веках доспехи подвергались изменениям в Империи³⁹⁵. Учитывая, что большинство новобранцев были немцами и что вполне вероятно, что в 13 в. рыцари присоединялись к Ордену со своим снаряжением, и что в 14 веке прием требовал, чтобы рыцари привозили свое снаряжение, а Орден импортировал снаряжение из Империи, можно с уверенностью сделать вывод, что экипировка тевтонских рыцарей не отличалась сильно от того, что было у рыцарей в Западной Европе. Кажется, не было единообразия в экипировке, учитывая, что попытки были предприняты, по-видимому, в 14 веке, когда, например, великий магистр Лютер фон Брауншвейг постановил, что вооружение должно быть «(...) «в соответствии с обычаями страны», что означало бы кольчужные хауберги и пластинчатые доспехи »³⁹⁶: «(...) оборонительные доспехи в Пруссии развивались по тем же принципам, что и во всех частях Европы. Арсеналы государства Ордена, вероятно, в целом

не отличались от arsenалов Центральной и Западной Европы. Скорее всего оружие и доспехи государства Ордена не превосходили по качеству своих соседей» 397.

Несмотря на «западные» тенденции 398, которые могли диктовать боевую моду, следует задать вопрос, была ли экипировка рыцарей восприимчива к балтийским влияниям, как порой были восприимчивы к нему сами рыцари. Поскольку я ограничена в объеме текста и основное внимание здесь уделяется тевтонскому рыцарю и его коню, я упомяну только типы снаряжения из arsenалов, которое использовалось рыцарями Ордена 399.

Важнейшим элементом снаряжения рыцаря был шлем 400 - что тем не менее, не спасало от травм и ранений головы, вероятно, это было связано с необходимостью снять головной убор или открыть забрало, чтобы видеть, дышать или говорить; шлемы также могли быть сброшены во время падений, сбиты или насильственно сняты 401. Следующая выдержка из LRC имеет отношение к обсуждаемой теме, поскольку она описывает удары по голове и то, как снаряжение 13 века защищало своего владельца: *«Братья сражались в пешем строю, как и все семигалы. Люди с обеих сторон перегрелись, и кровавый пот струился сквозь кольчугу. Звенели мечи, раскалывались шлемы, и люди с обеих сторон падали замертво на поле. Многие падали на землю без сознания от ударов и уколов»* 402. CLP описывает, как щека рыцаря была пронзена копьем, что указывает на то, что на Фридрихе не было защитного снаряжения (не факт - прим. перев.), но он выжил и продолжал сражаться 403. Орден использовал несколько типов шлемов, в том числе старые модели 404. В конце 13 века тевтонские рыцари носили большие шлемы, которые носили поверх капюшона и стеганой шапки (чепца). Плюс шлем, возможно, был подбит тканью 405. Несмотря на то, что большие шлемы присутствуют в иконографии, в письменных источниках они отсутствуют: Новаковский приписывает это тому, что имеющиеся записи относятся самое раннее ко второй половине 14 века, когда большой шлем больше не использовался на поле боя и, следовательно, больше не хранился в оружейных: «Частое их появление в иконографическом материале указывает на художественную условность, существовавшую в Пруссии для обозначения рыцарей, таким образом подчеркивая их происхождение и статус 406 .1298 г. - самое раннее упоминание больших шлемов в Пруссии: печать Прусского ландмаршала изображает рыцаря в большом шлеме без накидки; в более поздний период существует ссылки на большие шлемы, которые носили тевтонские рыцари в актах польско-тевтонского процесса в Варшаве, согласно заявлению польского рыцаря Яна Киселевского, не сумевшего описать лица нападавших во время стычки 1331 года, потому что тевтонские рыцари, вероятно, носили большие шлемы 407. Думаю, что бацинет с закрытым забралом мог иметь тот же эффект. И это отличный повод, чтобы обратиться к вопросу о символике на тевтонских шлемах.

Существует масса изображений тевтонских рыцарей, носящих рога, крылья и т.п. как навершия своих Великих Шлемов: «Тевтонские рыцари увенчивали свои шлемы гребнем в форме круга с черным крестом или с белыми вымпелами тоже с крестом. Первую версию носит Великий Магистр на миниатюре Апокалипсиса (...) и Великий маршал на печатях 1344 г. и 1416.

На росписи в церкви в Бунге, на Готланде изображены вымпелы на шлемах тевтонских рыцарей. Интересно отметить, связки из двух или трех вымпелов прикреплены к сторонам шлема. (...) В ходе уже упомянутого процесса в Варшаве один из свидетелей, Миколай, приор доминиканцев Серадза, заявил, что некоторые тевтонские рыцари... *habebant crucem nigram super caput in galeis*» - у них был черный крест над головами на шлемах **409**. Новаковский приписывает эти шлемы с гребнем высокопоставленным офицерам. Тем не менее в хрониках Ордена нет упоминаний о шлемах, увенчанных гербами и вымпелами. Что касается их репрезентации в искусстве, то это можно отнести к художественной манере идентифицировать изображенных рыцарей (т.к. шлем с навершием к этим годам стал неотъемлемой частью родового герба - прим.перев.) **410**.

Проблема заключается в предыдущем описании Миколая. Я могу предположить что эти «определенные Тевтонские рыцари были командными фигурами, которые не приближались к месту действия потому, что из практических соображений эти шлемы в бою не применялись. Братья же носили униформу, белую накидку с черным крестом и пока было достаточно света, я не думаю, что это было бы слишком трудно увидеть. Балтика не была ближневосточной пустыней с пылью: хотя видимости может мешать листва и густой туман, как сообщает CLP:

«(...) два могущественных дворянина, Скумо и Штуце, собрали огромное войско, чтобы напасть на христиан и отправились к Бальге, где братья встретили их со своим войском и организовали активную оборону. Два смелых молодых дворянина в прусской армии были убиты. Согласно с тем, что я слышал, в тот день был такой густой туман, что никто не мог видеть никого на любом расстоянии. Плохая видимость обманула братьев. Пруссы спрятали половину своей армии для засады, но они не могли этого видеть и двинулись вперед, чтобы атаковать тех, кто бежали от них через болото. Тогда те, кто затаился, устроили им засаду и убили 40 человек и трех братьев. Да помилует их всех Бог!» 411

Таким образом, в густом тумане рыцарь ничего не увидит, если это не окажется прямо перед ним, что сделало бесполезными как знамена, так и гипотетические гербы, и вымпелы. Тевтонские рыцари так же носили изенхуты, в основном в 14 веке - Великий Магистр Дитрих фон Альтенбург издал приказ от 1349 г., в котором говорилось, что в полевых условиях рыцари могут иметь «(...) ire schilde, wopen noch ysenhute abe legen durfen (...)» 412. На миниатюрах бернских хрониках большинство тевтонских рыцарей на Грюнвальде в изображены в изенхутах 413. Рыцари также носили бацины, в письменных источниках: термины «hube/huwe/hauwe» неоднократно встречаются в источниках, но точно идентифицировать эти типы шлемов не представляется возможным, потому что, кроме «Большого Шлема», средневековые немцы все головные уборы из органического материала или металла, защищающие макушку, называли «хубе» либо «хаубе», поэтому невозможно определить, какой именно тип писец имел в виду - хотя ссылка от 1402 года в Мариенбурге на четыре "слоухубена" может считаться исключением, потому что «сло-» предполагает коническую форму и славянское влияние 414. Однако, иконографические свидетельства, такие, как фрески Лохштедта, указывают на то, что высокопоставленные рыцари носили бацинеты: фрески изображают Великого Магистра, Великого Маршала и Великого Ризничего в бацинетах с остроконечной формы («слоухубен»?) с бармицей, ниспадающей книзу на плечи 415. Помимо «слоухубена», рыцари Ордена также носили бацинеты с забралом типа «Klappvisier», которое крепилось к шлему петлей на лобной части и могло подниматься или сниматься - имеется иконописный материал и уцелевший шлем; в 15 веке они обозначались как «хельмен», по описи Великого маршала от 1404 г.: «(...) 248 isenhute [изенхуты], bosze und gut, 145 helme [вероятно, бацинеты с забралом], bosze und gut, 53 helme mit berten [вероятно, большие бацинеты с забралом], 127 storczhelme [конические шлемы], 4 slomhuben , 15 genwische huben (...)» 416.

Наконец, тевтонские рыцари также носили шлем, упоминаемый в источниках как «пекильхубе» - самое раннее упоминание относится к 1364 году в замковой оружейной палате Старогруда, а самое позднее - к 1451 г. в оружейной палате Паслеска: «Сначала их носили пруссы, а от них они были

заимствованы тевтонскими рыцарями. Таким образом, пекильхубе были типичными шлемами, но не в Западной Европе, а в Прибалтике, где западные, и восточные черты были объединены в производстве оружия и доспехов». - тот факт, что в начале 15 в. термин «prewsche hube», встречается в письменных источниках, подтверждает эту теорию 417.

На поле боя травмы представляли собой последствия от ударов острыми предметами, порезов или колотых ран, проникающие травмы от снарядов и тупые травмы от ударно-раздробляющего оружия 418. Таким образом, туловище и конечности рыцаря также нуждались в защите. Хауберк был популярен в 13 веке, затем он постепенно дополнялся пластинами, а затем был заменен на пластинчатые доспехи с середины 14 века 419. Тевтонские рыцари носили хауберки с кольчужными чулками - например, на печати прусского маршала в документе 1282 г. изображен рыцарь в подобной защите 420. С хауберком, рыцари также носили пластинчатые доспехи (платтенрок), ставшие популярными в «Ordensstaat». в конце 13 века их носили поверх хауберка или между ним и другой одеждой - в письменных источниках Ордена это обозначается как «пластины/плате» и бытует до середины 15-го века. Подобные усиления были многочисленны и до Танненберга составляли 41% всех видов защитного снаряжения, хранящегося в Пруссии, что, по словам Новаковского, означает, что господствующий тип доспехов был отнюдь не новейшим» 422. Новаковский указывает, что «(...) самые простые и дешевые экземпляры были самыми многочисленными, что очевидно в свете того, что они не применялись воинами, занимавшими более высокие чины в иерархии Ордена» 423. Однако LRC, кажется, указывает, что рыцари носили начищенные пластинчатые доспехи, что, я полагаю, имело место и в Пруссии:

«Братья пришли к Магистру со многими гордыми войсками, и все тевтонские рыцари скакали там вместе. Можно было видеть, как на поле блестели шлемы и щиты, и бесчисленные нагрудники 424 блестели, как стекло» 425.

Также использовались мелкопластинчатые (чешуйчатые - прим.пер.) доспехи, вероятно, из-за балтийского влияния, но к концу 13 века в основном использовались пластинчатые доспехи - «платтенрок», пока их не заменили на нагрудники - «брустплатте» 426.

Тевтонские рыцари носили кольчуги и нагрудники, а также пластинчатую защиту ног, как было изображено на фреске в соборе в Кенигсберге: «(...) они облачены в полные кольчужные доспехи, поверх которых они носят шарообразные нагрудники, обтянутые тканью, и поножи с наколенниками» 427. Надгробие Куно фон Либенштейна 1391 демонстрирует характерный контур нагрудника поверх кольчуги под гербовой накидкой, типичной для тевтонских рыцарей, также изображена полная металлическая защита ног 428. По словам Николь, тевтонские рыцари впоследствии также использовали максимилиановские латы 429. Хотя письменные источники не называют их так, но указывают, что латы

использовалась: «Письменные источники свидетельствуют о том, что тевтонские воины носили либо полный латный доспех, то есть нагрудник и наспинник, так называемый *gancze brost* или только нагрудник *halue borste*. Термин *stelynne broste* указывает на то, что также использовались стальные нагрудники. В 1404 году в арсенале Мариенбурга находились *gewiste broste*. Вероятно, это были итальянские доспехи.» 430.

В «*Ordensstaat*» широкое использование пластинчатых элементов началось во второй половине XV века 431. Оружие в арсеналах являлось мобилизационным снаряжением и предназначалось не для рыцарей, имевших собственное снаряжение 432. Из защитных элементов можно отметить упоминание использования («армледер» в 14-15 вв. источники) кожаную защиту для рук, одевавшуюся поверх кольчужных рукавов 433, и другие

пластинчатые элементы, такие, как защита верхней части руки («*vorstollen*»), налокотники («*elpuckel*»), наручи («*musysen/mauwschischen*») и бронированные рукавицы («*hanczken*»/«*wopenhanczken*»/«*blechhanczken*») эти элементы также появляются в иконографических источниках тех лет: металлическая защита рук, состоящая из пластин, скрепленных ремнями и пряжками, изображены на надгробии Куно фон Либенштейна; на его надгробии также изображены налокотники, а также рукавицы в виде «песочных часов» (по Новаковскому) 434. «Эксперименты, проведенные Королевской оружейной палатой в Англии и других странах, подтвердили, насколько сложно было пробить движущуюся цель, прикрытую кольчужой или пластинчатой броней (...)» 435, а для усиления защиты тевтонские рыцари носили щиты. Тем, у кого был герб, не разрешалось его выставлять напоказ 436, и, как было показано ранее в Уставе, украшенные щиты были запрещены, хотя это порой игнорировалось высокопоставленными лицами, такими как в случае с Великим комтуром в Мариенбурге (согласно *Ausgabebuch*) в 1419: «(...) *item 1 1/2m. 1 sc. der molem czu molen einen schilt mit silber und 1 tartsche dem groskompthur* 437.

Щиты тевтонских рыцарей и сержантов были белыми с черным крестом 438. В XIII и первой половине XIV вв., треугольные щиты Западной и Центральной Европы были обычным явлением в Пруссии; появились треугольные щиты со слегка закругленными сторонами в начале 14 века и бытуют до 15 века - в иконографии они используются как пехотинцами, так и всадниками, причем тевтонские рыцари изображены с этим типом щита в сцене боя с пруссаками на колонне из Квидзыня 439. В 14 веке конница Ордена стала использовать большой прямоугольный щит наряду с литовскими дротиками, и стрелами, и подобными щитами, использовавшимися пруссами и литовцами с начала 14 века 440.

То, что Николь называет щитом, скорее всего, является тем, что Новаковски называет павезой.

Новаковский отмечает, что павеза, вероятно, возникла в Прибалтике: польские источники называют ее «scutum Pruthenicum», «littische schild» и «clipeus Litwanicus», а в богемских источниках обозначаются как «paweska» и «paveska litevska» **441** (указывающие на Литву). В письменных источниках Ордена эта павеза появляется как ‘prusche schild’/’scutum Pruthenicum’, этот последний термин фигурирует в «(...) актах польско-тевтонского процесса 1339 г., в показаниях Чеслава Войасса, который, когда его спросили, как он опознал отряды Ордена, грабившие Серадз, ответил: *sed bene scit quod essent Cruciferi et ipse testis ... qui logitur habuit unum scutum Pruthenicum ad eis quando obviaverunt eis in campo*» («он прекрасно знает, что это были крестоносцы, и сам является свидетелем...тот, кто говорил, имел при себе прусский щит, когда они встретились с ним в поле» - прим.пер.) **442**. При сравнении снаряжения между тевтонскими и польскими рыцарями, существенная разница заключалась в наличии павезы у тевтонов - за исключением мазовецких воинов, которые также носили павезы из-за их близости к Пруссии, **443**. Примерно в середине 14

века стал использоваться небольшой четырехугольный щит со скругленными углами и выемкой для поддержки копья: «эти копья опирались на эту выемку в щите как раз перед атакой.. Что было записано в Cronica conflictus, при описании Грюнвальдской битвы, во время которой тевтонские рыцари «lanceas hastaque Depositatas scutis iunxerunt» (установили копья в отверстиях щитов -прм.пер) 444. Рыцарские щиты обозначались как "herrenschild"/ "rynnnetartsche"/ "rennetarcze"; другим типом конного щита была малая павеза - «ritterpavese»/'kleine Pavese' 445.

Это кажется хорошей возможностью вспомнить эпизод из CLP о братьях фон Боланд 446, особенно момент, когда Филипп перекинул свой щит за спину: «Когда фогт увидел, что умер его родственник, он был так убит горем и разгневан, что приложил щит себе на спину, взял меч в обе руки и нанес убийце такой удар, что отрубил голову». Это было в 1305 году, тип щита не описан.

Количество травм от меча 447 в остеологических данных показывает, что доспехи сами по себе были недостаточной защитой, и летописец говорит нам, что Филипп умер, может быть, потому, что без своего щита он стал более доступной целью.

Судя по исследованию останков с полей сражений, удары старались наносить в незащищенные зоны, что берегло оружие и силы бойца. 457. Кроме того, большинство ран от меча были на передней части тела воинов, что указывает на ближний бой лицом к лицу с противником; все раны были с левой стороны тела, куда ударил бы нападающий-правша, и почти все прорезало кость: «кажется, что те солдаты гарнизона, которые получили ранения от мечей, не были в смятении и не пытались бежать, но стояли на своем, пытаясь защитить себя» 458: *Это могло быть результатом качественной военной подготовки. Хотя это событие произошло в Галилее, тот факт, что оно в 12 веке сходно с ситуацией у Тевтонского ордена в 13 веке в Прибалтике, но особенно из-за тамплиерского гарнизона и небольшой выборки, даёт вероятность того, что эти останки принадлежат рыцарям, и эта вероятность выше, чем в случае с событиями, подобными Висбю и Альжубаррота, где выборки слишком велики и нет различий между рыцарями и пехотинцами 459. В CLP также приводится пример травмы острым предметом, приведшей к ампутации: то ли потому, что удар был действительно мощным и случайно попал в такую странную цель, то ли потому что руки Генриха были недостаточно защищены: «Когда Ясбуто понял, что он смертельно ранен, он хотел отомстить, но был слишком сильно ранен, чтобы развернуться. Тем не менее он дико набросился на противника. Один из ударов пришелся так, что отрубил палец Генриха Цукшверта. Так закончилась битва между ними» 461.

Николь утверждает, что оружие ближнего боя, использовавшееся тевтонскими рыцарями, было идентично такому же в Германии, и ставит вопрос о том, использовали ли нижние чины трофейные литовские мечи 462. Хроники Ордена свидетельствуют о том, что трофейное оружие

захватывалось рыцарями, поэтому они, безусловно, повторно использовались силами Ордена. По одному эпизоду в CLP:

«Один брат, три немца и гораздо большее число язычников были убиты в

бою. В конце концов христиане вынудили их бежать с поля боя. Масеке, их король,

бросил добычу и оставил шлемы, щиты, мечи и более двухсот пятидесяти лошадей.

(...) Некоторым посчастливилось добраться до своих лошадей, и они помчались домой.

Христиане преследовали язычников взад и вперед по полю, убивая всех, кого могли.

Их король бежал, но он лишился своего сына и оставил его лежать мертвым на поле битвы. Убитый горем, он бежал обратно в свою землю. Таким образом, язычники были побеждены. Все христиане были довольны результатом. Те, кого литовцы захватили, были радостно освобождены. Затем они взяли у язычников коней, шлемы, щиты и мечи и разделили их всех поровну. Богу на небесах была дана Его доля, ибо Он дал им победу»
463.

В прусских арсеналах 15 века хранилось защитное снаряжение (шлемы, доспехи и щиты), наступательное и другое снаряжение (такое, как арбалеты, натяжные приспособления, артиллерия, порох и боеприпасы); копья и мечи упоминаются редко, а поскольку писцы не упоминали их, можно заключить, что они принадлежали рыцарям **464**: «(...) тевтонская конница, в состав которой, помимо рыцарей, входили феодалы и некоторые бюргеры, также, носила рыцарский характер. Таким образом, неудивительно, что меч имел определенное положение среди оружия и доспехов. Это положение хорошо иллюстрируется приказом, данным Великим Магистром Винрихом фон Книпродe: *Die Brud're sollen ouch mit vleise tragen ir sw't. Mann sal ouch keinen fremden Man gestatten, sin Swert zczu tragen ouch in Huz..* Из этого следует, что у каждого тевтонского рыцаря был меч, с которым он должен был не расставаться. На важную роль, которую играл меч в обществе Пруссии, указывает закон, запрещающий носить его в городе : *Item das nymand in den steten sal tragen swerth.* Целью этого приказа было предотвращение кровавых споров (...)» **465.**

Упоминания о мечах почти отсутствуют в документах, даже в самых подробных записях, таких, как одна от 1332 года, в которой указано, чем должен быть экипирован воин - это отсутствие связано с тем, что меч, как собственность рыцаря, не входил в документы **466.** Археология предоставила несколько образцов мечей разных типов и с религиозными украшениями: «Три меча были найдены в связи с битвой под Пловцами (1331 г.), длинный меч, датируемый 1340-1400 гг., был обнаружен в реке Тина, которая впадает в озеро Дружно недалеко от Эльблонга, с навершием, украшенным иерусалимским крестом и золотыми крестами меньшего

размера. (...) в 2011 году «полный кончар» (или эсток, длинный, прямой, двуручный колющий меч) был найден под мостом рядом с Новыми воротами в замке Мальборк, датирован связанными лесоматериалами периодом до середины пятнадцатого века. Верхняя часть лезвия была украшена двумя золотыми крестами и, возможно, принадлежала рыцарю из гарнизона замка, а потеря оружия во рву, скорее всего, связана с событиями Тринадцатилетней войны»⁴⁶⁷.

В источниках засвидетельствованы и другие виды украшений. Ремешки с орнаментом, крепившиеся к ножнам кольцом-подвеской или кожаной подвеской и цепочками - особенно из позолоченных металлов - были запрещены, как это видно из Устава Дитриха фон Альтенбурга: «(...) ouch sullen sein die swertvessele schlecht geryme ane spangen.»⁴⁶⁸. - Впрочем, высшие сановники имели склонность игнорировать запрет на украшения - например, ссылка на меч Великого Магистра Ульриха фон Юнгингена указывает на то, что ножны и рукоять меча были покрыты серебром⁴⁶⁹. Однако, хотя мечи высших чинов могли быть церемониальными⁴⁷⁰, правила Дитриха фон Альтенбурга показывают, что рыцари не отказались от мирского тщеславия. Новаковский изучил типологию мечей, найденных в «Ordenstaat» используя археологические и иконографические источники⁴⁷¹. Мечи имеют разные лезвия, навершия и гарды, что не позволяет говорить о стандартизации тевтонских мечей - добавим к этому, что владельцы указанных мечей прибыли из разных мест Империи, вооруженные мечами, произведенными в разных центрах производства; кроме того, мечи были импортированы из-за границы - меч из Мариенбургского арсенала имеет клеймо венгерского производителя на клинке; однако, как и другие предметы снаряжения, мечи также производились и в «Ordenstaat»⁴⁷². Хроники Ордена почти не описывают мечи, но, возвращаясь к Филиппу фон Боланду, который, как говорят, взял свой меч обеими руками после того, как отбросил на спину свой щит, он мог иметь «полуторный» меч, который можно использовать как одной, так и двумя руками (мечи с короткими рукоятками часто удерживали двумя руками (одной поверх другой), что имеет много примеров на средневековых иллюстрациях, поэтому предположение спорно - прим перев.). Изобразительные источники показывают, как рыцари били мечами⁴⁷³. Еще одно интересное указание на использование мечей можно найти на надгробной плите Куно фон Либенштейна: его меч, прикрепленный цепью к нагруднику, находится у него справа, а его кинжал слева - по словам Новаковского, это может указывать на то, что Куно был левшой⁴⁷⁴.

Уместно упомянуть и о рыцарском поясе: он служил не только практическим целям, таким, как подвешивание меча и кинжала, но также подтверждал статус владельца как принадлежащего к группе «посвященных (опоясанных) рыцарей»- Орден требовал носить простые пояса, например, Великий магистр Пауль фон Руссдорф запретил «(...) gortele beslagen mit silber (...)»⁴⁷⁵, хотя украшенные пояса использовались высшими чинами:

великий магистр Конрад фон Юнгинген имел «(...) eynen sylbelyn gurtel (...)»⁴⁷⁶, пояс ценой выше трех марок (есть упоминания ремней стоимостью десять скоттов: «(...) item 10 scot ... vor eynen gortel zu beslon»⁴⁷⁷. Исключительные пояса высокопоставленных офицеров могли служить церемониальным целям - но опять же, необходимость регулировать стремление к моде у рыцарей указывает на определенное мирское тщеславие.

Так же снаряжение включает кинжалы и боевые ножи. У первого было двулезвийное симметричное лезвие, у второго - однолезвийное асимметричное лезвие; кинжалы были хороши для укола между кольцами кольчуги и между стыками пластин, и особенно в 14 веке их носили с мечом, подвешенным на поясе, и прикрепленными к нагруднику ремнем или цепочкой⁴⁷⁸. Кинжалы были широко распространены в 13 веке, но не всегда появляются в источниках; однако Новаковский говорит, что Великий магистр Вернер фон Орсельн был заколот кинжалом одним из рыцарей⁴⁷⁹:

*«В этом же году [1330] накануне дня святой Елизаветы, который мы празднуем зимой, брат по имени Йоханнес, саксонец, родившийся в Эндорфе, был подстрекаем дьяволом и собственным нечестием совершить очень тяжкий грех. По непонятным мне причинам он совершенно потерял из виду свое собственное спасение, как человек, потерявший рассудок, оставивший свою жизнь, свою добродетель и свою честь, и зарезал брата Вернера фон Орсельна, Великого Магистра Тевтонского Ордена. Он убил его среди всех его воинов в процессии в Мариенбурге, когда тот выходил из церкви после вечерни»*⁴⁸⁰. Вопреки заявлению Новаковского, в тексте не сказано, что у Йоханнеса был именно кинжал.

Рыцари также использовали древковое оружие. На колонне в Мариенбурге изображен один из тевтонских рыцарей, поражающий прусса своим мечом, держа в левой руке копье с вымпелом; другое копье изображено на печати Хельмно и различных печатях Великого маршала, изображающих копья с ромбовидными наконечниками и вымпелом - этот тип копья использовался в Пруссии до начала 15 века, в других местах в Западной Европе и Польше также использовались подобные копья, вероятно, из-за балтийского влияния⁴⁸¹: «Описание Яном Длугошем Грюнвальдской битвы содержит два очень интересных отрывка. А именно - тевтонские резервные части поляки приняли за литовцев, потому что в их рядах они видели сулицы (дротики) - легкие копья восточного происхождения - торчащие над лошадиными головами (...) Различия в вооружении видны и в описании боя между Ульрихом фон Юнгингеном, сражавшегося сулицей (дротиком), и польским рыцарем Добеславом из Олесницы, который носил (длинное) копье (die Lanze)»⁴⁸². Это легкое копье (дротик - прим. пер), до сих пор использовавшееся всадниками во время Великой войны (1409-1411 гг.), показывает Балтийское влияние на снаряжение Ордена: тевтонская кавалерия состояла не только из тяжело бронированных

копейщиков, так как длинное и тяжелое древковое оружие было не очень практично против более легкой и подвижной конницы туземцев, избегавших лобового столкновения **483**. Тема будет рассматривается в третьей главе.

В письменных источниках копыя фигурируют как 'spyse'/'sper'/'reitspiss'**484**. Еще раз, можно привести эпизод из CLP о фон Боландах: «(...) во время первой атаки младший Боланд был проткнут копьем и убит». Нападавшие были литовцами, и хотя то копые не находилось в руках тевтонов, оно упоминается в одной из орденских хроник. Взяв приведенный выше пример с младшим братом Филиппа, не так много отчетов о выживании после ранения в туловище копьем, тогда как выживавших после ранения от стрелы и от меча множество: профессиональная кавалерийская атака заставляла острие копыя пройти насквозь и пробить кольчугу противника; лошадь давала энергию толчку, который наводится на цель до момента удара; стрелы или болты тоже были быстрыми, но легче, что влияло на импульс удара - причем его направление не могло быть скорректировано: «В письменных отчетах солдат, участвовавших в крестовом походе, упоминалось, как стрелы могли проходить сквозь кольчугу, но часто останавливались в набивке подкольчужного гамбезона (...)» **486**, тем самым позволяя воину выжить. Например, LRC сообщает, что «один брат пробился через ряды врагов, что семгалы видели своими глазами. Он ранил одного человека и поехал к назад. Был ранен стрелами, но оправился от ран» **487**. С другой стороны, рыцарь из CLP не выжил после прострела горла **488**.

Большинство упоминаний об арбалетах в Пруссии при Тевтонском Ордене датируются концом 13 века **489**: пример можно найти в комплексе поселений в Униславе, земляно-деревянном тевтонском укреплении конца XIII века: «(...) о наличии металлургической мастерской свидетельствует обнаружение частично расплавленных металлических предметов, железного шлака и полуфабрикатов головок арбалетных болтов (...) в траншее №2, непосредственно связанной с городищем» **490**.

Арбалеты использовались на полях сражений (тяжелые типы для пехоты и более легкие типы для конных войск), на охоте, в засадах и на укреплениях **491**. Самый распространенный тип, который упоминается в записях - арбалет со стремяном («райтармброст» - скаковой арбалет) **492**: этот тип арбалета мог использоваться и натягиваться всадником верхом на лошади. Несмотря на то, что в инвентаризации 14-ого века арбалеты явно не принадлежат братьям-рыцарям **494**, согласно Уставу, параграф 31, «О маршале и командире»: «Маршал может взять из арсенала (...) арбалеты (...) для использования братьями, если он нуждается в них» **495**.

Что касается другого оружия, которое могли использовать тевтонские рыцари, Ян Длугош пишет, что боевые топоры применялись тевтонскими и польскими рыцарями при Танненберге, которые использовали их, когда их копыя ломались **496**. Использование топоров могло быть прусским влиянием, учитывая сообщения, что ими пользовались прусские племена:

«Использование топоров (...) имеет небольшое хронологическое и региональное распространение, но это объясняет, почему пруссы были значительной военной угрозой соседним регионам, и почему их вторжения на территорию князя Мазовецкого в конечном счете вызвали такой резонанс»⁴⁹⁷. Булавы, в источниках «кольбен», и фигурирующие только в описях, также использовались Тевтонской кавалерией ⁴⁹⁸. Учитывая все обстоятельства, тевтонское вооружение не особо отличалось от соседей: такие же виды доспехов и оружия были распространены и в Польше, а также в других регионах Западной и Центральной Европы, «(...) Не было единообразия во внешнем виде армий Ордена, которые представляли собой эклектичную смесь рыцарей, горожан, крестьян и наемников» ⁴⁹⁹.

Больше информации об экипировке можно получить из раскопок Танненберга ⁵⁰⁰.

Фрагменты расплавленного металла, монеты и военные артефакты, вероятно, относятся к битве; часовня, по всей видимости, стала местом паломничества вскоре после постройки в 1411 г. Раскопки внутри часовни обнаружили две братские могилы со здоровыми взрослыми мужчинами, которые имели и зажившие и смертельные ранения черепа и длинных костей, преимущественно от мечей и топоров, плюс, в меньшей степени, от ударного и метательного оружия (зажившие раны, вероятно, указывают на ветеранов); одна из могил была усечена фундаментом часовни, то есть могилы были уже до часовни; часовня была не в центральной части поля боя.

При раскопках также были обнаружены обгоревшие человеческие кости с ранениями от оружия, смешанные с обломками и некоторыми конскими костями (видимо, переотложенными); раскопки 1979-1980 и 1980-х годов на поле боя и памятниках неподалеку под руководством Надольского обнаружили еще могилы, арбалетные болты и наконечники стрел. Всего в ходе раскопок было обнаружено 28 военных артефактов, большинство из которых - в часовне или рядом с ней ⁵⁰¹.

Маловероятно, что оружие и доспехи тевтонских рыцарей давали им преимущество, особенно потому, что народы, с которыми они столкнулись, не были технически отсталыми: «Прусская элита была вооружена сравнимо с польской элитой, а может быть, даже с рыцарями Тевтонского Ордена. Петер Дуйсбург описал прусское дворянство как гордое, хорошо обученное и неплохо вооруженное (...) прусские племена учли свой опыт столкновений с Тевтонским Орденом, переняв новые методы ведения войны и новое вооружение. Тем не менее, Орденская дисциплина и использование арбалетов и боевых коней постепенно стали решающими. На смену племенному милитаризму языческого прусского общества пришел институционализированный милитаризм Государства Тевтонского Ордена, по сути, произошла замена одного элитного конного класса на другой»⁵⁰². В соответствии с Уставом, параграф 37. «Наказания за тяжкие преступления и что считается тяжким преступлением» (9) *Если брат, сознательно и*

добровольно, дает займы лошадей или оружие или иным образом оказывает помощь (врагу- прим.перев)». 503.

Таким образом, чтобы лучше понять, как тевтонские рыцари действовали на Балтике, необходимо познакомиться с их верховыми животными. Рыцарь, видимо, тратил значительное количество времени на своего боевого коня - устав тамплиеров (параграфы 283-285) гласит, что между службами рыцари должны проверять свое снаряжение, и в параграфе 283 конкретно упоминается, чтобы рыцари после заутрени ехали смотреть своих коней 505. Тренировка рыцарей и лошадей также должна была происходить между службами, что означает ежедневную езду в течение нескольких часов в день, с перерывами на обед и службу. Все время, проведенное на лошадях (тренировки, поездки в рейды и обратно, бои верхом) должно было отразиться на теле рыцаря. К сожалению, я не смогла найти конкретной информации для Прибалтики и Тевтонского Ордена; тем не менее, я считаю, что информация может быть экстраполирована из исследования венгерских скелетов 10 века (в хорошем состоянии) с кладбища Сарретудвари, на которых присутствуют суставные и периартикулярные маркеры активности (верховая езда) 506. В четырнадцати скелетах мужчин исследователи обнаружили единство поражений - был сделан вывод, что эти скелеты демонстрировали "синдром верховой езды", что было дополнительно подтверждено обнаружением конских костей и оружия в этих могилах: скелеты особенно прочные и имеют общие скелетные изменения в бедрах и бедренных костях с мышечными прикреплениями, имеющими гипертрофический характер 507.

5. Тевтонская лошадь

5.1. Предпосылки

Несколько типов лошадей фигурируют в средневековых источниках, в основном в литературе. На французском эти типы можно проследить с конца 12 - начала 13 века с идентичным соответствием и значением на нескольких европейских языках, что демонстрирует культурную значимость лошади в средневековой Европе, а также распространение общей рыцарской культуры 508. Привязка этих типов лошадей к определенному социальному положению была обусловлена денежной стоимостью разных лошадей, а это означало, что только высшая знать могла позволить себе качественных боевых коней и верховую езду 509. Эта иерархия была укреплена законами о собственности, появившимися после 1250 г. ; например, «Оукшотт описывает французский королевский ордонанс 1265 г. (...) Это постановление было частью «серии реформ» Людовика Святого, где регламентировалось, что «покупка человеком лошади выше его ранга считалась незаконной» 510. Типы боевых коней, верховых лошадей и вьючных лошадей 511 были следующими 512:

1. Военные лошади - Дестрие , Курсье, Чарджер
2. Ездовые лошади - Палфри , Дженнет, Роунси , Хакнэ

3. Вьючные лошади - Самптер

Эти типы не являются породами, несмотря на соблюдение определенных стандартов разведения (например, выбор животных сходных типов для разведения), не было никаких ограничений относительно происхождения лошадей **513**. «Если нужно было найти лошадь, более подходящую для кавалерии, необходимо было импортировать их из-за границы, а затем практиковать селекционное разведение в больших масштабах».

Для успешного разведения лошадей необходимо было содержать кобыл хорошего качества в отдельном помещении от жеребцов; заводчику также нужны были кобылы с как можно большим количеством требуемых качеств, а также жеребец, чтобы дополнить эти качества (и, хотя получившийся жеребенок мог унаследовать меньше желательных черт, жеребенок также мог сочетать в себе и лучшие черты) **514**.

Хотя у лошадей еще не было «породы» в современном смысле, определенный тип лошади, особенно боевая лошадь, должна была соответствовать конкретным стандартам. По находкам из захоронений у рыцарей и знати преобладают каштановые лошади, избирательное предпочтение, на которое, как полагают исследователи, мог повлиять красный цвет Второго всадника Апокалипсиса (Войны), а также ассоциация гнедых коней с более мужественным характером, что было важно в боевом коне **515**. Похоже, что тевтонские рыцари предпочитали черных и белых лошадей, хотя в записях фигурируют и другие цвета и отметины **516**. Запись 1450 г. Амтербуха показывает список лошадей, большинство из которых названы в честь места их происхождения, например, der brune Konigisberger (коричневый/темный **517** Königsberger) или der swartze Benhofer' (черный Benhofer, от Ordenshof Benhöf) — эта лошадь также указана по имени - Оттекольнер; другие лошади зарегистрированы по их обучению или тому, кому они принадлежали, например - «das schimmelechtige dreberchen, das des groskomphturs gewest ist» («маленький серый в яблоках рысак великого комтура») **518**; в некоторых случаях для обозначения лошадей используются физические особенности: «So findent sich hier der groe Lieflender mit dem grosen sacke' **519**, 'der hoge brune Benhoffer mit eime ogen **520**' - «живой коричнево-темный Бенхоффер с яркими глазами», или schliesslich 'der groe Konigisberger mit ufgewurfften nasselochern' - «большой кёнигсбергец с раздутыми ноздрями». **521** Наконец, используются сравнения: Ein Pferd heißt einfach, die Maws' **522**, ein anderes, der Narre' **523** und ein drittes gar, der doctor“. - Одну лошадь называют «Мышь (?)», другую «Дурак», а третью даже «Доктор» - про этих лошадей Бокманн пишет о явном присутствии чувства юмора у рыцарей. **524**

Археология показывает, что в средневековье средний рост в холке боевого коня был 140-145см, что он был среднего телосложения и имел квадратные пропорции, которые позволяли лошади нести всадника в доспехах и сохранять маневренность **525**; в более поздние периоды,

качественные боевые лошади и качественные верховые лошади имели средний рост в холке 152-172 см, и среднее телосложение **526**; с другой стороны, ездили и на лошадях более низкого качества, а вьючные/рабочие лошади были размером с пони **527**. В 4 веке Вегеций отметил, что гуннские, тюрингские, бургундские и фризские лошади были лучшими для войны **528**, и вообще Северная Европа была одним из основных поставщиков тяжелых боевых коней **529**: например, Дания была одной из самых важных стран, связанных с боевыми конями, торговлей и в течение 13 века вывозила на кораблях **530** 8000 лошадей в год только из города Риббе; другие тысячи лошадей были вывезены из других портов или перегнаны по суше на конные рынки в Гольштейне и в других районах северной Германии **531**. Размер лошадей мог бы увеличиться, если бы лошадей разводили на болотистой местности или на водянистых пастбищах, но, чтобы предотвратить ослабление лошадей, требовался компенсирующий генетический фактор (или же лошади паслись на известняке или меле для наращивания костей из-за кальция в траве) **532**. В 12 веке, кроме военных орденов, цистерцианцы тоже стали разводить лошадей: «В 1152 году цистерцианский Генеральный капитул постановил, что отделения Ордена не могут продавать жеребят, выращенных по заказу. В 1157 году было запрещено продавать любого жеребенка, который был объезжен и обучен седлу, чтобы его можно было использовать на войне. Только рабочих животных можно было продать, и только пока не сменились первые четыре зуба. Ряд запретов обнародовались год за годом, что ясно указывает на то, что цистерцианцы уже основали прибыльный бизнес, снабжая воинов прекрасными лошадьми. В конце концов, в 1184 г. Генеральный капитул отказался от попыток запретить или разграничить цистерцианское коневодство и торговлю лошадьми» **533**.

Тевтонские рыцари и крестоносцы привозили с собой лошадей из разных регионов Империи **534**, и коневодство в «Ordenstaat» стало отличительной чертой; больших лошадей разводили также западные славяне в Богемии **535**, западной Померании и полабские славяне **536** на территории современной Восточной Германии «(...) даже в Польше, где лошади были мельче, по зооархеологическим данным можно выделить два размера; вьючные и гужевые лошади ростом 110см-130см в холке и боевые и верховые лошади ростом 130-140 см.» **537**.

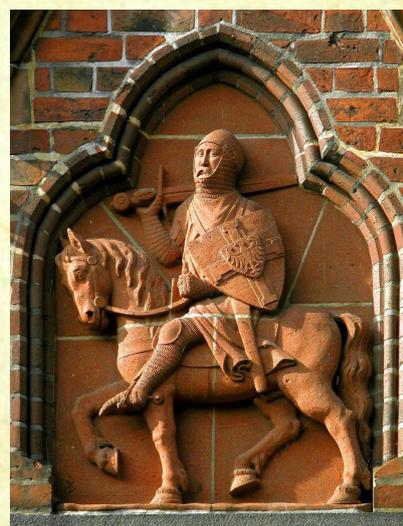
Завоевание Балтики было бы невозможно, если бы у численно уступавших христиан не было технологического преимущества перед туземцами: кроме введения кирпичных крепостей, тяжелых осадных машин (позже огнестрельного оружия) и арбалетов, тяжелая кавалерия крестоносцев и Ордена оказывалась преимуществом всякий раз, когда боевые действия велись не на заболоченной местности или в условиях с плохой видимостью - поражение меченосцев при Сауле в 1236 г. является хорошим примером **538**. Несмотря на то, что язычники перенимали методы ведения войны крестоносцев, в некоторых ситуациях их традиционные

методы срабатывали лучше: «Тяжелые кони были решающими в открытых боях на твердой местности, но у них были проблемы на более мягкой, болотистой местности, где легкая кавалерия язычников была намного лучше. Это, вероятно, одна из причин, почему крестоносцы, и особенно Орден Меченосцев, перешли через несколько лет с летних походов на зимние. Тяжелые лошади были хороши на замерзших болотах или озерах, гораздо лучше, чем на мягкой летней почве»⁵⁴⁰.

Если вспомнить, что балтийские аборигены жили в конфликте друг с другом, возможно, сезонная полезность больших лошадей объясняет, почему местные жители, несмотря на наличие соседей с более крупными лошадьми, содержали своих меньших лошадей как универсальное животное⁵⁴¹, единственное изменение произошло на религиозном уровне: «Установление христианства разорвало связь между социальной и сакральной ролью лошади, что само по себе намекает на религиозное обоснование войны и военной организации в дохристианской Пруссии»⁵⁴². CLP повествует о жертвоприношении лошади (и тевтонского рыцаря) языческим богам: оба были сожжены заживо⁵⁴³.

Таким образом, чтобы лучше понять «преимущество», обеспечиваемое боевыми конями Ордена, необходимо представить балтийских лошадей: «Лошадь — это особый случай, поскольку она широко разводилась Тевтонским Орденом и как вьючное животное, и для тяжелой кавалерии. Зооархеологические данные подтверждают, что конная культура в средневековой Пруссии и Ливонии были похожи, основная масса поголовья состояла из мелких животных размером с пони, сравнимых с особями до крестового похода, и сравнительно небольшого числа более крупных жеребцов, используемых в качестве кавалерии [крестоносцев]». Тевтонские боевые лошади достигали высоты до 150 см, в то время как местные лошади Ливонии и Литвы могли достигать лишь 112 см в холке⁵⁴⁵. В Пруссии Орден нашел небольшую местную лошадь, Sweik⁵⁴⁶ («Schweike»), имя, которое, вероятно, происходит от балтийского слова, обозначающего «здоровые» или «сильные»: эти лошади были коренастыми, мускулистыми и обычно имели рост 101 см в холке⁵⁴⁷. В письме 1427 года Великий Маршал назвал их «мохнатыми лошадами» («cleyne gerugete pherde»), и хотя нет надежного источника их цвета, но предположительно, эти лошади были светло-коричневыми, палевыми или серыми, с черной полосой на спине. (Интересно, что эту старую породу лошадей до сих пор разводят на конезаводах в Литве, где они известны как «Жемайтукаи»)⁵⁴⁸.

Эта спинная полоса считается примитивной маркировкой, и это можно увидеть сегодня, например, у лошадей Пржевальского, или у польского Коники.

Швейке был стремителен и служил туземцам как универсальная лошадь, в том числе и как боевой конь, всадники которого были легко экипированы «(...) «туземным прусским оружием» копье, щит (scutum Prunenicum), пластинчатый доспех («Brünne») и прусский шлем (специфическая разновидность конического шлема)»⁵⁴⁹ В результате столкновений с Орденом литовцы адаптировались к концу 13-началу 14 веков, что повлекло за собой развитие тяжелой кавалерии с крупными лошадьми — для этого потребовалось создание конезаводов, о чем орденские источники дают разрозненные сведения: около 1367 г. литовский князь Кестут имел конный завод в Каунасе с 50 кобылами; есть также сообщения о 400 лошадях, содержащихся на конезаводе в Жемайтии около 1379 г. ⁵⁵⁰, и вполне логично, что литовцы приобрели племенное поголовье при разграблении территорий Ордена, учитывая вражду между ними и то, что: «В средние века было обычным делом запрещать экспорт лошадей, кроме как по лицензии; к боевым коням относились примерно так же, как к оружию и их попадания в руки врага старались избегать. На создание боевого коня уходило много лет, поэтому боевые кони были очень ценным товаром»⁵⁵¹.

CLP рассказывает о нескольких кражах лошадей, например, «Вскоре после этих событий [1295 г.] (...) отряд литовцев тайно двинулся на Рагнит и угнал всех лошадей братьев и весь скот. Это было очень серьезно, но они не смогли предотвратить это, и язычники угнали животных»⁵⁵². Герман из Вартберга дает первое подробное описание конного завода близ Инстербурга, захваченного литовцами в 1376 г.: «В нем было пятьдесят кобылиц, два племенных жеребца и шестьдесят боевых коней и жеребят». Согласно Фрицу Рюнгеру, около 1400 г. было более 30 конезаводов в Ordensstaat, где Орден разводил боевых лошадей ⁵⁵³

Лошади, украденные из Рагнита и конезаводов, вызывают некоторые вопросы о лошадях коневодстве:

«Помимо сведений тринадцатого века о том, что вернувшиеся крестоносцы оставляли своих лошадей в Пруссии, имеются свидетельства 1322 года, указывающие на то, что Тевтонский орден разводил лошадей уже

тогда. Речь идет о пастбище в Хайлигенфельде на северо-западе Самбии (Самланд), на котором паслись кони братии»⁵⁵⁴. Хотя есть свидетельства присутствия лошадей в тевтонских замках⁵⁵⁵, разведение велось не в замках, а в поместьях Ордена («Форверке») и конезаводах, которые в основном располагались в низинах, дельтах и речных долинах — наиболее важные в районе Вислы, на берегах залива Фришес-Хафф и в Самбии⁵⁵⁶. Хотя кобылы были на конезаводах, племенных жеребцов держали в основном в замках, для лучшего присмотра, ухода и безопасности ⁵⁵⁷. Ограждения должны были быть разрушены во время конфликта (либо врагами, либо напуганными животными), что позволило кобылам и жеребцам сбежать, что, в свою очередь, могло приводить к тому, что кобылы покрывались меньшими жеребцами, а жеребцы покрывают меньших кобыл.

Кроме того, содержание конезавода обходилось дорого: «Нелегко было найти достаточно пастбищ, во всяком случае, по нынешним меркам (...) (1,6 га) на кобылу и ее жеребенка, а лучших лошадей также нужно было кормить овсом (...) В четырнадцатом веке нормальная диета лошади включала овес, сено, бобы, горох и солому»⁵⁵⁸. Действительно, при проектировании «Ordensstaat», лошади должны были быть приняты во внимание: «Когда должны были строить крепости, всегда стоял вопрос о том, достаточно пастбищ и лугов для разведения лошадей, и можно ли было выращивать необходимый овес. Кроме того, почва должна была быть максимально тяжелой и твердой. для разведения лошадей для рыцарей. Если этих условий не было, необходимо было доставлять в крепость лошадей и фураж. Так было, например, с замком Рагнит (к северо-востоку от Кенигсберга). Окрестности замка должны были быть благоустроены чтобы разместить конюшни для определенного количества боевых и верховых лошадей, требующихся братии (Конвентцпферде). Они также должны были содержать запасы фуража и необходимое количество боевых седел, вьючных седел, уздечек, подков, телег и саней, а также различные приспособления, оружие и снаряжение, необходимое для конной войны. Для содержания этих объектов, а также для защиты и ухода за лошадьми требовалось много конюхов и рабочих, и их потребности также должны были быть удовлетворены. Окрестности должны были быть такими, чтобы там, где возможно, можно было выращивать сено. Из всех податей, взимавшихся в Орден, подать овсом была самой значительной»⁵⁵⁹.

Археология склонна подтверждать присутствие лошадей в предместьях тевтонских замков.⁵⁶⁰ Останки лошадей в основном были найдены в северной части форбурга ⁵⁶¹ в Мариенбурге, использовавшийся Тевтонским орденом в середине 14 века : по письменным источникам конца 14-15 вв. он использовался для хранения строительных материалов, и есть некоторые намеки на конюшни ⁵⁶². Еще останки лошади были найдены в Цесисском замке (Видземе, центральная Латвия (нем.Wenden)): сочлененные и разъединенные кости вместе с конным снаряжением были обнаружены в

стратиграфических горизонтах, связанных с разрушенным зданием, в конце южного двора замка 563. Несмотря на эти примеры находок во внешних дворах замков, Плюсковский замечает, что если бы замки были достаточно просторными, лошадей можно было бы ставить в конюшни в разных его частях: «Как и в случае с другими крупными укрепленными монастырями Тевтонского Ордена, лошади, вероятно были распределены по нескольким зонам замка Венден, а не сосредоточены исключительно в одном здании. Есть некоторые предварительные данные о том, что управление конными ресурсами Вендена улучшилось к 16 веку. В 1451 году в замке числится всего 17 лошадей, а к 1551 г. командование могло выставить 300 лошадей. Возможно, это было результатом политики самого известного ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга (ок. 1494-1535 гг.), Известно, что он использовал тяжелую конницу в своих войнах против русских княжеств (...)» 564.

Содержание лошадей в одном здании будет зависеть от размера замка:

например, в середине 15 века в Мариенбурге содержалось около 1000 лошадей в различных местах 565. Согласно Амтербуху, у лошадей Великого Магистра были свои конюшни; тем не менее, большинство мариенбургских лошадей содержалось не во внешнем замке, а скорее в конюшнях и на пастбищах, принадлежавших Ордену, в районе Мариенбурга 566. Согласно Рюнгену, около 1400 г. в замках, поместьях и фермах Ордена насчитывалось 13 887 лошадей, из которых 7200 использовались для боевых действий; к этому числу добавлялись боевые и дорожные лошади братии, которых Тёппен оценил в 2250 – примерно в то время Орден владел как минимум 16 000 лошадей 567. Я считаю, что небольшое количество военных лошадей отражает небольшую численность рыцарей Ордена на Балтике, и это мало изменялось со временем.

Прусские источники содержат большую часть данных о лошадях Ордена.

«Остатки лошадей обычно находят в тевтонских орденских замках при раскопках, но они, как правило, разрознены и сильно фрагментарны» 568. Ливонские источники более скудны, чем прусские 569. Боевые кони предположительно разводились Ордену и в Ливонии, учитывая, что морские пути доставки провизии зависели от погоды 570

- Экдаль поддерживает это предположение замечанием Петера Дюйсбургского о том, как Ливонская ветвь помогает своим братьям из Кенигсберга против пруссов в Самбии в 1262 и 1263, отправившись им на помощь со многими боевыми конями («(...) cum multis et magnis dextrariis'). Плюсковски утверждает, что в каждом замке был своё конное поголовье 571.

Несмотря на то, что источников о коневодстве до 14 века не так много, многие крестоносцы в Ливонии были выходцами из Дании и Фризии, славившихся своими лошадьми: «Датская лошадь была известна своей твердой шеей и мягкой кожей, а также высоким пахом и золотой мастью». 572 Йенсен предполагает, что цистерцианцы в Ливонии могли помочь наладить систематическое местное разведение боевых лошадей, а также

выступали как посредники в отношениях с монастырями в безопасных районах, где коневодство уже было налажено, например, Esrum (Дания)⁵.

Дополнительные доказательства коневодства в Ливонии при Тевтонском Ордене могут быть подтверждены записями о посещениях Ливонии в 1334 г., в которых говорится, что командиры («Komture») и судебные приставы («Vögte») не могли продавать или дарить лошадей с конных заводов без разрешения ландмейстера ⁵⁷⁴.

После Танненберга потери Ордена в лошадях были значительными, а разруха, которая последовала за битвой, также оказала негативное влияние на конезаводы. Угон скота и неурожаи привели к росту болезней лошадей ⁵⁷⁵. Только постепенно удалось заменить маточное поголовье, и, хотя великий магистр Генрих фон Плауэн (1410-14) купил у крестьян в дельте Вислы 140 тяжелых кобыл, ввиду нехватки племенных жеребцов ему пришлось закупить некоторых за границей и привезти в Пруссию: «Учитывая предысторию ситуации, неудивительно, что Орден уже не мог обходиться без помощи наемных войск, хотя в результате испытал тяжелый финансовый кризис» ⁵⁷⁶.

Лошади стоили дорого, что, конечно же, не помогало Ордену после Танненберга, истощая ресурсы. Трешлербух фиксирует стоимость лошадей, используемых рыцарями: боевые кони стоили от пятнадцати до двадцати марок; рысаки (верховые лошади) ценятся от десяти до пятнадцати марок; вьючных лошадей оценивают от пяти до десяти марок ⁵⁷⁷.

То, что требовалось от боевого коня, безусловно, оправдывало его цену. Независимо от цвета или размера, что было действительно важно для боевого коня, так это его способность доверять своему всаднику (который должен тоже доверять своей лошади), смелость вторгаться в личное пространство другой лошади и в шумную толпу, и действовать без команд ⁵⁷⁸ — обычно боевой конь был жеребцом, и поскольку они от природы храбрее и агрессивнее, эти черты были использованы для создания коня-воина:

«Связь между удалением половых органов и пугливостью упоминалась в 13 века Альбертом Великим, который писал, что «боевых коней не кастрируют, так как кастрация делает их робкими». (...) Альберт Великий продолжает, описывая, как кони привыкли «ломать боевые порядки, кусая, топча и нанося удары копытами», показывая, что их естественная агрессия была решающим преимуществом во время боя» ⁵⁷⁹.

Тевтонские боевые кони, однако, не были ни меринами, ни жеребцами, а были т.н. «лошади-монахи» («Mönchpferde»/«Mönchhengste»): стерилизация в основном применялась через ущемление семенных канатиков («Auswürgen»), что приводило к сохранению большей части характеристик жеребца, но не позволяло использовать эту лошадь в случае захвата для разведения; другая процедура заключалась в том, чтобы раздавить семенные канатики кусачками из дерева («Kluppen»), но, похоже, ущемление было предпочтительным методом; кастрация иногда

встречалась, и предполагается, что мериньы использовались в качестве дорожных лошадей 580. Согласно Дэвису, мериньы считались лишенными достоинства и мужества 581, но поскольку рыцарь должен иметь трех коней — боевого, дорожного и вьючного, из которых и боевой конь, и дорожная лошадь должны быть жеребцами, ибо считалось бесчестьем для рыцаря ездить на кобыле 582 - было бы удобнее, если бы два самца не были полноценными лошадьми: во-первых, было бы легче предотвратить драки между ними; во-вторых, если бы вьючная лошадь была кобылой, только одна из лошадей проявила бы к ней интерес (скорее всего, непрошенный со стороны рыцаря). Но не каждый рыцарь мог позволить себе трех животных, а если бы и мог, он определенно не хотел бы иметь кобылу в качестве вьючной лошади из-за проблем, которые из-за нее могли бы возникнуть с остальными двумя конями. Как обсуждалось выше, рыцарь, скорее всего, присоединился к Тевтонскому Ордену со своей лошадью (конями) еще до того, как Дитрих фон Альтенбург установил, что на территории Ордена кобылы должны содержаться отдельно от рыцарских лошадей, так как все рыцарские лошади были самцами. Орденские источники называют боевых лошадей «хенгсте» - der Hengst - жеребец, а для верховой езды используют просто «лошадь» или «рысаки». Из-за своего размера швейке не использовались для войны, но, вероятно, использовались как дорожные лошади 583.

Если Экдаль прав в своем предположении, что дорожных лошадей можно кастрировать и что маленький швейке мог использоваться как дорожная лошадь, то я склонна сказать, что оба - и рыцари 584, и сержанты - могли использовать швейке как дорожную лошадь, основываясь на замечании Бокманна о ввозе лошадей для Великого Магистра в Трешлербух: Бокманн предлагает, что верховые лошади Великого Магистра не всегда были из выведенных Орденом, а время от времени покупались и, таким образом, учитывались в Tresslerbuch 585, что может означать, что высшие должностные лица Ордена не всегда ездили на роскошных лошадях 586, иногда их животные были такого же качества, как у состоятельных вассалов 587.

Когда дело доходит до количества лошадей, которое должно быть у рыцаря, стоит учитывать - то, что оговорено в Уставе, следует читать с осторожностью, ибо иногда действительность была другой. В записи 1431 года в Амтербухе зарегистрированы лошади шестнадцати чиновников - имеется несоответствие между количеством лошадей, указанным в Уставе и в списке: в то время как в Уставе упоминается от двух до четырех лошадей, в списке достигается дважды только число три; у других рыцарей (не занимавших никакой должности) есть одна или две лошади, а вторая лошадь

неоднократно оказывалась жеребенком - рыцарям самим приходилось беспокоиться о том, чтобы была замена, когда их лошадь «уйдет на пенсию»; у пяти рыцарей только один жеребенок, и Бокманн ставит вопрос,

можно ли было применять этих рыцарей в бою ; в другой записи 1449 г. перечислено девять офицеров и шесть рыцарей, всего 32 лошади **588** — значит, в среднем по две лошади на человека.

Эту ситуацию можно объяснить пост-Танненбергским контекстом:

по оценкам Рюгера, сокращение поголовья лошадей в поместьях Ордена после битвы в

1410 было значительным **589**: Более подробная информация о количестве лошадей, приписываемых рыцарям (и должностным лицам) представлена первой частью списка, который показывает информацию о лошадях, оружии, и запасах продовольствия в замке Члухув (1446 г.) **590**. Согласно этому списку, только двое из четырех рыцарей имеют три лошади — у Дайниса только две, а у Юхана нет ни одной (но поскольку он не имеет доспехов, возможно, отсутствие снаряжения и коня можно истолковать как покаяние); если Хозе был просто рыцарем, у него тоже было три лошади; из шести должностных лиц трое имеют по три лошади — если бы некоторые из этих должностей занимали сержанты, это могло бы объяснить разницу в количестве лошадей; у кухонного мастера нет ездового животного; а также есть три лошади и указание на то, что эти лошади не сопровождаются полными доспехами (для рыцаря), поэтому я испытываю искушение интерпретировать это как то, что у этих лошадей больше нет рыцаря.

Я утверждаю, что еще до Танненберга тевтонские рыцари - по крайней мере, в меньших замках - не всегда имели количество лошадей, предусмотренное Уставом. Чем больше лошадей, тем больше для них нужно места, и не каждый замок соответствовал тому, чтобы разместить необходимое количество человек. Я также считаю, что в некоторых операциях рыцари путешествовали на боевых конях **591**.

Это из-за того простого факта, что дорожная лошадь не имела такой подготовки, как боевая лошадь, и я не верю, что рыцарям захочет пересекать леса на вражеской территории, под угрозой засады, верхом на лошадях, которые не знали бы, как реагировать на экстремальные ситуации.

5.2. Обучение и содержание

Известно, что в случае опасности, лошади могут быть чрезвычайно агрессивны. Когда территория или табун находятся под угрозой, они прибегают к ударам копытами и укусам: «Вместо того, чтобы сдерживать, боль и страх подстегивают их. Существуют некоторые природные стереотипы поведения: «вставание на дыбы» и нанесение ударов передними ногами; укусы, часто наносимые со змеиной скоростью и точностью; удары задними ногами для нанесения сокрушительного повреждения». Вот что должен боевой конь делать, когда требуется: «Предполагалось, что боевой конь будет сражаться в битве сам, брыкаясь, вставая на дыбы и атакуя на своих противников; его поощряли к свирепости, и поэтому, чтобы его контролировать, его снабжали удилами, которые бы жестко действовали на рот». **593**. Сомневаюсь, однако, что

боевому коню позволяли прыгать и вставать на дыбы с рыцарем в седле, по той причине, что при этом было бы ужасно трудно рыцарю выполнять свою часть боя, не говоря уже о том, что вздыбившийся конь может потерять равновесие и упасть на спину (и, следовательно, на рыцаря). Боевой конь наверняка кусал, пинал и топтал врага во время боя, поскольку это позволяет рыцарю сидеть и двигаться самостоятельно, без необходимости работать над тем, чтобы оставаться в седле. Но боевой конь на свободе, без рыцаря, который бы контролировал его, был бы более разрушительным по отношению к другим лошадям и людям — и в такой ситуации я могу согласиться с тем, что лошадь будет драться так, как это было бы для нее естественно, т.е. безудержно (однако по опыту проведенных экспериментов - конь более уверен и смел при наличии всадника, чем без него - прим.перев.).

Боевой конь мог начать обучение в возрасте четырех лет 594 — это обучение занимало от двух до трех лет, но боевой конь нуждался в регулярных тренировках со своим рыцарем, чтобы сформировать прочную связь, способность чувствовать друг друга 595 и таким образом избегать несчастных случаев с другими лошадьми и рыцарями в том же построении: Каролинги заложили основу для кавалерийских маневров, во время которых рыцари должны держаться строя, держать своих лошадей (в сборе, на сдержанном галопе) 596 до тех пор, пока линия противника не будет достигнута, выполнять повороты 597 всякий раз, когда это необходимо, и выполнять действия на неровной местности (порой с препятствиями) 598. Рельеф имеет особое значение на Балтике с ее лесами и болотами и льдом. О сложности местности LRC сообщает следующее: «Магистр(...) послал четыреста пятьдесят всадников вдоль побережья к Курляндии. Они не останавливались, пока не достигли Голдингена. Они взяли из монастыря некоторых братьев, сержантов и куршей, которые им были нужны. Последние знали местность и дороги к Грезену. Они отправились в путь в приподнятом настроении, потому что ожидали преуспеть. Жезлы их оракула благосклонно падали, и птицы благосклонно пели, и от этого они пришли к выводу, что все будет хорошо для них. По дороге в Грезен они столкнулись со множеством плохих троп, болот и трудных ручьев, и даже пешком лошадь едва можно было провести через них» 599.

Замечание о «пеших лошадях» показывает, что для безопасности как рыцаря, так и лошади, на пересеченной местности лошадей вели вручную (в поводу - прим перев.).

Прибалтийские лошади вообще должны были обладать хорошей выносливостью, чтобы выдерживать бездорожье: «Потрясающие возможности лошадей во время этих вылазок нам трудно представить сегодня, хотя такие авторы, как австрийский герольд-поэт Петер Зухенвирт, а также многие другие источники сообщают об их подвигах выносливости и доблести, а также о трудностях, с которыми они столкнулись. Соответственно потери лошадей были очень велики, в результате не только

их непосредственного участия в военных действиях, но и суровости и лишений самого путешествия. Особенно страшной была дикая местность Грауден 601, которая находилась к востоку от Самбии» 602.

К сожалению, хроники Ордена не дают представления о процессе подготовки боевого коня для боя на Балтике 603. Книга Ордена дает больше информации о поведении верхом, чем о самих лошадях. Но кажется логичным, что информацию можно экстраполировать из Устава тамплиеров, учитывая его влияние, которое прослеживается в Тевтонских статутах. Параграф 315 из тамплиерского устава, на мой взгляд, наиболее актуален для обсуждаемой темы:

«315. Каждый брат должен бережно относиться к своему снаряжению и лошадям. Никакой брат не может скакать на своей лошади, не давая ей покоя, и не может скакать на ней без разрешения, а особенно на той лошади, которой он не пользуется; но можно покататься на лошади в удовольствие шагом или рысью. Ни один брат не должен гнать свою лошадь по полной без разрешения. Если у вас нет арбалета и вы хотите поскакать на лошади, вы можете сделать полосу, две или три без разрешения, если хотите. Ни один брат не может использовать свою лошадь в гонке с другим человеком на протяжении более половины дистанции без разрешения. Ни один брат не должен гнать лошадь на полную или пользоваться оружием без сапог без разрешения; но можно сделать это на полдистанции. Когда братья выходят с намерением пробежать трассу, им нужно надеть ботинки. Когда братья участвуют в рыцарском турнире, им нельзя метать копьё, так как это запрещено из-за ущерба, который это может спровоцировать». 604.

Хотя тип лошади не указан, я считаю, что это боевой конь. Параграф гласит, что: братья не могут заставить своих лошадей бежать, пока животные предварительно не отдохнут. (особое внимание уделяется запасной лошади, на которой по понятным причинам не ездят, часто, так как это может привести к ее к травмам); братья могут кататься на досуге но шагом или на рыси; ни один брат не должен заставлять свою лошадь бегать по полной дистанции 605 без разрешения; если брат не носит арбалет и хочет скакать на своей лошади, он может сделать от одного до трех треков без разрешения; ни один брат не может мчаться наперегонки с другим более чем на пол трека без разрешения; ни один брат не должен заставлять свою лошадь бежать по полной дистанции или носить оружие без сапог и без разрешения (хотя может и на полдистанции); когда братья намереваются пробежать ипподром, они должны быть в ботинках; когда братья соревнуются, запрещено бросать дротики из-за ущерба, который это может принести.

Ограничительные меры относительно того, сколько (и каким аллюром) лошадь может упражняться, служили для предотвращения травм и ненужного истощения. Это были боевые кони, и они должны были быть сохранены. В какой-то степени эти меры рассматривали и безопасность рыцаря, по предотвращению ненужных падений вне поля боя 606 – падать с

лошади - это искусство, но учитывая обучение рыцаря прыжкам в седло и конструкцию боевых седел, я не уверена, что рыцари считали умение падать достойным умением по сравнению с умением удерживаться в седле 607.

Но эти меры имели и дидактические цели:

«Проверка скорости лошади 608 демонстрировала, что она здорова и отзывчива; фиктивный поединок и половинная скорость, атака копьем без броска учила всадника точно направлять коня; и 609 иметь наготове рефлекторные контрмеры против сопротивления и ошибок в бою. Лошадь, которая шарахается от надвигающегося фронтально объекта, почти всегда делает это с одной и той же стороны. Это упражнение укрепляло уверенность лошади, и тренировало всадника ею управлять и восстанавливать пошатнувшееся доверие. Кроме того, любой «кровожадный» конь 611 имел дурные привычки, выбитые из него умелым наездником. Такие тренинги были способом работы и обучения боевого коня» 612.

«Отклик» важен, когда речь идет о сборе лошади. Лошадь должна действовать как пружина по команде, вытягиваясь и ускоряясь, или собираясь и сокращаясь. Это будет иметь решающее значение для момента атаки и для перегруппировки, когда формирование должно держаться упорядоченно. Чтобы сохранить строй и свободу маневра, рыцари должны были держать своих лошадей собранным галопом, «в рамках повода» 613: «(...) умение привести лошадь в сбор по команде и контролировать ее повод во время движения требует продвинутые навыки верховой езды – не только легкое знакомство с ездой (хотя и это, конечно, помогает), но и обученность лошади и наездника». Для рыцаря способность держать строй и собранный галоп не только представляли сложность в вопросах удержания положения по отношению к своим товарищам, но особенно с точки зрения контроля над своей лошадью 614. В массе, лошадьми труднее управлять из-за стадного инстинкта, к тому же сытые лошади склонны восставать против друг друга. Чтобы преодолеть это, рыцарь должен сосредоточить лошадь на себе. Сконцентрированной на приказах рыцаря. Сбор помогает в этом; было бы невозможно на неконтролируемом галопе сохранить «рамки повода» и безопасно выполнять маневры. Хотя я не смогла найти в ходе исследований более тонких деталей, касающихся подготовки боевого коня, я считаю, что с уверенностью можно предположить, что основа будет заключаться в наращивании мышц (спинных мышц) и выносливости при сборе, а также снижении чувствительности к шуму, внезапным движениям и воздействиям. Однако следует иметь в виду, что это были боевые кони, предназначенные для войны: что сопряжено с отвлечением и возбуждением, а их рыцари были заняты сражением, отвлекаясь и не заботясь о сборе. По словам Хайленда:

«Верховая езда в Европе не достигла значительного прогресса до конца средневекового периода и подъема итальянских мастеров шестнадцатого

века. Хотя, существовало несомненно умение ездить верхом на лошади, но это было искусство, основанное на карающем действии узды и шпор»**615**.

Хотя я согласна с тем, что тевтонские рыцари не были мастерами выездки и что рыцари выбрали чаще наказание вместо умения, я утверждаю, что это были люди, имеющие дело с животными, которые могли бы обеспечить их безопасность благодаря скорости и доблести - определенно были те, кто был заинтересован в поддержании хороших отношений со своими лошадьми и поэтому делал выбор в пользу мастерства всякий раз, когда это было возможно. Это потребовало бы частой езды на боевом коне как для тренировок, так и для более расслабляющих моментов - или прогулок «в поводу».

Все вышесказанное наводит меня на мысль, что рыцари владеют своими боевыми конями и обычно не обмениваются ими между собой: лошади по-разному реагируют на каждого человека, и у каждого человека своя чувствительность **616**. Но возможно, что некоторые рыцари не владели ни верховыми, ни вьючными лошадьми. Если верны оценки Рюнгена и Тёппена, а также заявление Бокмана о том, что Великий Магистр не всегда ездил на лошадях Ордена, то вполне вероятно, что существовали общинные лошади, не принадлежащие ни одному рыцарю (или сержанту). Дорожная лошадь и боевой конь требуют разных типов верховой езды, а опытный рыцарь вполне мог бы путешествовать из одной локации в другую, по заранее определенному и безопасному маршруту на незнакомой верховой лошади. Но может быть, что и некоторые общие лошади также были боевыми лошадьми, служившими запасными. На основе безлошадных рыцарей, упомянутых ранее Бокманном, мог быть «аварийный запас» боевых коней без всадников, на которых ездили рыцари, пока их собственные лошади выздоравливали или обучались - быстрое решение, которое не было идеальным. Хайленд также предполагает, что, возможно, лишние лошади распределялись в военное время или если животное было негодным из-за болезни, ранения или хромоты **617**

Устав, параграф 29. О службе маршала и распределении животных **618** гласит: «*Всякий раз, когда прибывают мулы и лошади, маршал не должен выдавать их до того, как магистр взял то, что ему нужно, а остальное он может раздать братьям*». Как упомянуто в третьей главе, маршал держал караван **619** с лошадьми, откуда животных распределяли по необходимости. Я считаю, что эти лошади были «аварийным запасом» общих лошадей. Об этом пишет и Бокманн, утверждая, что в Мариенбурге, такая система может быть опознана, так как у некоторых рыцарей были лошади, из общественной конюшни, подведомственной «Пфердемаршалу», — также значительная часть рыцарских лошадей содержалась в земледельческих поместьях, принадлежавших Мариенбургу, но записи не показывают, как работала эта система **620**. Лошади в этой конюшне были, я полагаю, скорее всего, собственными боевыми конями рыцарей, по той причине, что для того чтобы тренироваться вместе, люди и животные

должны были находиться в одном пространстве. Оставались ли эти лошади в помещении или паслись возле замка, а потом загонялись обратно, непонятно 621, однако в LRC упоминаются тевтонские рыцари Риги, посылавшие за своими лошадьми, которые были на пастбище: «Гонец помчался туда, чтобы сообщить Братьям, что прибыл их Магистр. Их лошади были на пастбище, и они быстро послали за ними. Горожане тоже были проинформированы. Они обрадовались его прибытию и выехали с Братьями (...)»622.

Вероятно, что лошадей можно было пасти возле замка, а потом снова привести.

Чтобы подтвердить своё мнение, я должна посвятить некоторое время уставу тамплиеров. Начнем с того, что маршал тамплиеров тоже держал караван лошадей для снабжения братьев 623: в параграфе 105 указано, что во время войны если у братьев нет ни лошадей, ни мулов, маршал Конвента может приказать Земельному Маршалу взять из каравана такую-то лошадь для брата, а когда операция закончилась, братья должны вернуть лошадей каравану, а в пункте 107 говорится, что Маршал может распределять караванных лошадей между братьями, когда сочтет это нужным 624. Конкретных лошадей нельзя было запросить 625, но если у рыцаря была лошадь, настолько неуравновешенная, что была неуправляемой, если она «тащила», вставала на «дыбы» или спотыкалось, рыцарь мог пожаловаться маршалу, который мог либо разрешить сменить лошадь после выяснения пороков лошади, или, если он не допускал обмена, он не мог заставить рыцаря ехать верхом на этой лошади: «Было важно, чтобы лошади всегда были под контролем. Приведенные недостатки лошади могли подвергнуть тамплиера большому риску». 626. Неуправляемая лошадь не только дестабилизирует своего всадника, но и других лошадей поблизости. Вставание на «дыбы» крайне опасно, ибо лошадь может потерять равновесие после определенного момента, особенно под всадником в доспехах, и упасть на спину, на всадника; термин «тащить» подразумевает, что лошадь сопротивляется командам всадника и попыткам взять поводья, что может вывести всадника из равновесия и нарушить коммуникацию (к тому же это очень раздражает, хотя обычно это порок, который можно исправить с помощью знаменитого «more leg ! »); спотыкание может быть вызвано недостаточной концентрацией внимания лошади или больными ногами, но лошадь можно удержать, если только не дать ей опуститься на колени - тем не менее, это опасно, учитывая, что оба - и лошадь, и всадник - могут упасть.

Наконец, что касается наличия запасных орденских лошадей, в параграфе 115 говорится, что: если командору нужны были лошади из конюшни для братии, маршал должен одолжить жеребят или лошадей; но когда маршал хотел, он мог забрать животных, чтобы снарядить братьев, и командор должен вернуть одолженных животных, когда они были необходимы - впрочем, если бы брат попросил у маршала лошадь, взятую

взаимы у конюшни, маршал мог бы дать ему; если командор купил жеребят и отдал их братьям для откармливания, маршал не мог взять их без разрешения командора или Великого Магистра 627. Возможность запасной орденой лошади стать рыцарской подразумевает, что они хорошо работали вместе, а также что маршал учитывал важность того, чтобы рыцарь чувствовал себя комфортно на определенной лошади (конечно, должны были быть и те, кто этого не учитывал). Что касается кредитования - и, что более важно, дача жеребят братьям на откорм, - это означает, что ожидалось создание связи между человеком и лошадью, и что вероятно, те же самые братья объезжают и обучают этих жеребят, чтобы они стали их боевыми конями 628. Нельзя недооценивать силу угощений, чтобы заслужить благосклонность лошади и заслужить ее доверие. Таким образом, возможно, кроме кормления, рыцари сами выполняли определенные задачи, связанные с их лошадьми вне тренировок. Как уже упоминалось, между службами рыцари должны заботиться о своих лошадях, и хотя существовали слуги и оруженосцы, в некоторых ситуациях они должны были лично иметь дело с лошадьми - опять же, в уставе тамплиеров прямо упоминается, что брат ведет свою лошадь к кузнецу (В Уставе Ордена, при описании функций братьев, заведовавших малой кузницей и шорной мастерской) 629. Все это приводит к выводу, что именно рыцари, ухаживали за своими лошадьми, и, как и тамплиеры, тевтонские рыцари должны были, конечно, часто проверять свое снаряжение, включая конное.

5.3. Снаряжение лошади

В нескольких замках Ордена были шорные мастерские («satelhus»), которые производили и чинили амуницию - шорные мастерские финансировались либо Хаускомтуром, либо монастырем 630. Тем не менее, важной частью конного снаряжения является уход за лошадью. Гребни и щетки упоминаются в Уставе Ордена 631, и, хотя ничего не сказано о крючках, учитывая, что уход за копытами необходим для предотвращения хромоты (а, в худшем случае, и смерти лошади) я предполагаю, что это, должно быть, был обычный инструмент для конюшенного слуги - или для кузнеца, что подразумевает, что лошади будут проверять копыта каждый раз, когда требовались новые подковы. Это зависит от того, как быстро растут копыта и требуется расчистка, и она варьируется от лошади к лошади, хотя на нее также может влиять погода: «У домашней лошади тяжелая тяговая работа вызывает дополнительный износ, в то время как холодные и влажные условия Северной Европы приводят к размягчению рога копыта, которое при этом быстро изнашивается и подвергается повреждению». 632. Тевтонские лошади носили незакаленные подковы летом и закаленные зимой 633. Вероятно, у этих подков были шипы. В результате лошадь стояла на шипах, а не на плоской подкове 634.

Исходя из того, насколько были строги тамплиерские правила по уходу за снаряжением и лошадьми 635, Тевтонский орден, вероятно, также был

строг и в этом отношении: «Учитывая инвестиции в коневодство, неудивительно, что к благосостоянию лошадей относились очень серьезно: самое раннее ветеринарное руководство для лошадей на немецком языке, *Liber de cura equorum* (1408 г.), было посвящено Великому Магистру Ульриху фон Юнгингену» 636.

Что касается амуниции, то предметы, описываемые в Уставе, — это седла, вальтрапы, уздечки, поводья, недоуздки, подпруги, удила и гурты 637. Я предполагаю, что чумбуры тоже были частью снаряжения, судя по «походной веревке», упомянутой в пункте 156 Тамплиерского устава 638. Новаковский упоминает ремень для привязывания лошадей, который упоминается в источниках как «rosstreng» либо «strycken» 639, и это, я думаю, именно чумбуры. Возможно, путы и намордники были также частью снаряжения тевтонской лошади - хотя они не упоминаются 640. По словам Хайленда, использование пут и намордников может указывать на пол и темперамент лошади: стреноженных лошадей легче поймать, а намордники указывают на непосредственную близость жеребцов, так как жеребцы часто кусают друг друга 641. Но стреноженные лошади очень ограничены в своих движениях, что было бы непрактично в чрезвычайной ситуации 642; а намордник помешал бы боевому коню укусить гипотетическую угрозу, так что, если бы тевтонские рыцари использовали это снаряжение на своих лошадях, это было бы под особым контролем. Это возможно, скорее всего, на безопасной территории. Что касается удила, то самой популярной в Пруссии были удила под названием «gebis» (трэнзель) согласно археологии, они были сделаны из железа, имели кольца на концах, а часть внутри пасти лошади состояла из двух шарнирных частей 643. Вероятно, использовались мундштуки на боевых конях, следуя наблюдению Новаковского: « (...) item 2 breketome und 2 slichte tome 15 sc. in dy reyse..» Эта запись, кажется, подтверждает обычай, господствующий в странах Западной Европы, класть в рот лошади набор, состоящий из трэнзеля (breketome) и мундштука 644 (slichte tome). Термин konventgebis может также обозначать мундштук» 645.

Новаковский описывает двойную уздечку, состоящую из модифицированного трэнзеля поверх мундштука, сочетающая в себе действие этих разных удила. Учитывая замечание Дэвиса о суровых удилах, кажется, стоит кратко остановиться на этой теме. Удила действуют по-разному, оказывая давление на различные нервы, мундштук не более суров, чем трэнзель, многое зависит от руки всадника 646

Трэнзельные удила воздействуют в первую очередь на язык, губы и десны, а управление осуществляется за счет прямого натяжения поводом, прикрепленным к кольцам снаружи - большинство трэнзелей шарнирные, но у некоторых есть прямое грызло; что касается мундштуков, то они могут быть жестче: а грызло может быть, как у трэнзеля, внешняя часть которого состоит из вертикального металлического рычага над грызлом, плюс более длинного рычага под грызлом, к которому крепятся поводья; подбородочная цепь крепится сзади мундштука и застегивается, упираясь в подбородочный

желобок; результат такого действия действия: нижний рычаг оттянуть назад, подбородочную цепь натянуть, а верхняя часть двигается к горизонтали, и давит на область затылка лошади 647 - давление осуществляется высотой этой части над грызлом, ибо чем она длиннее, тем сильнее давление; давление подбородочной цепи зависит от того, насколько крепко она закреплена, и от длины нижних рычагов. Это означает, что более длинный хвостовик оказывает большее давление; некоторое давление также оказывается на углы рта и языка лошади, при прямом мундштуке -U-образная форма порта посередине значительно увеличивает давление, тогда как высокие узкие порты давят на нёбо и зажимают язык 648.

В отличие от частых иллюстраций в средневековом искусстве, мундштуки встречаются реже, чем трензеля в археологии 649, хотя изображаются и рыцари, едущие с трензелями - в данном случае Тевтонские рыцари 650. Однако находки в Цесисском замке представляют собой ансамбль, сочетающий в себе элементы от трензеля и мундштука, правда, средневековый мундштук отделился бы (но по-прежнему требуются двойные поводья). Найден конный инвентарь, связанный с останками лошади под обгоревшим слоем с обугленными бревнами: «(...) элементы стремени, (...) четыре бобышки уздечки из медного сплава с соответствующими фрагментами текстиля/кожи, в одном случае соединенные с фрагментом мундштука, железный каркас седла, пять (возможно, шесть) дополнительных стремян и фрагментированная подкова» 651. Преобладание мундштуков в искусстве можно объяснить визуальным эффектом, которого легче добиться, чем трензелем, — легче собрать лошадь, а соответственно: По мнению Уорда Перкинса, широкое распространение рычажных удил отчасти было связано с их исключительным использованием для верховой езды в её более сложных формах, которые, естественно, занимают большое место в современной иллюстрации». (...) «преобладание мундштуков в искусстве может отражать вкус знатных людей к верховой езде на качественных лошадях» 652. Опять же, вероятно, при всех талантах рыцаря и коня, тевтонские рыцари и их лошади не были мастерами выездки. В связи с этим Хайленд делает следующее замечание: «трензеля используются на лошадях, которыми легче управлять, или, когда мгновенная реакция не требуется. Быстрое реагирование необходимо с боевыми конями. Но что так было всегда, мы знаем из комментария Абу Бакра о большом пространстве, необходимом для поворота Франкской лошади. Это было результатом плохой дрессировки в сочетании с тем, что лошадь заходила на поворот справа» 653.

Конь не в сборе может поворачивать лишь по значительному диаметру, попытка без сбора резко повернуть приведет к падению; кроме того, лошадь, несущая вес «на переду» (на плечах), может при резком повороте повредить сухожилия передних ног и спины 654.

Травмы спины были обнаружены археологическими находками в замках Мариенбург и Цесис, и, по-видимому, это было вызвано нагрузкой 655.

Тема будет обсуждаться в дальнейшем, после того, как будет указан весь вес, который должен был нести боевой конь. Большая часть этого веса приходилась на рыцаря в доспехах, чье боевое седло

было разработано, чтобы удерживать его на месте, с высокими передней и задней луками седла. Передняя лука седла должна была быть очень прочной **656**; большая нагрузка могла приводить к тому, что седло впивалось в верхнюю часть плеча лошади, что «(..) свидетельствует в пользу использования толстой подкладки, и того, что основания средневековых седел, соприкасающиеся с лошадиной спиной, были большими и поэтому могли хорошо распределять вес» **657**.

Для сильного удара мечом сверху вниз рыцарь становился на стремена: чтобы метать копья, также необходимо было стоять на стременах; что касается тарана копьем, рыцари наклонялись вперед, нажимая на стремена **658**. Позднесредневековые боевые седла имели высокую переднюю луку, обитую металлом, которая защищала живот всадника. Что касается ног, "Если в 13 веке ноги всадника были направлены вперед, то в 15 веке были обращены строго вниз» **659**. Чтобы выдержать износ, требовалась хорошая кожа, но процесс подготовки упряжной кожи занимал около года, что делало ее дорогой **660**.

Таким образом, боевые седла были специализированным и дорогим снаряжением, и это объясняет, почему тамплиеры регламентировали его использование **661** - вероятно, у тевтонских рыцарей тоже были правила использования их боевых седел, но, я полагаю, что в определенных ситуациях рыцари вынуждены были ездить на своих боевых конях вместо дорожных, а также использовать и боевые седла.

В тевтонских источниках боевые седла упоминаются как «streitsetel», «rittersetel», «stechsettel», «hengistesetel», и «conventssetil» **662**. Так же, как были седла для верховой езды и седла для боя, источники Ордена различают типы стремян в Пруссии: некоторые из них называются «conventstegereyfen», что Новаковский интерпретирует как тип, используемый в бою тевтонскими рыцарями, в то время как другие, используемые копейщиками, называются «stegereyfen czu strytsateln » , но - «к сожалению, об их конструкции ничего не известно» **663**. Разные стремена означали разное положение ноги — хоть это и не совсем корректно, напрашивается аналогия с разницей между седлом для выездки и седлом для конкура, различающиеся посадкой и положением тела при езде.

Поскольку именно нога управляет лошадью, следует упомянуть о шпорах, которые называются «искусственной помощью». Шпоры с колесиком использовались в Пруссии с конца 13 века - хвостовик, на который крепится колесико, увеличивался в длину, начиная с середины 14 века. **664**.

Последняя часть конного снаряжения в «Ordenstaat» — это доспехи. Лошадиная броня была введена в Пруссии во второй половине 14 века, хотя ее использование было ограниченным и источники немногочисленны и не подробны, а это означает, что мы мало что знаем о ее конструкции.

Известно, однако, что использовались кольчуга или латы, или и то, и другое вместе, и что элементы соединялись петлями или ремнями; также иногда ее украшали, например, «“ (...) item 4 m. vor eyn rosgezug unserm homeyster ... mit silber gemalet.” Согласно Новаковскому, в Апокалипсисе изображены лошади в пополах, как и на печати Великого Магистра; стеганные попоны упоминаются и в письменных источниках: «(...) item 5 m. vor dy rosdecke 666 or item 3 fird. und 3 sol. vor ... gewant dem meyster under eyne rosdecke zu futer.» 667. В одном случае LRC рассказывает, что «Магистр собрал сколько мог братьев, около ста восьмидесяти. Это порадовало всех. Армия было около восемнадцати тысяч всадников, и можно было увидеть много серых попон, таких, какие обычно используются рыцарями» 668. Были ли «серые попоны» кольчужными, тканевыми или простёганными, не сказано. Находки в Цесисе выявили остатки маленьких пластинок, вероятно, от барда (доспех для лошади - прим. пер.) 15 века, состоявшего из вшитых в ткань пластинок 669.

Рыцарь в доспехах, седло, а иногда и доспехи коня означали дополнительный вес, который лошадь несла на себе. Из 1719 костей животных, обнаруженных при раскопках в Цесисе 670, 843 были идентифицированы на уровне вида, и 369 из этих костей были связаны с тевтонским периодом; 251 фрагмент принадлежал четырем лошадям, и все они были найдены в контексте фазы разрушения замка; 134 из этих костей принадлежали одной лошади 671:

«Лошадь лежала, свернувшись калачиком, на левом боку поверх слоя разрушения, головой, обращенная на юго-восток, кости не имели признаков горения. Череп и атлас (первый шейный позвонок) были сильно раздроблены, когда печь впоследствии была построена на выровненной поверхности. Некоторые ребра также были сдвинуты на запад. Одна сторона нижней челюсти была целой, с неповрежденными щечными зубами (...) со всеми признаками износа. Измерения высоты коронки третьего премоляра указывали на то, что индивидуум был в возрасте 17-18 лет. Видимые части бедренной и большеберцовой костей рядом с фрагментированным тазом (...)» 672 Лошадь была идентифицирована как самец из-за наличия клыков; другая лошадь, найденная в слое разрушения, была в возрасте от десяти до двенадцати лет, судя по измерению высоты коронки третьего премоляра; остальные три лошади были в возрасте до -, но не менее пяти лет 673. Предполагаемый рост лошадей колебался от 135 до 147 см. со средним ростом 141 см, таким образом, эти лошади были крупнее, чем в среднем и позднем средневековье в Пруссии, Латвии и Эстонии 674- более того, данные по стабильным изотопам показали, что лошади потребляли местную воду и, возможно, зерно (по барий-магниевым данным), что в сравнении с другими анализами лошадей в рамках проекта «Экология крестового похода» показало, что у этих лошадей была особая диета, которая указывает на их роль в качестве боевых коней 675. Травмы лошади также на это указывают. Наиболее полный скелет представил

патологию десяти из восемнадцати грудных позвонков (T8-T18), обычно называемую «целующимися отростками» 676, из-за срастания костей. Этот вид травмы влияет на гибкость, вызывает хромоту, и разной степени боли в зависимости от того, используется ли лошадь или нет. Другая лошадь имела ту же патологию, так же как отдельный фрагмент ребра показал некоторое количество патологического роста костей 677. Находки в Мариенбурге имеют много общего с предыдущими. Хотя нет никаких признаков того, что лошадиные останки были изрублены, видно, что после захоронения туши оказались расчленены, и были найдены только две группы сочлененных останков: один из позднего средневекового контекста и еще один из слоя 18 века - оба были патологически сращены 678. Будут рассмотрены только позднесредневековые останки. Эти останки принадлежали взрослому животному и состоят из трех грудных позвонков (VT 16-18) и шести поясничных позвонков (VL 1-6) с выраженным экзостозом, что привело к сращению всех грудных позвонков и в двух наборах поперечных сочленений и вентральных гребней в поясничных позвонках 679. Суставы между L3-L4, L4-L5, а также L5-L6 были сращены: «Сращение на обоих образцах имели место по вентральной и дорсальной грани (...) с почти полным слиянием латеральной и вентральных краёв тела позвонка сустава между L5-L6 (...)» 680. И снова «целующиеся отростки». Эти травмы можно объяснить нагрузками в результате верховой езды, хотя неправильная седловка также повреждает позвонки, однако Плюсковский указывает, что эти травмы могут быть результатом того, что лошадь работала под всадником в латных доспехах, 681 что в сочетании с весом всадника, добавило бы на спину лошадей груз в 70-90 кг (в действительности 120-150 кг - прим.перв.) : «Такой вес привел бы к чрезмерному обратному сгибанию, вызывающему трение позвонков друг о друга. У современных лошадей, которые несут более легкие нагрузки, такие поражения обычно обнаруживаются в седловидной части спины, между позвонками T12 и T18, и их обычно называют «целующимися отростками» 682. В сравнении с другими патологически сросшимися позвоночниками находок лошадей в Прибалтике 683, это относительно легкие травмы; тем не менее, этот тип травмы был обнаружен и в других замках, связанных с Орденом, и «(...) учитывая большой размер лошадей и их связь с роскошной сбруей для верховой езды [цесисские лошади](...) эти патологии могли развиваться из-за нагрузок от езды под рыцарями в тяжелых доспехах» 684. Но боевые кони явно травмировали не только спину. Большинство повреждений, полученных боевыми конями в 13-м и 14-м веке было вызвано копьями, стрелами, мечами и болтами 685. Некоторые из этих травм должны были выводиться из строя, но отсутствие следов мяснической обработки на останках из Цесиса и из Мариенбурга может означать, что отставных боевых коней не забивали. Кроме того, «В проекте договора от 1433 г., был приказ о том, чтобы раненую лошадь выставить на траву, если она по-прежнему не годна к эксплуатации после шести недель ухода» 686. Возможно, отставных

лошадей (по крайней мере, жеребцов) отправляли на конный завод? Возможно, в замках додерживали отставных «коней-монахов», как последний ресурс запасных общественных лошадей? Крайне неразумно ездить на недееспособной лошади для чего-то столь требовательного, как война, поэтому это маловероятно. Даже хотя на обнаруженных останках нет следов мяснической обработки, возможно, бывшие лошади в конечном итоге все же перерабатывались на мясо **687**? Употребление конины в трудные времена, как уже упоминалось, задокументировано в СLP. Несмотря на более утилитарные подходы, следует также иметь в виду, что, по крайней мере, некоторые рыцари, в том числе высшие должностные лица, должно быть, любили своих лошадей и, возможно, просто держали их в замке, в пределах досягаемости (хотя на них уже нельзя было ездить верхом). Некоторые рыцари, вероятно, хотели отсрочить неизбежное. Сильные связи между людьми и животными не современное изобретение, и тевтонские рыцари уж точно ценили своих лошадей: «текст Ордена Liber de cura equorum (сейчас находится в Австрийской национальной библиотеке) свидетельствует о большом значении лечения лошадей в Пруссии. Эта работа может считаться старейшей немецкой ветеринарной энциклопедией лошадей».

Несмотря на оказание ветеринарной помощи, боевые кони на Балтике - с обеих сторон - конечно, получали травмы другого рода: «Среди града обычных болтов также было практикой включать Heulbolzen (свистящие болты), издававшие резкий свистящий звук; в документах Ордена они именуется Бремзен (оводы). Их целью было ослабить врага и его лошадей психологически и вызвать замешательство. Этот эффект производился не звуком как таковым, но тем фактом, что существует связь между звуком и болью (...)» **689**.

Лошади, как и люди, подвержены травмам, и устойчивость к ним у разных индивидов разная, хотя способ решения проблемы играет фундаментальную роль в том, как лошадь справляется с психологической травмой. На поле боя было бы много возможностей для развития травмы, несмотря на уместное замечание Хайленда о том, как стадный инстинкт и характер боевого коня ослабил бы эффект **690**. Также необходимо иметь в виду, что проблемы лошади часто начинаются с того, кого она возит, и какой бы храброй и услужливой ни была лошадь, это все еще стадное животное, которое полагается на своего человека в качестве вожака - или оно возьмет бразды правления «в свои руки»: «Бегство не всегда были вызвано исключительно человеческой слабостью. Лошади инстинктивно чувствуют, если всадник нервничает. В бою конь не станет рассуждать, почему его всадник боится, а присоединится к бегству без понукания всадника» **691**.

Было показано, что, скорее всего, большинство рыцарей уже проходили обучение бою (конному и пешему) и привыкли к насилию на войне до их принятия в Орден - таким образом, по крайней мере, некоторые рыцари уже

имели инструменты, чтобы справиться с боевой травмой... или нет. Рыцари, слушающие LRC в 1290-е годы, были знакомы с жестокостью ливонских кампаний в конце 13 века, и многие из тех, кто служил в Ливонии в 1290-х годах, вероятно, сражались и в 1280-е годы и знали рыцарей, погибших в походах; плюс, многие из тех рыцарей пришли из конфликтных регионов Саксонии и Тюрингии **692**. Аналогичный подход можно использовать с CLP **693**. Прибалтика была непростым местом для жизни **694**.

Теперь, когда рассмотрена предыстория рыцарей, снаряжение, которое они использовали, и боевые кони, на которых они ездили, пора переходить к театру их военных действий и констатировать трудности, с которыми они столкнулись, а также возможные последствия.

Часть 3

Тевтонская кавалерия на Балтии

“Nû zinsent, ritter, iuwer leben/ und ouch den muot/ durch in dâ hât gegeben/ lîp unde guot./ (...)/ Wan swem daz ist beschert/ daz er dâ wol gevert,/ daz giltet beidiu teil,/ der werlte lop, der sêle heil.“

«Теперь, о рыцари, отдайте дань своей жизнью и своим мужеством Тому, Кто пожертвовал за вас всех свое тело и свое богатство (...) Ибо тот, на кого выпал жребий уйти туда, получит двойную награду: мирскую славу и спасение души». (Hartmann von Aue apud STERNS (пер.) 1969:180).

1. Командование и элементы командования

Основная масса боевых братьев определяется в Прологе следующим образом:

«4. Эта борьба, этот святой рыцарский Орден Госпиталя Святой Марии Немецкого Дома ревностно стремится и заслуживает быть удостоенным многими почетными членами. Такими, как рыцари и избранные бойцы, которые из любви к чести и отечеству истребили врагов веры крепкой рукой. Они также от обилия любви принимают гостей и паломников и бедняков» **696**.

Эти боевые братья затем были организованы в несколько рангов **697**, хотя и не все из них внесены в Книгу Ордена — некоторые из них упоминаются только в Орденских хрониках; в случае с «Пфердмаршалом», упомянутым выше, это был единственный случай, когда я нашла термин, и потому что было неясно, был ли этот ранг занят рыцарем или сержантом, нигде он не описывается в иерархии Ордена. Несмотря на то, что Устав не представляет чины Ордена в такой упорядоченной и явной манере, как Устав тамплиеров, можно установить важность каждого ранга через количество людей и лошадей, приписываемых данному должностному лицу. У Стернса есть указания, что сержанты также могут иметь звания и что у невоенных сержантов есть функции в соответствии с профессией, которой

они могли заниматься до вступления в Орден 698. Для данной диссертации важны ранги более тесно связанные с военными действиями - вооружением и действиями в полевых условиях - и братья, непосредственно связанные с военными действиями, будут в центре внимания. Распределение, приобретение и производство вооружения относились к Маршалу 699, Великому Комтуру 700, и к учреждениям, подчиненным маршалу, таким как шорная мастерская 701 и «малая кузница» 702, каждая из которых возглавляется должностным лицом, которое, согласно Стернсу, могло быть сержантом вместо рыцаря 703. Если Маршал или Великий Комтур отсутствовал, оставшийся офицер мог выполнять обязанности отсутствующего; либо Маршал или Великий Комтур мог быть назначен Великим Магистром или Земельным Магистром 704 и действовать от его имени, если тот должен был отсутствовать в течение длительного времени 705. Маршал мог оставить вместо себя рыцаря, однако этот рыцарь не имел «(...) никакой власти дать что-либо братьям или позволить им что-либо изменить» 706.

Во время походов Маршал 707 не мог отдать приказ об атаке без разрешения Великого Магистра или Земельного Магистра, «(...) если только не вынуждается необходимостью, которая не терпит воздержание или отсрочку» 708. Маршал также назначал командующего туркополами (с ведома Магистра): этот туркопол командовал другими туркополами и сержантами, которые ехали под его знаменем в походе или в арьергарде 709. У тамплиеров командиры домов и командиры рыцарей могли действовать как офицеры на поле боя, и им было разрешено носить отличительные знамена в качестве ориентира для перегруппировки 710; вероятно, то же самое относилось и к Тевтонскому ордену на Балтике, учитывая, что рыцари действовали самостоятельно или с помощью немецких и туземных вассалов, крестоносцев и наемников 711.

Хотя назначение на должности регулировалось общей главой, кажется, была система назначения командования конкретных миссий, действующих во время кампаний.

Теоретически любой рыцарь мог быть назначен командующим отряда 712. Некоторые места в хрониках создают впечатление, что когда Тевтонские силы разделялись по стратегическим целям или для совершения набегов, новая цепочка командования создавалась на месте, с назначением рыцарей, ответственных за определенный отряд. Как эта схема функционировала, неясно, но, например, в LRC говорится следующее об экспедиции в Земгалию:

«На рассвете христиане вооружились и построили пешее войско. Они оставили несколько братьев позади, чтобы охранять большую часть лошадей. Некоторым воинам, однако, было приказано сесть верхом так, чтобы они могли возглавить атаку. Их назначенного лидера звали брат Меркелейн. В тот день он и его отряд прославились среди язычников, что было поводом для большой радости. Теперь литовцы не

подозревали, что на них кто-то нападет, поэтому они ехали и маршировали открыто через реку. Брат Меркелейн набрался смелости и атаковал со своими людьми»⁷¹³.

В этой ситуации армия разделилась на три части: одна группа, казалось бы, небольшая и состоявшая рыцарей («братьев», но, может быть, и легковооруженных сержантов⁷¹⁴ и оруженосцев) осталась сзади охранять лошадей; другая группа, состоявшая из тевтонских войск, вассалов⁷¹⁵ и крестоносцев (все они «христиане»), самая крупная, сражались в пешем строю, хотя официальный командир не обозначен; последняя группа, по-видимому, небольшая, атаковала врага верхом под командованием «назначенным лидера». Этот лидер, Меркелейн, упоминается только как «брат», без какого-либо другого титула, что означает, что он был рыцарем. «Воины» не описаны, но, учитывая, что им было приказано ехать верхом и они не представлены как «братья», они могли либо быть туземными помощниками, или «паломниками», либо сержантами⁷¹⁶. Стал ли позже Меркелейн «официальным» командиром, неизвестно.

В другом случае из CLP:

«Следующим летом, в день святого Иоанна Крестителя, Маршал [Генрих] фон Плётцкау

снова отправился в Литву с мужчинами из Самбии. Когда кампания достигла провинции Пограуден, он разделил армию на четыре части. Брат Герман был отправлен с 60 людьми уничтожить несколько деревень в этом районе; однако этот план провалился, потому что он свернул не туда. Он приказал Фридриху фон Либенцеллю отправиться со 150 людьми в Гедимин-Бург, который он должен был захватить тайным путем. Однако, когда он приблизился, замок был заранее предупрежден и готов к обороне. Тем не менее, он смог сжечь дотла внешний двор. Затем находчивый Маршал сказал брату Альбрехту фон Хагену и 60 всадников атаковать земли Сударгуса. Они сожгли его дом и близлежащие деревни, убив многих литовцев и взяв в плен много женщин и детей. Он также взял в плен жену и детей Сударгуса со всем его домом. Четвертая группа под знаменем братьев также отправилась в путь, но ничего не добилась, потому что проводники сбились с пути. Вскоре после всего этого четыре отряда вновь воссоединились и отправились домой»⁷¹⁷.

В этом эпизоде более четкая субординация: армией командовал Маршал, затем он разделил войско и поставил отряды под командование назначенных командиров — Германа и Альбрехта фон Хагена, которые, по-видимому, были всего лишь рыцарями, каждый был отправлен в набег с отрядом из 60 человек; Фридрих фон Либенцель ранее был представлен в качестве командира на Христмемеле⁷¹⁸, таким образом, занимавший официальную должность, и, возможно, это причина, по которой с ним было отправлено 150 человек, чтобы захватить укрепление; неясно, кто командовал последней группой, как и ее размеры. У каждой группы была

отдельная задача, но неизвестно, что стало с карьерой Германа и Альбрехта. Кажется, Маршал остался на месте встречи, куда отряды должны были вернуться после выполнения своих задач. Также из CLP:

«В то же время брат Вольц, комтур Рагнита, услышал, что жители Каршувы находились у Мемеля с войском и намеревались напасть на братьев. Он собрал отряд братьев и 80 мужчин, под командованием брата Хильдебранда фон Рехберг, и этот бесстрашный герой привел их в Каршуву, на которую напал»⁷¹⁹.

Здесь командир Рагнита поручил неопределенное количество тевтонских рыцарей, плюс 80 мужчин, служивших в Рагните (неизвестно, сержанты, туземцы, немцы или смесь всего этого) под командование Хильдебранда фон Рехберга. Поскольку Хильдебранд был представлен только как «брат», означает, что он был просто рыцарем. Затем Хильдебранд был отправлен в атаку на Каршуву, пока люди находились у Мемеля, чтобы начать наступление на территории Ордена.

Это назначение, явно на месте, по-видимому, произошло так же, как когда создавался новый гарнизон, согласно CLP:

«В 1289 году от Рождества Христова тот же Магистр Мейнхард обратил свое внимание на то, как укрепить христианство в Пруссии, распространить веру и охранить землю для тех, кто уже принял христианство. Он собрал свою армию и двинулся на Скаловию в день Святого Георгия и построил сильную крепость, которую во славу Бога назвал Ландсхут, на холме на берегу Мемеля. Она стоит и по сей день, но её имя было забыто, потому что теперь все называют её Рагнит. Это свое название она получила от реки, которая течет под ней. Когда он закончил строить замок, Магистр отобрал 40 хороших братьев из армии и оставил их защищать крепость, оставив доблестного австрийца Бертольда Брюхавена командиром и поставив его во главе их. Кроме того, он оставил 100 вооруженных людей, а затем ушел»⁷²⁰.

Прусский Магистр задался целью построить крепость в Скаловии, и когда она была завершена, он отобрал 40 рыцарей из привезенного им отряда («хорошие братья», вероятно, уже проверенные в боях) плюс еще 100 кнехтов, и сделал австрийского рыцаря Бертольда Брюхавена 721 комендантом замка и ответственным за гарнизон. Трудно оределить требования для номинации рыцаря (официально или временно) на командную должность. Возраст, кажется, не ставил препятствия, как сообщает LRC:

«Было много юных братьев, присоединившихся к экспедиции, и один из них был выбран для командования армией»: эта экспедиция была объединенной атакой, предпринятой тевтонскими рыцарями из Риги и Гольдингена против куршей в замке в Лазене 722 г. Имя этого «молодого» полководца осталось неназванным, и о нем ничего не сообщается, что с ним случилось, а именно - стал ли он эффективным командиром; но я полагаю, что это, возможно означало, что он или знатного происхождения, или уже прошел несколько походов — может быть, то и другое совместно.

Что касается занимаемых должностей, юный возраст, похоже, тоже не был помехой. Согласно CLP о молодом командире: *«Летом [1311 года] после этих событий брат Гебхарт фон Мансфельд, командующий Бранденбурга, храбрый в войнах и сражениях, собрал 1500 всадников и многих братьев и отправился в поход на Пограуден, грабя и сжигая, убивая и сражаясь со многими людьми там. Когда они собирались пощадить ведущих дворян среди жемайтов, те, предупрежденные о прибытии братьев, собрали все свои силы и выступили против них, чтобы атаковать их. Когда комтур понял, что они намерены бороться, он без колебаний зарезал всю свою добычу, убив весь скот и людей, которых они захватили, чтобы продемонстрировать, что они готовы сражаться. Злой Масион и Сударгус и другие с ними хотели драться, но Мансто отговорил их от этого. Он сказал: «Надо проверить, не устроили ли нам ловушку братья. Они хвастались перед нами, и я думаю, что это должно означать, что их больше, чем мы можем видеть, поэтому мы должны уклониться и не вступать в бой». Таким образом, братья без труда спаслись. После этого литовцы поинтересовались, кто командовал этой армией. Им сказали, что это храбрый молодой герой по имени Гебхарт из Мансфельда, командир Бранденбурга. Один из них заметил: «Он был очень смелым в этом случае. Но скажи ему, что если он будет часто нападать на нас с таким малым количеством людей и вести себя так, как сегодня, он не доживет до старости» 723.*

Хотя возраст Гебхарта не описан, из текста явствует, что он молод. В отличие от рассказа про Людвига 724, не дается никакой информации о происхождении Гебхарта, и если он не был дворянином от рождения, возможно, его «храброе» поведение принесло ему звание командира — однако, в отличие от Людвига, невозможно проследить развитие Гебхарта. Также интересно отметить, как Гебхарт командовал войском в 1500

всадников плюс «много братьев, что кажется значительным числом для молодого командира, хотя подразумевается, что литовцы могли превосходить его численностью. Независимо от возраста, опыт и, возможно, боевые заслуги, безусловно, имели значение, когда дело шло о продвижения внутри Ордена: например, согласно LRC, рассказывается, как раненый рыцарь, избежавший пленения, продвинулся в своей карьере: *«Всего Братьев в экспедиции было сорок. Тридцать пять человек погибли. Четверо выжили, но попали в плен в бою. Пятый бежал силой оружия, как я упоминал выше, и с божьей помощью отомстил за причиненные ему обиды. Позже он неоднократно возглавлял армии против них и разорял их земли, как вы узнаете позже»*⁷²⁵.

Еще один пример, демонстрирующий, что через несколько лет рыцари могли подняться на вершину иерархии и получать должности на основе опыта и заслуг, можно найти в CLP, на примере сообщений Людвиге. Людвиг уже упоминался в этой диссертации: о нем рассказывается, что он родился в дворянской семье, и после нескольких эпизодов, когда он, будучи пленен в бою, подружился со своими похитителями и в одном памятном случае вернулся к своим братьям с родом язычников с собой, он появляется еще раз после достижения звания Комтура⁷²⁶:

«В том же году [1294 или 1295] брат Людвиг фон Либенцелль стал командующим в Рагните. Он был смелым, отважным воином духом и делом всякий раз, когда принимал участие в нападении на врага. Вместе со своими братьями в Рагните он теперь бесстрашно бросился с великой ловкостью и смелостью в безжалостную войну против язычников и принимал участие во многих похвальных сражениях во многих походах на море и на суше».

LRC также показывает наглядный пример того, как важен был опыт, когда дело шло о назначении на должность, в упоминании о том, как *«гроссмейстер Хартман фон Хельдрунген собрал молодых и старых, как и положено, и когда они собрались, брат, присланный из Ливонии, встал и передал свое послание».* - по словам переводчиков, Хартман, к тому времени Великий Магистр, стал свидетелем инкорпорации Братства Меченосцев в Тевтонский орден за сорок лет до описанного в хронике эпизода⁷²⁸. Другой подходящий пример - Буркхардт фон Хорнхаузен. В CLP он был назначен командиром в Кенигсберге в 1255г.⁷²⁹, но он также фигурирует в LRC, как следующий ливонский Магистр в 1257 г. в связи с его действиями:

«Когда письма были прочитаны, все они повиновались и пришли к Магистру, Магистр Поппо фон Остерна принял их с любовью. Приехал также из Ливонии святой муж с хорошей репутацией по имени брат Анно. Он был Магистром в Ливонии. Когда они собрались и услышали намерение своего Великого Магистра, они сочли его опрометчивым, и многие возражали против него. Но он сообщил им, что уже получил разрешение уйти в отставку, поэтому все братья молча согласились.

Затем из числа многих рассматриваемых мужчин они избрали брата Анно Ливонского по обычаю Ордена [июль 1256 г.]. Брат Попо выступил вперед и сложил с себя звание Гроссмейстера, и Магистр Анно Ливонский принял его добродетельно. Затем они надели ему на руку очень красивое кольцо, эмблему, которую Магистр всегда носил. Как только на его место был избран Магистр Анно, брат Попо снял с себя полномочия. Затем Попо сказал: «Вы, братья, если хотите доставить мне удовольствие, как я верю, и избавить меня от беспокойства, пошлите брата в Ливонию, чтобы он был Мастером. Братья, бывшие с ним, посоветовали ему поставить Комтура Кенигсберга. Язычники в стране не могли скрыться от него, ибо он знал все языческие обычаи и привычки. Этот совет понравился Великому Магистру, и он сказал: «Я тоже предпочитаю его». И немедленно написал письма и отправил их в Пруссию. Перстень тоже был отправлен. Письма вскоре пришли к брату Буркхардту по фамилии фон Хорнхаузен [в Саксонии, недалеко от Магдебурга]. Он был человеком, который знал, как следить за язычниками и договориться с ними. Когда брат Буркхардт услышал эту новость, он быстро ответил: «Я буду повиноваться тому, что написано в этих письмах. Все, что угодно моему Магистру, я буду делать безоговорочно». Затем он надел перстень Ливонии, который Магистр Анно, прекрасный человек, носил более трех лет. Добрый и добродетельный Магистр Буркхардт фон Хорнсхаузен отправился в Ливонию». 730.

Еще одним фактором, который мог способствовать развитию карьеры рыцаря, был его предыдущий социальный статус. В ливонской ветви министерялы и мелкие дворяне вытесняли братьев другого социального происхождения с должностей, особенно с должностей Ландмейстера, Маршала и комтуров. С другой стороны, в отличие от сыновей из семей низшего дворянства или из городского патрициата, сыновья из семей высшего дворянства и из министерялов, служивших династиям, имели больше возможностей для выдвижения на должности, хоть и с 14-го столетия, они больше не могли стать Ландмейстерами; что касается братьев из низшего дворянства, члены важных семей быстрее продвигались по служебной лестнице, в то время как сыновья городских патрициев (особенно в более поздние периоды) имели мало шансов достичь ранга комтура 731. На высокие посты предпочитались сыновья династий - например, Конрад Тюрингский был избран Великим Магистром после министеряла Германа фон Зальца (ум. 1239), не занимая никакой другой должности в Ордене; Генрих и Готфрид фон Хохенлоэ также получили руководящие должности, как и Лютер фон Брауншвейг и Дитрих фон Альтенбург - впрочем, есть и примеры сыновей династий, не достигших высоких должностей: например, Отто, сын Кристофа II Датского, присоединившийся к Ордену в 1347 г., добрался только до звания фогта Каркуса 732. Как говорит Урбан: «Немногие из рыцарей обладали

достаточным умом и опытом, чтобы занимать высокие посты или были достаточно высокого происхождения, чтобы нести ответственность, не проявив себя ранее. Благородное происхождение было почти необходимым для продвижения. Считалось, что дворяне наследовали способности точно так же, как боевые кони наследовали силу и отвагу; и потому что у них были важные родственники и опыт придворной жизни, они могли добиться преимущества, чего простым умением и благочестием никогда не могли бы достичь»⁷³³.

Другим фактором, который следует учитывать, является то, насколько высоко ценился перспективный командир ⁷³⁴, и, вероятно, то, как он относился к другим, что отразилось на моменте его выдвижения. CLP приводит пример, говорящий о том, что, пока Ливонское отделение ждало нового Ландмейстера, который должен был быть назначен и отправлен в Ливонию, рыцари избрали временного магистра, Андреаса Вестфальского, которого они знали и который, в свою очередь, знал их. Эти выборы последовали за смертью магистра Оттона и нескольких других рыцарей, и летописец утверждает, что, независимо от того, что число воинов уменьшилось, Андреасу понравились его войска - чувство, которое предполагает близость и взаимность: «(...) видели литовцев разоряющими землю Брата. Когда [Андреас] узнал об этом, он бросился в погоню, поспешив за язычниками. Его армия была довольно маленький, но, тем не менее, любила его»⁷³⁵.

Наконец, характер человека тоже должен был сыграть свою роль, и это снова видно в CLP, через Людвига и то, как он понравился соседям: «[Людвиг] так сильно преследовал [литовцев] своей силой и хитростью в течение тех шести лет, что когда он командовал Рагнитом, он заставил всех литовцев, живших вдоль Мемеля от реки Нерис в провинции Ламотина сохранять мир с христианами и давать братьям в Рагните согласованную ежегодную дань. Обратите внимание на эти чудеса и заметьте, сколько страданий причинял им этот Людвиг во время своих войн, но они все же любили его, так что даже дворяне в провинции Жемайтия подстрекали простой народ к бунту против короля. (...) Он также умел использовать удивительную хитрость, чтобы разжечь смуту среди провинций, до такой степени, что в свое время литовский король не мог убедить народ Жемайтии угрозами или призывами воевать на его стороне против братьев»⁷³⁶.

По всей видимости, временные назначения командиров конкретными операциями во время походов рыцарей без звания служили для того, чтобы дать им шанс проявить себя. Но театр военных действий Ордена был непростым, и организация, должно быть, была жизненно важна для рыцарей. Устав, параграф 63 «Об атаке со стороны Маршала и знамени, вокруг которого должны сплотиться слуги», указывает, что:

«Всякий раз, когда маршал или тот, кто несет знамя, атакует врага, тогда брат сержант должен иметь штандарт, согласно которому обслуживающий персонал ['knechte'] должны собраться и молиться, пока Бог снова не пошлет обратно их лордов. Ни один брат без разрешения не должен атаковать до того, как атакует тот, кто несет знамя. Так же, всякий раз, когда он нападает, каждый может делать то, что Бог велит ему в его сердце, но он также может вернуться к штандарту, когда ему это покажется подходящим. Братья, которым знамя доверено, могут изо всех сил драться вокруг него, пока стоят рядом ним»⁷³⁷.

Командир должен был отдавать приказы своим силам: он мог сделать это до боя, но было бы несколько указаний, которые можно было бы дать только на марше ⁷³⁸ или на поле боя, в определенные моменты - нужна была система для командования, а в контексте военных приказов жесты и штандарты ⁷³⁹ имеют особую актуальность ⁷⁴⁰.

Штандарты были связаны с Магистрами или Комтурами и были ориентиром для перегруппировки войск, что обеспечивало сплоченность отряда ⁷⁴¹ - кроме того, движение штандарта на поле боя было эффективной визуальной командой, так как это было ориентиром для маневрирования и для позиционирования командира, плюс его перемещение увлекало за собой всю силу ⁷⁴². Когда штандарт падал, у войск больше не было точки сбора, и поэтому новые части не могли быть сформированы; связь между формированиями утрачивалась - это был признак поражения - люди бежали ⁷⁴³: если рыцарь-тамплиер заблудился, он должен был пойти к первому христианскому знамени, которое он нашел, и мог бежать поле битвы только, если все христианские знамена пали ⁷⁴⁴. Этот эпизод из LRC показывает, что тамплиерские правила, скорее всего,

относились и к Тевтонскому ордену - в данном случае выжившим рыцарям пришлось пробиваться с поля боя:

«Братья храбро сражались в битве, но они были побеждены. Огромное собралось языческое войско, и завязалась рукопашная схватка христиан и литовцев. Там были рубящие и колющие удары, и реки крови хлынули сквозь стальные кольца брони.

Братья потерпели поражение. Флаг Богоматери был срублен без пощады, и рыцарь, державший его, которого звали Иоганн, был убит. (...) Даже после того, как все эти люди были убиты, Магистр и его Братья остались неустрашимыми. Они страдали великой и невыносимой агонией и вели проигрышную битву. Семгалы бежали, не оставив ни одного из своих людей. Это встревожило христианскую армию, и когда язычники узнали об этом, они двинулись вперед своими силами. Флаг Братьев упал, и это стало ударом по христианам. Магистр Эрнест и семьдесят один Добрый Брат погибли в бою. Они проливали свою кровь за Бога. После того, как Эйлард преследовал и убил язычников, как я упоминал ранее, он поспешил обратно к Братьям. Когда он приблизился к полю боя и услышал известие о том, что битва проиграна, ему было больно и он злился. Он глубоко оплакивал смерть Магистра. Большой отряд язычников занимал позиции по обе стороны путей отхода, и это погубило героя. Он сказал своим рыцарям: «Ради меня, поддержите меня, чтобы жить или умереть. Я совершенно измучен». Некоторые из Братьев сбежали с ним ранее, и теперь с ними он атаковал языческую армию. Язычники сопротивлялись. Лошадь господина Эйларда была застрелена под ним во время прорыва, и он был смертельно ранен. Остальным едва удалось прорваться через язычников. Господин Эйлард был убит, и мы можем оплакивать его».

Штандарт идентифицировал носителя для друзей и врагов, таким образом работая как вызов, угроза или цель, а так как ее несет командир или кто-то от его имени, штандарт был также символом полномочий вести войну; что касается знамен, то они обозначали тактические единицы и могли показать размер силы: знамена использовались формированиями от десяти до 50 рыцарей, вероятно, это была самая распространенная штандартная численность у комтуров, когда они возглавляли свои войска, хотя было и меньшее знамя для сил от двух до пяти рыцарей **745**. Что касается организации армий, Брэдбери предлагает следующие определения: баннерет был рыцарем во главе группы примерно из двадцати других рыцарей, и это был более высокий чин, который можно было получить за ратные подвиги; хоругвь (знамя) была частью средневековой армии, и одна могла быть авангардом, а другая - арьергардом, каждая под командованием лидера, но в целом под командованием верховного главнокомандующего; баннером был маленьким отряд из десяти-двадцати рыцарей, а иногда и больше, что позволяло тактическое развертывание небольшими группами, «(...) показывая большую изощренность

средневековых армий, чем когда-то предполагалось»⁷⁴⁶. Этот последний аспект был проиллюстрирован выше на примере кампании Генриха фон Плётцау. Баннер (конрой) был квадратным отделением, поэтому можно предположить, что формирования от двенадцати до 24 рыцарей скакали по шесть или восемь впереди, а остальные находились во втором или третьем ряду. Великая хоругвь было составлена из конроев, тесно связанных друг с другом, что давало прямоугольные порядки глубиной от двух до трех человек, с фронтом из пятидесяти или более рыцарей с оруженосцами⁷⁴⁷. В кампании знамени можно было использовать только при необходимости, а также как ориентир для войска на марше и во всех видах автономных действий⁷⁴⁸. Следующий отрывок из LRC иллюстрирует важность знамен для организации сил в марше:

«Теперь, после того как к ним присоединились туземные народы обеих областей [Курляндии и Семгалии], Магистр, его сторонники и крестоносцы сочли, что пришло время сгруппировать людей под разными знаменами, как это принято на войне. Когда они прибыли к границам той земли, защитники перегруппировали свои силы и выстроили их для боя. Знамена были доверены тем, которые рвались в бой и умели вести себя в таких делах. Там было много народов в строю, который враг никогда не смог бы сломить. Хотя были много знамен, туземцы были так хорошо обучены, что не отклонялись от своих. Их лидеры также держали их под своей постоянной опекой. Армия выстроилась во многих гордых построениях, как и положено в бою. Проводники были назначены к лидерам, что принесло пользу всей экспедиции. Это были коренные литовцы, прекрасные герои, и войско был хорошо защищено»⁷⁴⁹.

Момент перегруппировки и стягивания сил перед боем свидетельствует о том, что использовались два разных порядка - один для похода, другой для боя. Интересно заметить, как был принят боевой порядок - несмотря на отсутствие контакта с неприятелем, тевтонские войска просто подошли к пограничным землям. Принятие боевого порядка, вероятно, указывает на то, что они вступали на опасную территорию, а также на то, что позже они не имели возможности или необходимого пространства для формирования в боевой порядок, учитывая что «Большая часть боевых действий велась в лиственном лесу, вереске и болоте. Со своим густым подлеском, прибалтийские леса были непохожи на обычные редколесные хвойные леса севернее». ⁷⁵⁰. В этом отрывке также описывается, как знамени передавались рыцарям, умеющим вести себя на поле боя⁷⁵¹ - однако, опять же, ничего больше не сказано о том, как эта система продвижения сработала. Большое значение придается сохранению плотных формирований в ремарке «О нерушимых формированиях». Для того, чтобы предотвратить опасность для индивидуума, повысить его уверенность в сражении, эффективно атаковать и действовать как тактическая единица, рыцарские порядки должны были быть плотными⁷⁵². Упоминается также

разделение армии на различные формирования. В тактических целях каждое подразделение должно было иметь знамя - особенно рыцари: строиться в конрой (Conroi - группа из 5-10 рыцарей, которые тренировались и сражались вместе - прим. пер.) чтобы атаковать линию противника; избежать ближнего боя и перегруппироваться после того, как конрой прорвал линию противника и вследствие этого ослабил строй **753**. LRC описывает следующее об атаке и перегруппировке:

*«Брат Бертольд был воином, выбранным в качестве знаменосца, и он взял стяг в руку и вышел на поле. Без всяких понуканий Братья, горожане и крестоносцы быстро собрались вокруг флага. Туземцы, однако, не были готовы, так как расположились лагерем в лесу. Некоторые из них даже увидели врага, но убежали в сторону дома, оставив своих лошадей в лесу. Но многие благородные оруженосцы проявляли должное мужество и стояли за своих господ. Затем великолепная сила двинулась через лес со своими щитами. Смелый герой Брат Вольмар фон Бернхаузен, побуждаемый своим мужеством, смело атаковал враг, как только его увидел. Он бросился к ним, и знамя последовало за ним. Он один был верхом, все остальные сражались в пешем порядке. Были сражение, и язычники отступили. Более двадцати из них были убиты, а остальные бежали из боя. Некоторые солдаты также были убиты. Брат Вольмар вернулся как герой под свое знамя, снова пришпорил коня и бросился на врага. На этот раз герой был убит. Он умер как храбрый человек, и я желаю его душе добра. Магистр крикнул Братьям выйти на поле, но оно было для них слишком узко и из-за тесноты на поле боя они не могли правильно сгруппироваться. Приближалась большая группа людей, и им ничего не оставалось, как драться. Братья не нуждались в предостережениях, чтобы сражаться под своими знаменами, и солдаты тоже были готовы и желали идти в бой »**754**.*

Этот отрывок любопытен в нескольких аспектах, главным образом тем, что, возможно было различие между «флагом» и «знаменем». Бертольд выносит флаг на поле и, предположительно, Тевтонские силы пересекают лес, чтобы добраться до того же поля — в следующий момент Ландмейстер приказывает остальным войскам выйти на поле боя, поэтому они, похоже, ждали в лесу **755**. Тем не менее, поскольку рыцари «не нуждались в перестроении, чтобы сражаться под их знаменами», может быть, Бертольд, несмотря на то, что был назначен знаменосцем, что-то нес еще, предназначенное для большей силы. Тем не менее интересно отметить, что, хотя Бертольд был выбран знаменосцем, именно Вольмар бросился в атаку верхом, ибо у него одного была лошадь. Когда рыцари и пехота взаимодействовали в бою, рыцари действовали как основная сила, а пехота как вспомогательная **756**, но странно, что в данном случае конный рыцарь не несет знамя. Оба - Бертольд и Вольмар - упоминаются только как «Брат», видимо они были просто рыцарями; это возвращает нас к предыдущему вопросу о том, как работало продвижение по службе, поскольку Бертольд

был выбран по неустановленной причине 757, однако именно Вольмар инициировал нападение и получил похвалу. Во-вторых, Вольмар ринулся в атаку, «побуждаемый своим мужеством», и знамя пошло за ним: не только Вольмар нарушил правило 758, он сделал что-то весьма опрометчивое 759 учитывая, что он верхом, поэтому он двигался быстрее своих союзников — если только Вольмар не ехал рысью, таким образом заставляя всех остальных бежать за своей лошадью, он был бы изолирован в момент столкновения с противником. Не очень понятно, связаны ли действия Бертольда и Вольмара, и где они стояли в битве по отношению друг к другу. Самый любопытный аспект этого эпизода заключается в том, что рвение Вольмара к битве не оправдывается, что соответствует упоминанию Хартмута Куглера о сходстве между LRC и героическим эпосом, которое предполагает, что LRC стремился героически увековечить действия рыцарей 760. И, несмотря на то, что он был единственным на коне, Вольмар вернулся под знамя, только чтобы атаковать еще раз в последний раз. Что касается «тесноты» поля боя и как это помешало маневрированию, это будет обсуждаться далее в этой главе. Помимо визуальных сигналов, команды также подавались с помощью звука. Визуальные сигналы связаны с передачей приказов и как таковые являются инструментом управления войсками; но для осуществления немедленной и одновременной передачи приказов, звук более эффективен - наиболее очевиден голос командира 761, но это было бы бесполезно для больших формирований, учитывая, что чем дальше, тем хуже слышно; кроме того, в бою его заглушал бы окружающий шум 762. В Святой земле первый звук трубы означал, что все должны были вооружаться, на втором звуке надо было бежать в строй, а на третьем все должны были быть в строю 763. LRC сообщает, что тевтонские рыцари использовали боевые рога - первое звук, означал, что люди должны собраться и экипироваться, второй, чтобы свертывать лагерь, а третий, чтобы начать марш :*«Армия провела ночь под защитой нашего Господа, и когда утренний свет появился, Магистр приказал протрубить в боевой рог в качестве сигнала. Звук великий и могучий, и войско быстро приготовилось. Снова ясно протрубил боевой рог, и армия собралась. Когда прогремел третий звук, добрый Магистр Андреас Ливонский, как храбрый герой, начал поход со всем своим войском».*

Для военных приказов на Пиренейском полуострове и относительно небольших войск, передвигавшихся ночью и отдохавших днем, голосовые команды были предпочтительнее 765. Я считаю, что то же самое применимо на Балтике, хотя бы для ситуаций, когда рыцари не хотели бы обнаруживать своё местоположение — например, при преследовании врага, чтобы застать его врасплох, как в LRC:

«Армия упорядоченно сгруппировалась под знаменами для похода в Семгалию. Есть река по имени Шенен, и в это время ее воды были очень высокими. Войско братьев остановилось в лесу рядом с ней и разбило лагерь. Разведчики, которые знали дороги,

были отправлены в Курляндию в погоню за врагом. Вскоре они подошли достаточно близко, чтобы увидеть Литовскую армию. Их сердца возрадовались, и они без промедления вернулись, чтобы сообщить Братьям. Они сказали: «Язычники приближаются и захватили много добычи. Они очень близки к нам». Теперь один из литовцев предложил построить мост через реку. Сами братья могли слышать звуки, издаваемые литовцами, когда они с радостью работали всю ночь, чтобы завершить строительство моста. (...) Теперь литовцы не подозревали, что на них кто-нибудь нападет, поэтому ехали и маршировали открыто через реку. Брат Меркелейн воспрянул духом и бросился в бой со своими людьми. Язычники видели приближающуюся силу христиан и попытались вернуться к своей добыче, но мост под ними рухнул»**766**.

Кажется правдоподобным, учитывая близость двух сил и то, как литовцы были удивлены рыцарями, что вместо боевых рогов использовались голосовые команды. Устав, параграф 56 «О должности глашатая» говорит, что «глашатай должен быть расположен вместе с маршалом, и что бы он ни выкрикнул как приказ, должно быть расценено и принято как приказ»**767**.

Визуальные и звуковые сигналы могут смешиваться. Марш мог начаться со звука инструмента, похожего на трубу, или голосовой команды, или давался баннером в случае тамплиеров; остановку командовали ударом по щиту, знаками руки или звуком трубы, либо по голосовой команде, либо баннером; чтобы перестроить кавалерийские подразделения более тонкими линиями, для более широкого фронта использовалась голосовая команда; чтобы поддерживать тесные ряды, использовалась другая голосовая команда **768**

Но визуальные и звуковые сигналы могут выходить за рамки команд. По выражению Дженсена, война также состояла из аудиовизуальных элементов**769**: Генрих Ливонский описывает крестоносцев, поющих на марше в сопровождении барабанов и дудочек: «После того как все люди были перебиты, великая радость была среди христиан, и они играли на барабанах, свирелях и других музыкальных инструментах, потому что они отомстили злодеям и убили всех предателей»; Генрих также упоминает военный колокол **770** и ссылки на звук так часто описываются им, что звук, скорее всего, играл важную роль в войне **771**:

«Это имело психологический эффект, утешая крестоносцев и подчеркивая их принадлежность к единому сообществу. Но это имело и духовное значение. Новый звук взял верх и завоевал языческое пространство. Подобно тому, как землю возделывали и леса превращали в поля, так и воздух был наполнен небесной христианской музыкой»**772**.

2. Театр военных действий

Война на Балтике была длительной, трудоемкой и требовала детального планирования, учитывая, что победа на поле или завоевание укрепления были лишь отправной точкой в процессе захвата территории 773.

Море, густой лес во внутренних районах, горы, болота, мягкое лето и суровые зимы придавали Балтийскому региону особый характер, отличающий его от других мест - это был регион, разделенный естественными преградами, хотя доступ на юг, восток и запад был проще 774. Тем не менее, проще не значит открыт. Подход к западу море осложняли песчаные отмели к северу от побережья Ютландии, в то же время как подход с востока прикрывали обширные леса между Вислой и Финским заливом 775. Главные водоемы состояли из Одера и Вислы, вытекавших из Богемских и Карпатских гор 776, Мемеля (или Немана) и Западной Двины (Даугавы), приходящих с Русской равнины 777. Водные пути были особенно важными коммуникации. Например, через Двину сердце Балтики соприкасалось с востоком и севером: «Верховья Даугавы [Двины] находятся в непосредственной близости к верховьям трёх других рек - Волги, дающей выход в Каспийское море, Днепром, который впадает в Черное море, и Ловатью, что дает выход в Финский залив на Балтике. Волоки позволяли довольно легко переходить с одной реки на другую. Контакт между Даугавой и Днепром проходил по меньшей мере через четыре волока» 778.

Другие реки связывали другие регионы с Балтикой. Одер - саксонские районы Бранденбург, Мейсен и Лужицу, польские области Силезии и чешские земли Моравии; Висла - Польшу и русские земли Волыни плюс степь; Мемель - Минск и Литву; Двина - Полоцк; водные пути Ловать-Волхов - Ладожское озеро - Нева - Новгород и Урал 779. Театр военных действий Ордена и растущий «Ordensstaat» в 13 веке был обрамлен двумя реками: на западе Вислой, протекающей через Краков, входящей в Мазовию и отделяющей Западную Пруссию от Померании (Восточной Померании); на востоке Неманом, разделяющим Восточную Пруссию (в основном Судовию) и западную Литву 780.

Орден в Пруссии взял пример с Братьев Меча в Ливонии передвигаться по рекам и устанавливая укрепления, которые служили базами для преследования прибрежных племен с последующим завоеванием, размещения гарнизона и продвижения вглубь земель: «Все предыдущие вторжения направлялись на восток в леса внутренних районов, но капитан рыцарей в Хелмно, Герман Бальк, сосредоточил свои усилия на западе, вдоль Вислы». - Бальк отрезал помезанцев и погезанцев от торговых путей 781. Кроме рек, в Мазурии были еще озера, а в Верхней Померании — болота; на юге Внешней Померании, от Северного моря до Двины, был дремучий лес» (...) также с вкраплениями озер и болот, плотный лиственный лес был в Литве; плюс Пустошь (Дикра) между Литвой и Орденом в Ливонии и Пруссии, состоявшая из деревьев, подлеска,

зарослей, являвшихся серьезным препятствием; болота, трясины, озера и несколько притоков великих рек, которые создавали проблемы транспортировки и логистики, были слишком сложны для средневековых войск **782** - когда Орден начал использовать повозки в 1390 г., это рассматривалось как новшество **783**.

Об этом лесе стоит напомнить, что часть его сохранилась и сегодня в районах северо-востока Польши, на границе с Литвой и Беларусью **784**. Флора состояла из дубов, вязов, ясеня, клёна и липы; зубры, лоси и медведи являлись типичными представителями фауны **785**. Пустошь, впервые описанная Генрихом Ливонским, была представлена как место, где туземцы могли спрятаться от соседей и от крестоносцев: эти укрытия, описываемые как «темные, в густых частях леса (...) кажутся тщательно отобранными местами для убежища. Как будто почти у каждой деревни есть одно или несколько таких мест в лесу, расположение которых было очень хорошо известно местным жителям» **786**.

Этот лес, с которым столкнулись тевтонские рыцари, сыграл определяющую роль в военном деле. Рыцарей, которые оставляли следы или ехали в одиночку, часто преследовали, или они терялись и умирали от голода. Армии сбивались с дороги и не могли найти врага; путешествие по лесу было очень трудоемким (хороший дневной путь составлял около 19,31 км) — Неман и Двина лучше подходила для перевозки крупногабаритного багажа и часто использовалась для поддержки операции (перевозка припасов, строительных материалов, осадных машин, лошадей, войск); однако во многих местах верхней Двины были пороги, плюс южные притоки, которые текли в Литву, были короткими и неглубокими **788**.

Операции Ордена в Литве в основном проходили зимой, учитывая, что было легче ездить по замерзшим заболоченным местам и тропинкам **789**.

CLP рассказывает, что Бальга был окружена болотистой местностью, которую нельзя было пересечь летом без моста: «Равнина, на которой стоит крепость Бальга, окружена болотистой местностью, непроходимым летом на лошади или пешком, кроме как по тропинке через мост, который все еще там сегодня. Для своей безопасности в будущем и для отражения любой угрозы братья построили замок на холме перед этим мостом, который, как я слышал, называли Шнекенбургом, и туда они направили несколько братьев, а также храброго, благородного человека, опытного в военном деле. (Я слышал, что его звали Хартвиг, отец Хартвига из Покарвина) и многих других бойцов, чьей обязанностью было охранять его и не допускать нападения пруссов на них»⁷⁹⁰. Из-за леса и болот передвижение в Пруссии и Ливонии было ограничено, но зимой, по льду, войска могли передвигаться, и зимние походы стали постоянной практикой⁷⁹¹.

Тем не менее, погода также бывала очень неблагоприятной, и, поскольку на Балтике часты были сильные дожди и снегопады, отсутствие дорог означало, что переезды были нецелесообразны: один холод сделал невозможным проникновение Ордена в Литву зимой 1322-1323 гг.; снег в феврале 1376 года был настолько глубок, что ливонская экспедиция была вынуждена ехать в гуськом (в колонну по одному прим. перев.)⁷⁹², а в марте того же года литовцы потеряли 1000 лошадей из-за трудностей; в 1387 году снег был такой глубокий, что все сидели дома - зато теплая зима была еще хуже, потому что, если земля не замерзала, она не выдерживала бы ни людей, ни коней, так что битв быть не могло; дождь вызывал наводнение и размачивал почву; таяние льда и разлив рек (март и апрель) делало сообщение невозможным, а осенний дождь мог быть слишком сильным: «Как бы ни рвались враги драться друг с другом, они всегда останавливались погодой»⁷⁹³. Это контрастирует с Ближним Востоком, где трудности были вызваны жарой и засушливостью⁷⁹⁴. Согласно CLP: «В том же 1255 году Иоанн, маркграф Бранденбурга, могущественный военачальник, прибыл в Пруссию с великой армией рыцарей и воинов, стремящихся сражаться во имя Бога против язычников, если бы это можно было устроить. Однако, когда они пришли, зима была настолько мягкой, что они не могли подобраться достаточно близко к противнику, чтобы нанести ему какой-либо урон; это потому, что земля между ними заболотилась, и ее стало так трудно пересечь, что никакая армия не могла путешествовать туда верхом, если только зима не будет достаточно суровой, чтобы замерзнуть достаточно сильно, чтобы позволить армии переправиться»⁷⁹⁵.

Генрих Ливонский отмечал в 13 веке, что литовцы использовали для передвижения сани в районе их операций и для перевозки трофеев от вторжений в Ливонию⁷⁹⁶, а LRC рассказывает, что сани использовались как Орденом, так и туземцами - например, «Приказы были даны для общей атаки, но Братья слишком рано атаковали язычников. Когда они

ринулись к ним, язычники ушли за линию обороны своих саней, и передовые Братья, знаменосцы, врезались в нее». СLP показывает пример того, как правильный лед был необходим для переправ, описывая как «чудо» то, что рыцари смогли перейти по тонкому льду – правда, не уточняется, в каком месяце экспедиция произошла, вероятно, была уже поздняя зима; упоминается также, как легко контингенты сбивались с пути, даже с проводниками:

«Зимой того же года [1302] Магистр, брат Конрад Зак, взял большой отряд в Каршуву, но без особого успеха, потому что проводники запутались в маршруте. Они вели войско взад и вперед, так что язычники были предупреждены об их прибытии и сбежали в места, где они знали, что находятся в безопасности. Так Магистр путешествовал по всей пустой земле и не добился ничего, кроме разжигания нескольких пожаров. Он развёл много костров и остался ночевать, а на обратном пути они пересекли лед Куршского залива, что было великим чудом, потому что лед был так тонок, что гнулся, как волны на море, подгоняемые грозой: войско подбрасывало вверх, а затем опускалось вниз волна за волной. Однако Бог совершил для них чудо, никто не умер»⁷⁹⁸.

Кроме леса, болот и льда, на Орденском театре военных действий были и люди.

От Балтийского побережья до западной Русской возвышенности поселения были ограничены побережьем и долинами Вислы, Немана и Двины ⁷⁹⁹. Многочисленные языческие племена существовали там: славяне-венеды (ободриты, вагры, полабы, варнабы в районе Нордальбингии (Голсатии); роганы/рани на острове Рюген; на материке напротив Рюгена и вниз до Хафельбурга жили редарии, киссини, чирчипаны и толенсаны; в Лужице были сербы/северные сербы (которые до сих пор существуют как этническая группа в Шпреевальд); к востоку от Одера жили померанцы; к востоку и северу от Вислы находились пруссы ⁸⁰⁰, литовцы, летты и куры (или курши)⁸⁰¹. В текущей работе основное внимание уделяется народам к востоку и северу от Вислы. Прусские племена жили на Нижней Висле, Нарве, Немане и побережье Балтийского моря; литовцы, к северу и востоку от Немана, в пределах Невезиса и Вилии; что касается латышских племен, то в низовьях Двины они были известны как латигалы / летты (к северу от реки), а также как земгалы и селоны. (к югу от реки); наконец, куры/курши (называемые у скандинавов курирами) - на полуострове между Балтикой и Рижским заливом ⁸⁰². Эти народы представляли собой объединения небольших групп – племен – политических единиц : племена могли иметь собственные укрепления, несли коллективную ответственность за сохранение границ и могли мобилизоваться армией или собраться на собрание ("wayde"), и, естественно, некоторые были сильнее и агрессивнее по отношению к своим соседям, чем другие, в то время как другие уступили земли небалтийским народам (вроде помезанцев и погезанцев, которые были

оттеснены от Вислы до 1200 г. поляками; и леттов Герсики, чьими повелителями были русские); вместе взятые другие племена, такие как жемайтийцы (земайцы) и аукшайты, из которых состояли литовцы **803**.

Наименьшей социальной единицей был «лаук», небольшое семейное поселение, домашнее хозяйство и окрестные поля - «лауксы» - управлялись главой семьи мужского пола, хотя и крупные политические и территориальные единицы существовали в 13 веке с опорой на укрепления; они были известны как «пулка», состоящая из около дюжины «лауксов», могла занимать до 300 кв. км. и насчитывала около 2000 жителей **804**. На собраниях пулков присутствовали все свободные мужчины в священных рощах, и именно там принимались такие решения, как договоры, походы, выборы вождей и выработка целей кампаний **805** - однако нет доступной информации для понимания, как пруссы концептуализировали войну до крестовых походов **806**. Письменные источники **807** упоминают, что пехота была основой балтийских войск до 13 века, а кавалерия играла второстепенную роль **808** - еще есть упоминания о балтийской коннице начала 13 века, вооруженной копьями и булавами, в добавок к быстрой, приписываемой литовским лошадям **809**. Несмотря на то, что археологические данные ограничены, хроники утверждают, что пруссы могли собрать большую численность кавалерии **810**. CLP сообщает, что:

*«(...) когда гарнизон в Христбурге и братья из других мест устремились туда со своими войсками в ответ на боевые кличи этой армии, погезанцев, как устроил Диван, заранее подошли пешком и верхом со всей силой, которую смогли собрать, и атаковали район вокруг Христбурга»**811**.*

Крестоносцы принесли с собой новые технологии, давшие им лишь временное военное преимущество, потому что туземцы по необходимости либо научились защищаться, либо приняли на вооружение новое оружие; кроме того, они сохранили традиционные решения, которые лучше подходили к местному контексту, чем те, которые применялись крестоносцами: «(...)), например, продолжая использовать легкую кавалерию в болотистой местности, где большие боевые кони были менее полезны»**812**. Балтийские народы не были примитивны в ведении войны:

*«(...) важно подчеркнуть, что это не было односторонней передачей нового из цивилизованного и технологически развитого центра на примитивную периферию. Разное военное оборудование выполняло разные функции на разных территориях и местные традиции ведения войны, разработанные для местных условий, позволяли языческим правителям десятилетиями сохранять свои позиции против армий крестоносцев»**813**.*

Туземцы имели численное преимущество, плюс опыт местных условий; они также стали использовать трофейные доспехи и копировать осадные орудия - таким образом, превосходство крестоносцев опиралось на вербовку туземцев на свою сторону: предоставляя ливам защиту от

русских и литовцев; помогая ливам и леттам против эстонцев; также союз с крестоносцами облегчил торговлю с немецкими купцами, а это означает, что крещение стало символом присоединения к крестоносцам **814**.

Как было сказано ранее, племенная разобщенность хорошо послужила крестоносцам.

Крупные племена не были централизованными политическими образованиями – скорее, союзами, сформированным между пруссами; аналогичную ситуацию можно было наблюдать в Ливонии с куршами, земгалами, селонцами и летгалами; литовцы были другими, ибо они составляли нацию **815**. Литовцы представляли собой крестьянство под властью воинского сословия всадников, жившее в густонаселенных лесных массивах у рек Неман, Нерис, Вилия; сельская община, видимо экзогамная, состоял из пяти-восьми дворов, каждый с участком земли; хутора платили помещикам («боярам») оброк продовольствием и услугами; этот бояре рекрутировали родственников и боеспособных крестьян в свою свиту; всех возглавлял потомственный князь или царек одного из девяти литовских округов, и группы отправлялись в набеги каждую весну (если последовал ответный удар соседей, литовцы укрывались в окружных крепостях) **816**.

Прибалтийская оборона состояла из земляных укреплений с деревянными стенами и башнями; в укреплении командовали военачальники, которые упоминаются как короли, капитаны и герцоги в источниках – эти военачальники возглавляли родовую аристократию и имели доспехи, оружие и лошадей; до 1200 года эти воины были скорее всего наиболее боеспособными мужчинами племен, тогда как низшие воины защищались только щитами и шлемами, более важные воины носили лучшее снаряжение и были знакомы со стременами и шпорами; военачальники укрепляли свою власть добычей и рабством, но обособление частных усадеб не было развито **817**. Господствующее оружие на Балтике в период 9-13 вв. веках было копье, хотя мечи, наконечники стрел и боевые топоры также часто встречались. Эти народы и их родина были теми, с кем тевтонской коннице пришлось столкнуться в 13-15 вв. Вопрос заключается в том, как трансформировались стратегия и тактика Ордена в соответствии как народам, так и местности, поскольку, как отмечает Новаковский :«[Историки] находились под слишком сильным влиянием идеи о том, что тевтонское военное искусство было единообразным по характеру. Это особенно заметно в более ранних работах, особенно в немецких, которые реконструировали свои представления только на основе Устава Ордена, в то время как реалии полей сражений и тот факт, что тевтонские писанные военные законы касаются конкретных направлений деятельности - Сирии и Палестины - игнорировались. Таким образом, Статуты малопригодны для самых разных эколого-ландшафтных зон, представленных землями, где военная деятельность Ордена была наиболее интенсивной, то есть в Польше, Пруссии или Литве» **819**.

3. Книга Ордена

Тем не менее, Книга Ордена, а именно Статуты, дют информацию относительно порядка и дисциплины, с которыми можно попытаться соотнести, то, что сообщают Хроники Ордена. Это все ограниченная информация, и пока Новаковский делает важное замечание, я не согласна с мнением Новаковского о бесполезности Устава: чем меньше материала, тем меньше из него следует выбрасывать. Я уже изложила информацию об экипировке рыцарей и лошадей, командах и штандартах, а также теперь добавлю оставшиеся инструкции относительно дисциплины и поведения.

Параграф 48 «*Как братья должны ездить по поручениям*», описывает порядок перемещения и езды на марше: *братья не могут оседлать или вьючить своих животных до приказа сделать это; оседлывание имеет приоритет перед вьючением, и только после того, как лошади оседланы, вьючные животные могут быть загружены вещами, для которых требуются маленькие ремни - предметы, для которых нужны большие ремни, нельзя упаковать без приказа; как только вьючные животные готовы, братья не могут ехать, пока не будет приказано сделать это; после того, как отдан приказ ехать и все сидят на лошадях по местам, братья должны оглядеться и проверить, не осталось ли ничего по небрежности или забывчивости; братья едут впереди своих оруженосцев, чтобы занять место в строю, но затем оруженосцы едут впереди братьев, чтобы братья могли следить за своим снаряжением и оставаться на своем месте в строю; все должны следовать друг за другом с равными интервалами и «(...) следует избегать беспорядка в верховой езде»; «когда кто-то едет сзади и видит пустое место в ряду, где может поместиться он и его животные, он может его занять; братья также могут занять чужое место в строю, когда они только что были сзади, но место, которое закреплено за кем-то, не может быть передано другому» 820.*

Эти меры направлены на то, чтобы избежать ненужного стресса для людей и животных: координацию оседлывания и вьючения животных подразумевает, что за лошадьми будут ухаживать в одно и то же время, что снижает вероятность беспокойства. Все едут одновременно, поскольку сидение в седле на неподвижной лошади вредно для её спины; езда через равные промежутки предотвращает укусы, пинки и также удерживает братьев от столкновений друг с другом; занятие освободившегося места означает возможность присоединиться к маршу, не нарушения его; назначенные места могут подразумевать формирование вышеупомянутых тактических отрядов, но особенно свирепые лошади, которые должны быть в определенном месте по отношению к другим лошадям (а именно быть первым, или иметь рядом конкретную лошадь) должны также учитываться.

Статуты описывают только всадников, их оруженосцев и вьючных животных. Если предположить, что речь о верховых лошадях, на которых ездили во время марша, в то время как боевых коней вели вручную, то это

значительное количество животных. Параграф 41 «О должности капитана оруженосцев, что он может делать», говорится, что капитан оруженосцев может дать братьям походную провизию, а также груминг-инвентарь; он раздает «(...) корм животным по обычаю мерой с горкой (не придавленной) (...)», хотя он не может увеличить фураж для кого-либо без разрешения **821**. Что за «обычай», не указано. В случае с тамплиерами - во время кампании им разрешалось добывать фураж (скошенную траву или сено), пока они оставались в пределах слышимости; у каждого тамплиера была ёмкость для измерения веса зерна для лошади и сито, чтобы просеять его, а ячмень поступал из общего запаса в виде отмеренного количества - если выпас был хороший, паек можно было сократить **822**; если лошадей кормили соломой, у тамплиеров не разрешалось разбавлять солому травой **823**. Что касается поения лошадей, согласно параграфу 50 «Как никто не должен поить своего коня в боевом строю, никто в тевтонских войсках не может поить своего коня при передвижении по водоему - если только знаменосец напоил свою лошадь, или водоем был достаточно широк, чтобы воин мог напоить свою лошадь вне линии, не задерживая остальных **824**.

Статуты также описывают процедуры для чрезвычайных ситуаций и установки лагеря. Параграф 52 «Как братья должны ждать приказа, когда в опасности»: говорится, что без разрешения братья не могут разнуздать или кормить своих животных; лагерь должен быть разбит вокруг штандарта, кольцом, следуя порядку, в котором едут братья верхом; лошади и снаряжение должны находиться внутри кольца, чтобы им быть лучше защищенными **825**. Ограничения в отношении разнуздания и кормления связаны с готовностью к бою и безопасностью лошадей.

CLP содержит эпизод, который оправдывает поддержание дисциплины в походе: христианские войска, вероятно, чувствуя себя в безопасности из-за

своего расположения (защищенного рекой), немного расслабились и не были готовы, когда несколько пруссов тайно переправились через реку, чтобы напасть на них:

«(...) когда гарнизон в Христбурге и братья из других мест устремились туда с своим войском в ответ на боевые кличи этой армии, погезанцев, как устроил Диван, заранее подошли пешком и верхом со всей силой, которую могли собрать, и атаковали район вокруг Христбурга. Как и планировалось, они захватили замок Транпере (...) как только братья в крепостях Посилге и Вишовии услышали известие, что пруссы угрожали Транпере, они, не теряя времени, пришли на помощь братьям и горожанам Христбурга, которых они нашли уже вооруженными и подготовленными для битвы. Они тронулись в путь и подошли к вышеупомянутому замку Транпере, который (...) находился в осаде, противник бежал; братья пошли за ними и убили многих из них. Кольте тоже встретил свой конец там. Те из них, кто бежал пешком, встретили конные войска, опустошавшие этот регион, и они тоже были очень потрясены ужасным поражением, которое они потерпели. К ним присоединились конные пруссы и пехотинцы и двинулись к реке Зорге, где разбили лагерь, найдя укрытие и установив свои палатки; братья разбили свой лагерь на другом берегу реки, на лугу за деревней под названием Паганштайн. Когда пруссы увидели их там и что там невозможно было с ними драться и что невозможно убежать, они договорились о следующем хитром плане: когда христиане разбили лагерь, сняли доспехи и расседлали лошадей, отошли от своих дозорных и были совершенно беззаботны, пруссы тайно переправили половину своей армии через реку. В то время как христиане думали, что могут безопасно отдохнуть, половина пруссов пошла в свирепый натиск с фронта, а половина сзади, прежде чем они были готовы защищаться от нападения, двенадцать братьев и добрых пятьсот мужей лежали мертвыми, а остальные со всей быстротой бежали в Христбург. Его тоже осаждали язычники, которые преследовали их там»⁸²⁶.

Что касается параграфа 54 «Как братья должны занимать свои места перед часовней», инструктирует, что братья не могут носить дрова или собирать пищу без разрешения; если у них есть разрешение, седла должны быть накрыты, чтобы их не повредило то, что принесено ⁸²⁷

Параграф 55. «Когда предводителю не следует посылать братьев без извещения Магистра», указывает, что без согласия Магистра Маршал не может посылать братьев (вооруженными или безоружными), или позволить им ехать так далеко, что они могут оказаться в опасности, или что они могут создать опасность для оставшихся войск; братья должны оставаться в пределах слышимости, потому что они могут слышать крики, приказы и звон колокола, а также должны оставаться в пределах досягаемости; братья не могут посещать мирские кварталы или жилища, которые не находятся близко к их местонахождению,

чтобы предотвратить усталость **828**. Согласно параграфу 62 «Как братья должны ожидать приказаний своих командиров», братья не могут надевать или снимать свои доспехи без разрешения, ни взбираться на седла; при езде в боевом порядке оруженосцы едут впереди братьев или рядом с ними «(...) с их боевыми конями (...)»; когда братья на конях, они ни в коем случае не должны разворачивать своих лошадей без приказа **829**. Разворот может означать бой или бегство; тем не менее, как уже упоминалось, это маневр, требующий пространства. Все эти меры были направлены на то, чтобы ездить «упорядоченно», как выражается LRC, и, кроме того, об этом говорит параграф 49 «Как должны вести себя братья, когда они едут в боевом порядке», в нем говорится, что если двум или более братьям нужно посоветоваться друг с другом во время битвы боевым порядком или в линию, им разрешается ненадолго собираться, хотя они должны вернуться в исходное положение в изначальные места как можно скорее **830**.

Однако Книга Ордена не сообщает, где союзники и вспомогательные войска рыцарей должны размещаться во время привала и в походе. Но этот эпизод из CLP показывает, что, вероятно, местные вспомогательные войска отделялись от рыцарского лагеря, хотя периметр должен быть общим: «В 1292 году от Рождества Христова Брат Мейнхард, который всегда прилагал напряженные усилия, чтобы защитить христианский мир и подчинить, и уничтожить людей дьявола, собрал большую армию Братьев и пруссов и отправился с ними в Литву. Когда он и армия перешли границу, один прусс тайком подошел к [Генриху] Цукшверту, отвел его в сторону и сказал: «Господин, слушай внимательно: ты и твои Братья несомненно преданы, потому что, когда вы достигнете цели этой кампании, вы найдете литовцев в боевой готовности. Но вы также должны знать, что, если вы повернете назад, вы будете убиты пруссами, потому что теперь они объединились в восстании». Брат Генрих сказал: «Поскольку вы знаете эти вещи, посоветуйте нам, как этого избежать?». Он ответил: «если вы хотите моего совета - остановите поход здесь, и вернитесь домой. В пути позаботьтесь о том, чтобы днем и ночью носить оружие и быть готовыми использовать его. Нелояльные пруссы увидят это и откажутся от своих планов напасть на вас». Этот брат Генрих тотчас пошел сообщить Магистру и, по совету Братьев, выслал шпионов. Когда они обнаружили, что ситуация такова, как описал информатор, и что пруссы готовятся к восстанию, он призвал их вернуться домой. Им было приказано носить с собой оружие; в то же время Магистр также тайно отстранил и поставил под постоянное наблюдение Братьев, тех, кто был наиболее активен в разжигании восстания, так что они не могли поднять восстание и не могли убежать. Братья держали их рядом и наблюдали за ними день и ночь, следя за тем, чтобы они никогда не покидали пределы лагеря. Когда простые люди увидели, что их лидеры остаются рядом с

Братьями во время еды, питья, путешествий или отдыха, день и ночь, они стали бояться, что их планы известны, что их предали, и вожди сознались в своих намерениях. Они начали роптать между собой, но не могли осуществить свои злые намерения, потому что у них не было руководства. Так по милости Божией Братья смогли добраться до дома целыми и невредимыми»831.

По словам Монтейро, некоторые утверждают, что Правила военных орденов имели символическое значение, а не столько практическое, учитывая, что ряд норм был бы невозможен для исполнения - в случае с тамплиерами на Святой Земле из-за постоянной угрозы войны 832. Полагаю, то же самое можно применить и к Тевтонскому Ордену на Балтике, учитывая тип местности, климат, народы и человеческую натуру рыцарей — все же должны были быть письменные правила, которые применялись на практике или, по крайней мере, адаптировались к реальной жизни.

4. В поле

Как заявил Форей, трудно понять, как функционировали военные ордена в поле, поскольку большая часть информации поступает из хроник, и поэтому к ней следует относиться осторожно; он также утверждает, что военные ордена редко предоставляют информацию об их количестве, что нет различия между Братьями и светскими войсками, когда они сражаются вместе, и что редко указывается, была ли использована вся имевшаяся в их распоряжении сила (т.размер сил должен быть пропорционален типу операции), хотя «(...) ясно, что количество Братьев, которые могли бы проводить проповедническое служение на границах западного христианского мира, было сравнительно небольшим даже по средневековым меркам, и в полевых условиях - как и в гарнизонных замках - была большая опора на вспомогательные войска»833. Тевтонские хроники могут быть более явными, но все же предоставляют управляемую информацию — LRC более информативна, чем CLP, но обе хроники дают понять, что рыцари действовали в соответствии с их контекстом:«(...) методы ведения войны были ограничены естественными препятствиями, что делало крупномасштабную агитацию и аннексию практически невозможными. По всему Северу было принято, что было два вида кампании. Одним из них был летний рейд, который прошел до или после сбора урожая, обычно в периоды май-июнь и август-сентябрь. Так как проходимость была наихудшей в марте-апреле и октябре-ноябре, с таянием снега и осенними дождями было важно не выходить за эти рамки, и предпочтительный метод боевой летней кампании всегда был у моря, насколько это было возможно. Зимние походы обычно шли по суше, пользуясь замерзшими болотами и реками, и выходили обратно либо до, либо после праздника Рождества или Середины зимы; холода и нехватка продуктов питания обычно делали их либо маленькими, либо короткими»834.

Таким образом, погода навязывала различные виды операций. Зимние походы **835** приходилось делать быстрыми, состоящими из 200-2000 человек, несущих пайки и фураж на седлах, с целью как можно быстрее разграбить, разрушить и обезлюдить определенную территорию; когда вражеская территория была достигнута, создавались основные базы **836** для хранения провизии и добычи, затем силы разделялись и рассредоточивались, чтобы нанести как можно больший ущерб, не создавая укрепления или не оставаясь достаточно долго, чтобы создавался риск контратаки. После каждого дня кампании нападавшие возвращались в лагерь, где был оставлен более сильный отряд, ночевать, затем двигались на следующий день по зигзагообразной схеме, или прямо вперед, или даже поворачивая назад атаковать уже разрушенный район; иногда меньшие силы посылались в качестве приманки, чтобы заманить противника в засаду; успешная кампания должна была быть скрытной и должна была вернуться к безопасной территории до мобилизации противника или изменения погоды: «Германн Вартбергский сообщает об одном таком успехе в 1378 году: ливонцы вошли в Литву в феврале, остались там на девять сувалок (ночевок) и вернулись с 531 головой скота и 723 головами лошадей»**837**.

Тевтонские рыцари в основном действовали через набеги («Stossreisen»/ «Ruckreisen»), хотя были недельные походы: зимой сено и овес можно было перевозить на вьючных лошадях или санях, а летом приходилось планировать этапы, чтобы лошади могли пастись, причем фураж возят на вьючных лошадях или в повозках, запряженных двумя швейками, если

необходимо; провизию также можно было найти по пути в благоприятных условиях или хранить в тайниках по всему предполагаемому маршруту⁸³⁸. Летние кампании обычно были масштабнее: Ландмейстеры мобилизовали все ресурсы для «херварта» (наступательной экспедиции), тогда как Великий князь литовский мобилизовал «карий» — большое войско бояр и их кастелянов ; эти кампании были направлены на захват новой территории путем разрушения вражеского укрепления или строительство укрепления на вражеской территории, но эти походы по-прежнему сопровождалась разрушениями, грабежами и преследованиями, и иногда им предшествовали небольшие экспедиции с намерением подготовить и разорить район вблизи цели: «(...) когда фон Книпроде отправился на осаду Каунаса в 1362 г., он действовал по донесениям разведки, сделанной в предыдущем году»⁸³⁹.

дует отметить, что более подробная информация о логистике Ордена относится к 14-му-15 вв. В отсутствие более подробной информации, кроме случайных упоминаний о санях (в LRC) и повозках (в CLP), а также с учетом более раннего утверждения о том, что использование Орденом фургонов рассматривалось как новшество, я полагаю что, как сказал Кристиансен, провизию в основном возили в седле. Багаж в более западноевропейском стиле ⁸⁴⁰ кажется продуктом конца XIV-начала XV веков, когда «Рейзен» прикрывались рыцарским церемониалом. Чем больше Орден полагался на рыцарей из Западной Европы ⁸⁴¹, тем более ему приходилось мириться с тем ведением войны, которое они предпочитали- например, к 1350 году обе стороны занимались выкупом пленных, шли переговоры на поле боя и перемирия с обменом пленными ⁸⁴²

Помимо летних и зимних «рейзе», проводились постоянные более мелкие рейды пограничными командирами, кастелянами и бандами туземных партизан ⁸⁴³. Таким образом, несмотря на ограничения из-за особенностей местности и погоды, Балтика была активной зоной боевых действий ⁸⁴⁴. Из-за войны с Литвой, просуществовавшей 140 лет (1283-1411/1422), способ ведения войны Орденом принял личный поворот во взаимном опустошении и грабеже: хотя сражения были редкостью, были осадные операции, экспедиции на строительство укреплений («Баурейзен») и оборонительные действия на своей территории («ландсвер»/«гешрай»), хотя самая известная черта стратегии Ордена - это зимние экспедиции ⁸⁴⁵. Обычно зимних «Рейзе» было два, один в декабре, а другой в январе/феврале с перерывом на Рождество - кроме того, семичасовой зимний день не оставлял много времени для рейдов; рыцари, похоже, ходили в поход зимой больше, чем литовцы, хотя литовцы тоже использовали большие зимние экспедиции, как в 1322-23 годах, когда рыцари, в свою очередь, решили, что для нападения на Литву слишком холодно и поэтому остались дома ⁸⁴⁶.

Экдаль утверждает, что только тогда, когда тяжелая кавалерия Ордена не могла действовать из-за неблагоприятных внешних условий, таких, как

сложный или заболоченный рельеф местности, появлялась возможность местной легкой кавалерии и пехоте достигнуть важных побед, и что Орденские рыцари ("Panzerreiter", как называет их Эдаль) были в состоянии в основном уничтожить все на своём пути, вооруженные копьями, мечами и булавами. 847. Основная цель в рыцарской тактике состояла в прорыве линии противника: сначала атакой в сомкнутом строю, затем прорыв линии противника, что могло привести к полному уничтожению частей противника, особенно если они достигали войск из второй линии противника, рыцари предпочитали возвращаться сразу же после прорыва вражеской линии, и атаковали противника с тыла 848. Опять же, кавалерии требовалось пространство для маневра и лошади должны были быть в движении («(...) неподвижная лошадь – мертвая лошадь») 849. Когда речь идет о столкновении с пехотными соединениями, рыцари опасались встречи с хорошо дисциплинированной пехотой, ожидающей атаки плотным строем и с древковым оружием: «Не только опасаясь за свои собственные жизни, но и за жизнь лошадей, и всего, что повлечет за собой их потеря, иногда заставляло рыцарей воздерживаются от нападения на решительных и сплоченных пехотинцев». Что, как правило, работало лучше, так это кавалерия против кавалерии, поскольку обе стороны имели те же проблемы обороноспособности 851 и маневренности; в то время как твердая формация имела решающее значение, каждая сторона по-прежнему располагала достаточно свободным порядком 852, необходимым для атаки. Трудно знать наверняка, что следовало за первым ударом, вполне вероятно, что кавалерийский бой заключался в начальном столкновении и, во второй фазе, в динамическом маневрировании, хотя он мог также включать в себя статический бой 853. По мере продвижения атаки в последнюю минуту копыта опускались, чтобы вес копья и сила удара не выводили рыцаря из равновесия, острие копья держали слева от головы коня: чтобы прицелиться, рыцарь направлял коня и скручивал тело в седле - при попадании в цель копыта могло сломаться или быть вырвано из рук рыцаря силой удара 854. Удачные атаки в правильное время были технически сложными, чаще атака обычно заканчивалась рукопашной; атака назад тоже была непростым приемом, ибо зависела от успеха первой атаки, от поддержания сплоченности и перегруппировки, а также физической и психологической способности выполнять новую атаку 855. У кавалерии, кроме прорыва, было несколько вариантов, о чем говорилось выше: развернуться перед целью или промчатся сквозь цель. Выполнение разворота перед мишенью имело две сложности: если все делается быстро, лошадь и всадник должны быть готовы и выполнять обдуманно и на правильном ходу 856, иначе всадник - или лошадь и всадник - упадут; на поле битвы, конь и рыцарь были частью более крупного отряда, что означало, что лошади друг будут толкать друга при выполнении разворота плотным строем и при этом: «Этот маневр может быть двух видов: полный, с поворотом на 180°, или заход с поворотом на 90° вправо или влево; в

случае с заходом вся шеренга должна была пройти перед вражеским строем, подвергая его атаке метательным оружием». 857 С другой стороны, для прохождения цели требовалось, чтобы она была рассредоточена, как бегущий пеший отряд или атакованный с фланга, или другой конный отряд.

«Когда-то (...) среди своих жертв более быстрая и благородная конница, сражаясь копьями и мечами, имела преимущество». Верхом на лошади копье можно было использовать четырьмя различными способами: метаться как дротик, колоть вниз, колоть вверх, чтобы сбросить противника с лошади, или удерживать наперевес во время атаки на цель 859. Помимо копья и меча, кавалерия также могла использовать арбалеты (а позже и пистолеты) или дротики, чтобы создать бреши или вызвать недисциплинированные контратаки: маневр выполняли, подъезжая к пехоте, бросая джавелин(дротик), возвращаясь назад, чтобы взять другой джавелин, или переключиться на копье(ланс) и снова атаковать противника - последовательность описана в Carmen de bello Saxonico (1075 -76): «Бойкие рыцари скачут галопом 860 вперед от королевского войска / Радуюсь и сгибая шею своих лошадей 861 / По очереди наступая и отступая / И искусные в быстрых поворотах во время езды / И своим желанием сражаться они провоцируют сражения »862.

Но кавалерия не только атаковала цель. Наступательные действия кавалерии состояли из атак небольшими самостоятельными подразделениями, чтобы застать врага врасплох и получить доступ к укреплению; если доступ не был получен, то кавалерия должна была грабить, пока противник не нанесет ответный удар по территории нападающего или, в случае отказа от сражения, в конце концов сдастся (если только рейды оказались нерентабельными, что вынуждало нападавших уйти) 863. Касательно обороны, атакующие силы могут совершить набег с оборонительной позиции или отступить в оборонительную позицию; обе стороны могли совершать набеги друг на друга, чтобы заставить другую сдаться первой 864.

Такие случаи были и в Прибалтике. Набеги на языческие территории были частыми и были направлены на развитие Орденской экономики за счет захвата скота, добычи и рабов, чтобы ослабить врага — но набеги совершались и туземцами с той же целью; кроме того, грабеж был также нужен для логистики экспедиций 865. Наконец, кавалерия могла участвовать в полевых сражениях 866, однако возможности не ограничивались кавалерийскими атаками, а комбинировались с пехотой, лучниками или арбалетчиками - хитрость заключалась в том, чтобы действовать в соответствии с имеющимися силами, местностью, погодой, вооружением и состоянием людей 867, а также лошадей». В Прибалтике обстановка была неблагоприятной для тактики полностью бронированной кавалерии 868; следовательно, чтобы не сосредотачиваться исключительно на более известной битве при Танненберге, предлагаю рассмотреть операции из Пруссии и Ливонии, описанные в хрониках Ордена. Учитывая

ограниченность размера текущей работы, мы рассмотрим не все эпизоды из LRC и из CLP. Мои критерии выбора примеров из летописей приходятся на упоминание и описание действий кавалерии; учитывая, что CLP менее подробная, я исключила эпизоды, в которых даже не упоминался глагол «ехать». Чтобы показать контрасты повествования между хрониками, я решила чередовать эпизоды.

Выбранные эпизоды можно найти в Приложении, Pt. III, Избранные эпизоды: 354, и организованы по типу операций, предпринимаемых тевтонской кавалерией: рейды и экспедиции (1-10); перехват рейдов противника (11-14); столкновение/преследование врагов (15-17); пример нападения тевтонской кавалерии после рейда (18); и развертывание

против замков/осад (19-22). 1 - CLP описывает кампанию [1233 или 1234] 869 года, предпринятую тевтонскими силами **870**. Благоприятные погодные условия позволяли вести кампанию, но она не могла длиться более двух месяцев **871**: соответственно, это событие было зимней кампанией- рейд («опустошение местности») с захватом туземцев, совершаемый Тевтонскими рыцарями и крестоносцами. Вспомогательные силы местных не упоминаются. Судя по описанию, у реки Зорге христиане нашли сборище прусской кавалерии, которая собиралась их атаковать контратаковать их («мощная прусская армия, которая ехала напасть на христиан»), тем не менее, эта кавалерия отступила, по-видимому, без столкновения с кавалерией Ордена, поскольку указано, что приближение христиан - было замечено, что местная легкая кавалерия избегала лобовых столкновений с тяжелой кавалерией Ордена, таким образом можно предположить, что тяжелая кавалерия имела достаточно места, чтобы сформировать плотный строй. Пруссы отступили – предположительно, через лес, судя по тому, как польский князь Святополк «ставил заграждения на путях через подлесок, чтобы предотвратить бегство пруссов. Стоит отметить, что альянс Святополка с Орденом - явление более раннего периода, отсюда замечание летописца о его знакомство с пруссами. Неясно, как произошла засада, но вполне вероятно, что пруссы попали в более замкнутое пространство. После первоначального удара не упоминается, был ли бой пешком или верхом. В связи с характером операции - зимний рейд, в ходе которого по пути нельзя было найти фуража, и поэтому его приходилось перевозить - и учитывая, что рыцари в итоге столкнулись с пруссами в замкнутом пространстве, возможно, что в наличии были только вьючные и боевые лошади. Кроме того, это уже были большие силы, ибо среди тевтонских войск были крестоносцы. Эффективность рейдов зависела от преодоления транспортных проблем, которые не могли быть решены, так как в Западной Европе - обычным обозом. Как уже было сказано, когда продовольствие стали возить в Литву повозками, это рассматривалось как инновация - таким образом, я считаю, что, ради скорости достижения успеха рыцари ехали на своих боевых конях для этих операций. Кажется, в тот раз не было ни пехоты, ни арбалетчиков/лучников, поддерживающих Тяжелую кавалерию

Ордена и крестоносцев; кроме того, помощь союзной туземной легкой кавалерии является спорной.

2 - Также из CLP есть рейд из 1291⁸⁷³. Несмотря на то, что Генрих командовал в Бальге, с ним были люди из Рагнита — все же похоже, что Генрих был вообще руководителем экспедиции, судя по тому, что командира Рагнита не было упомянуто, и Генрих был тем, кто с помощью знамени Рагнита позволил подняться к замку. Летописец приводит число тевтонских войск: «1500 всадников и 20 Братьев».

означает, что всадники могли быть местными помощниками и / или вассалами. Операция, кажется, подходит под категорию нападений, предпринимаемых более предприимчивыми командирами, а так как присутствовали люди из еще одного гарнизона, вероятно, это было сотрудничество между двумя замками.

Тевтонские войска пошли устроить засаду на литовскую крепость, попытавшись выманить гарнизон иллюзией небольшой силы, так как только знамени Рагнита было разрешено подойти к крепости - стоит помнить, что по знаменам определялись тактические отделения от 10 до 50 рыцарей. Спровоцировать врагов в крепостях на бой (на открытой местности) было типом операции, хорошо подходящей для небольших кавалерийских сил, учитывая их мобильность, атаки и отступления ⁸⁷⁴. Литовцы поверили приманке, но операция провалилась, потому что оставшиеся тевтонские силы покинули свою скрытую позицию слишком рано, что заставило литовцев отступить в замок. Далее летописец сообщает, что, разбив лагерь в безопасном месте, Генрих следовал стандартной процедуре совета со своими Братями: «как и подобает (...) командирам, которые под [Магистром], они с радостью и усердно ищут совета и терпеливо следуют доброму совету (...)»⁸⁷⁵, что привело к решению о рейде вокруг Аукаймиса, грабежах и захвате пленных⁸⁷⁶. Учитывая, что литовские всадники ушли, за уходом тевтонских войск последовали литовские пехотинцы, которые намеревались преградить своим врагам путь через лес. Тевтонские силы как-то прорвались через баррикады - какими они были, летописец не сообщает, и были ли пленники казнены или нет. Затем тевтонские войска столкнулись с литовцами на открытой местности в пустоши и успешно «отговорили» противника от дальнейшего преследования.

Учитывая, что тевтонское войско состояло из Братьев и всадников, и учитывая скорость событий, маловероятно, что с ними были пехотинцы. Непонятно, как бои происходили в пустоши, но, поскольку летописец указывает, что это была «открытая местность в пустоши», кажется вероятным, что кавалерия построилась и атаковала литовцев, которые были в пешем порядке: следует отметить, что район Аукаймиса был лишен всадников, ибо они отправились в Юнигеду «за день до» тевтонского набега, чтобы ответить на штурм крепости - таким образом, тевтонские силы, похоже, «на один шаг» опережали литовцев (на сутки), что требовало

высокой мобильности; кроме того, тевтонское войско прошло через лес незаметно для литовских всадников из Аукаймиса.

По этим причинам я считаю, что у рыцарей были только боевые кони.

3 - Более неудачная встреча может быть найдена в LRC877. Как было упомянуто, ранее в Прибалтике не было подходящих путей сообщения. Христианская армия состояла из немцев (крестоносцев), Братьев и местных вспомогательных войск, хотя число упомянутых потерь: «десять Братьев» и неустановленное количество «других смелых воинов», вероятно, включало и первых трех мертвых немцев. Ливонский магистр командовал рейдом, а на обратном пути в Ливонию ехал впереди с группой отобранных мужчин («Я возьму таких людей, сколько мне нужно») **878** для улучшения дороги на переправах и мостах. Это замечание, а также отсутствие упоминаний о снеге могут указывать на то, что рейд произошел в другой сезон, а не зимой.

Какую работу осуществляла группа Магистра, не раскрывается - однако, учитывая то, как рыцари попадали в засады через баррикады, эта работа могла быть просто расчисткой пути обратно в Ливонию. Кого выбрал Ливонский мастер, тоже не раскрыто **879**. Перед отъездом Магистр Конрад оставил инструкции на случай, если земгалы осуществят нападение, а именно, чтобы оставшиеся силы заняли оборонительную позицию и трубили в рог, что свидетельствует об использовании звуковых сигналов,

обсуждавшихся ранее. При условии что как Магистр, так и армия ехали, кавалерия, несомненно, присутствовала, но неясно, были ли пехотинцы, возможно, некоторые местные помощники. Расстояние между группой Магистра и остальными войсками также не уточняется, но так как сказано, что «он слышал, как грозно шли по лесу земгалы» после пересечения луга, расстояние между двумя группами не могло быть слишком большим.

Верховный главнокомандующий был бы заманчивой целью, и у него должен был быть штандарт. Группа Магистра представляла собой эскадрон (сopгоі), состоявший, из двенадцати-двадцати четырех рыцарей. Земгалы, преграждавшие путь, определенно превосходили числом рыцарей — возможно, Магистр не ожидал, что за ними последуют большие силы, или ему просто не хватило предусмотрительности взять больше людей с собой, чтобы иметь возможность успешно помочь оставшимся войскам, если это понадобится. Как Ландмейстеру и, следовательно, важной фигуре в ливонской ветви, Конраду посоветовали отступить в Митаву, предположительно в сопровождении его людей **880**.

Оставшиеся войска все еще пересекали лес, когда земгалы атаковали, а указание на то, что «многие из их лошадей были убиты», указывает на атаку конных войск пехотой или стрелками **881** — соответственно, поскольку «многие их лошади были убиты, и поэтому они спешили и сражались с нападавшими в пешем строю».

заставляет меня интерпретировать этот момент как то, что оставшиеся всадники спешиваются со своих лошадей. Однако земгалы имели численное превосходство - число не указано, и это заставило местные вспомогательные войска отступить через лес.

Тевтонские рыцари продержались еще некоторое время вместе с другими немцами, из которых уже успели трое погибнуть. В конце концов, и тевтонским рыцарям, и немцам «пришлось отступить в лес», в итоге добравшись до Митавы. Пали ли христианские знамена или отступление было организованным, не уточняется.

Неясно, была ли среди тевтонов легкая кавалерия, пехота или стрелки.

Я считаю, что снова рыцари и немцы ехали на своих боевых конях: в начале, они снова оказались в ограниченном пространстве, и поэтому меньшее количество лошадей могло обеспечить лучшую мобильность; во-вторых, попав в засаду, рыцари не имели бы времени поменять лошадей **882**: подпруги надо было бы подгонять (и чем больше волновалась лошадь, тем труднее быстро отрегулировать подпругу), и множество других причин могли стать помехой.

4 - Более удачные обстоятельства можно найти в CLP883, в эпизоде с участием Людвига, на этот раз как командира Рагнита. Он провел ряд операций против литовцев, которые состояли из набегов, предпринятых небольшим отрядом-приманкой, который затем заманивал литовцев в засаду, так как Людвиг держал основную часть своего войска скрытой. Учитывая, что засады были обычным явлением **884** на Балтике, вполне

вероятно, что успех Людвига был связан с количеством успешных операций, которые он предпринял за шесть лет на посту командующего **885**.

Судя по эпизодам, в которых он прославился, он, должно быть, был выдающимся персонажем. Эти рейды были верхом на лошадях, учитывая, что, чтобы «буйствовать по региону, разрушая и убивая и затем двигаться дальше», требовалась высокая мобильность. Преследования совершались и верхом, учитывая, что стратегия, использованная в Пограудене, применялась и в Вайкяйе, и поэтому вполне вероятно, что противостояние на месте засады вылилось бы в бой кавалерии с кавалерией.

Эти рейды были направлены на подчинение района **886**: несмотря на установление «Ordensstaat», сочетание набегов и завоеваний, предпринятое Кнудом и Вильгельмом в Англии, было невыполнимо на Севере, учитывая, что большие силы не выдержали бы всю зиму на враждебной территории; более того, грабить и возвращаться домой было предпочтительнее, чем господствовать и завоевывать земли **887**. Учитывая, что Людвиг «так их преследовал», кажется правдоподобным, что рейды часто проводились в течение всего года, что соответствует тому, что уже упоминалось о зимне-летних походах.

В этом эпизоде снова засада и, по-видимому, имитация отступления. Пока друг другу противостояли только кавалерийские силы, непонятно, как шли бои - а именно, если с учетом окружения (засады должны были быть в лесах) рыцари и литовские всадники сражались пешими, а если бои происходили верхом, то в ближнем бою **888**.

Кроме рыцарей из Рагнита, неизвестно, присутствовали ли вспомогательные туземцы. Для такого рода операций, полагающихся на скорость, но с прицелом на бой, я утверждаю, что рыцари будут ездить только на своих боевых конях, поскольку логистика, необходимая для приведения большого количества лошадей затрудняла бы мобильность и бы устройство засады, потому что было бы необходимо предусмотреть укромное место, чтобы держать запасных лошадей и предотвратить обнаружение противником.

5 - В другом случае из CLP **889** тевтонские войска снова выступили против их соседей-язычников. Летописец называет конные войска только «всадниками», что, в сочетании с отсутствием упоминания о «Братях» **890**, может указывать на то, что эти всадники были либо местные помощники, витинги, или, может быть, даже немецкие вассалы. Пехота тоже была, вероятно, оставлена с теми, кто сопровождал ландмейстера, в то время как всадники отдельным путем, под командованием ландмейстера, совершили набег. Не сказано, что делала пехота, но они, вероятно, были приведены в качестве поддержки: учитывая, что восемнадцать человек из судовской знати были убиты, возможно, ландмейстер ожидал возмездия. Обычно когда проходили рейды, захватывались пленные.

Тевтонские описи в числе боевого снаряжения перечисляют цепи для военнопленных: такая цепь существовала в 1440 г. для двадцати трех

пленников в крепости Пройсиш-Голландия: « Item eyne kethe czu gefangenen czu 23 mannen»⁸⁹¹

Хотя описание этого эпизода расплывчато, в нем упоминается пехота, союзная кавалерии.

Для подвижности, учитывая, что отряд состоял из пехоты ⁸⁹², всадники должны были ездить на лошадях, приученных к такого рода операциям, в то время как ландмейстер должен был оседлать своего боевого коня.

6 - Что касается другого эпизода из LRC, от 1290 года ⁸⁹³, там есть упоминание об оруженосцах и сержантах, сопровождавших тевтонских рыцарей, а также вспомогательных куршей. Их силы насчитывали 350 куршей и «двенадцать Братьев», а также неустановленное количество оруженосцев и сержантов. Экспедицию возглавил Хельмикус, который, по-видимому, был командующим в Голдингене. На марше тевтонское войско выстроилось под знаменами «в Орденской манере» и путешествовало по болотам и лесам. Уже на вражеской территории, сержантов послали «разведать дороги и осмотреть регион, который Братья планировали атаковать». Тем временем литовцы узнали о надвигающейся угрозе и отправились, чтобы противостоять рыцарям - тем, у кого «лучшие кони» и пехота, хотя «литовцы, которые ехали, позже спешившись, по своему обычаю». Две силы наступали друг на друга: пешая атака была предпринята более опытными тевтонскими рыцарями и сержантами, но неясно, принимали ли участие конные войска в драке, произошедшей в лесу. Местные вспомогательные силы не бежали. В конце концов, литовцы отступили через лес, некоторые предпочли бежать пешком, а не верхом, судя по тому что, «многие считали себя счастливыми, если им удавалось уйти оттуда пешком» и тому, что рыцари захватили 160 лошадей. К тому времени, когда литовцы отступили, была ночь - таким образом, битва произошла в конце дня. Так как темнело, а лес был глубок, рыцари перестали преследовать литовцев и двинулись к добыче. После этого столкновения тевтонские войска покинули Литву, «немного отдохнув», вероятно, чтобы предотвратить преследование, пока они не достигли замка Амботен.

Про стрелков речи не было и непонятно, была ли там пехота и легкая кавалерия в рядах Ордена. Чтобы добраться до Литвы, тевтонские войска «встречали много плохих троп, где никогда не было ни моста, ни перехода», что должно быть, затрудняло продвижение. Медленное продвижение было проблемой, и из-за погоды скорость была важна: как таковая, конная экспедиция под руководством опытных проводников ("leitzlute") была единственным эффективным способом проникновения на вражескую территорию ⁸⁹⁴. Опять же, для мобильности и предотвращения еще более медленного марша представляется разумным, что рыцари ездили на своих боевых конях. Кроме того, учитывая, что литовцы пошли за ними, чтобы быть готовыми к бою, как только соприкосновение произойдет, рыцари должны были ехать верхом уже на своих боевых конях.

7 - Что касается другого случая в CLP, в 1261 году **895**, тевтонские рыцари были в сопровождении немецких крестоносцев (точные цифры не зафиксированы). Войско отправилось в рейд в Натангию, затем вернулся на равнину, чтобы разбить лагерь. Там было решено, что часть армии должна вернуться в Натангию, чтобы сеять хаос в других неповрежденных регионах, в то время как остальная часть армии осталась в лагере. Судя по тому, что позднее «сам господин фон Рейдер был убит, а с ним большая часть войска и все Братья, бывшие с ним» оставшаяся сила состояла из тевтонских рыцарей и крестоносцев. Непонятно, кто руководил всей экспедиции и силой, вернувшейся в Натангию **896**, а также о том, кто остался во главе сил, которые остались, хотя вполне вероятно, что это и был фон Рейдер. Пока отдельные силы совершали набег, натангийцы собрались и отправились в Покарвен, чтобы встретить ожидающие христианские силы. Трудно сказать, были ли христиане застигнуты врасплох, поскольку сказано, что натангийцы «яростно атаковали» и что «Братья и христиане сражались отважно».

Хотя Штенкель не был тевтонским рыцарем, его действия привели меня к выбору этого эпизода из CLP, потому что атака, которую он предпринял (учитывая скупость CLP в отношении боевых приемов), наиболее ясная во всей летописи. Тактические фигуры не упомянуты, положение штандарта (или знамен) не указаны, и не сказано, были ли у Штенкеля свои войска (можно предположить, что они были, поскольку он упоминается как «Herr» **897**).

По словам летописца, Штенкель, по-видимому, в одиночку прорвался через прусский фронт и в основные силы противника, «неся свое копьё по-рыцарски» **898**. Они, говорят, «убили многих с обеих сторон», вероятно, имея в виду отдельную линию фронта и основной корпус. Штенкель, по-видимому, пронесся через врага насквозь («он прорвался через них»); после этого он развернулся и попытался вернуться на христианскую сторону («он возвращался назад и достиг середины войска»). Попав в середину прусских войск, он так и не вернулся на сторону христиан («этот похвальный воин Божий был сбит с ног»). Судьба Штенкеля прекрасно иллюстрирует, почему атаки предпринимались плотным строем, и почему одинокий рыцарь в окружении пехоты оказывался в плохой позиции **899**.

Я предполагаю, что пруссы были пешими из-за того, как они стремились атаковать крестоносцев в лагере: поскольку туземцы избегали кавалерийских столкновений, представляется разумным предположить, что они атаковали в пешем порядке. Движение сил в этом эпизоде не очень ясно, но на основании того, как «*барты с обеих сторон свирепо атаковали, и многие из них были серьезно ранены или убиты сразу*», кажется, что пруссы каким-то образом окружили христианские силы «клешнями» после атаки Штенкеля. Бой произошел на равнине, где христиане разбили лагерь. В итоге, фон Рейдер, несколько крестоносцев и все остальные тевтонские

рыцари были убиты. Некоторые были взяты в плен, а другим удалось сбежать. Летописец утверждает, что отряд из рейда вернулся к этому времени и обнаружил, что «христианская армия потерпела поражение»⁹⁰⁰, и помочь ей невозможно, т.к. врагов больше. Таким образом, эта войско отступило «тайными тропами», что указывает на то, что они скрывались, чтобы их не преследовали. Здесь, пусть и предпринятая, казалось бы, одиноким крестоносцем, имела место атака, «пробивающая» через войско врага. Так как о пехотинцах среди христиан не сообщалось, войско, вероятно, было представлено только всадниками. О стрелках нет упоминаний. Поскольку крестоносцы и тевтонские рыцари совершали набеги, им требовалась мобильность, и поэтому я убеждена, что рыцари ездили на своих боевых конях. В данном случае, где пруссы напали на христианский лагерь, наличие только боевых коней (а может быть, и вьючных и верховых для оруженосцев и слуг) также предотвратила бы большую потерю лошадей, хотя несомненно, что рыцарь предпочел бы, чтобы вместо этого украли его верховую лошадь, чем его боевого коня. Наконец, вернувшиеся рейдерские силы скрылись по «секретным тропам», таким образом, они двигались через лес: наличие только боевых коней дало бы рыцарям больше мобильности и больше шансов остаться незамеченным, по сравнению с наличием большего количества лошадей.

8 – Другой эпизод из CLP ⁹⁰¹ относится к зимней экспедиции, предпринятой в 1304 году двумя тевтонскими гарнизонами в сопровождении немецких крестоносцев, в лице графа Вернера фон Хохенберга, господина Адольфа фон Виндхёвеля (в сопровождении его брата и рыцаря по имени Дитрих фон Эллер), и другие дворяне из Рейнской области. Прусский магистр направил в Литву два отдельных отряда, один под командованием Конрада фон Лихтенхайна, комтура Бранденбурга, а другой под командованием Эберхарда фон Вирнебурга, комтура Кенигсберга. Войска Конрада двинулись первыми и напали на Гардинас, оставив «страну пылающий» - замечание летописца о том, что «многого он не добился», кроме поднятия тревоги, и заставив литовских всадников преследовать его и его войска, вероятно, указывает на то, что не была взята добыча, и значительных разрушений не было. На третий день после нападения на Гардинас Эберхард «прискакал на большой скорости с 2000 человек и начал внезапную атаку» - нападение на Пограуден. Учитывая высокую мобильность, необходимую для двух операций, в ней должны были принимать участие только конные войска. Учитывая, что это произошло зимой и что тевтонское знамя «с утра до полудня оставалось нетронутым на холме напротив Гедиминбурга», возможно, набег произошел именно в это временное окно. Во время набегов некоторые крестоносцы были посвящены в рыцари, что, как упоминалось в первой главе, стало частью традиции крестовых походов в конце 14-го и начале 15-го веков. Тот факт, что мужчины были посвящены в рыцари после набега и разграбления региона Пограуден, предполагает, что это было важным делом. После того, как

мужчины были посвящены в рыцари и на обратном пути за ними шли литовцы, вероятно, тевтонские рыцари попал в засаду («обманом»), что привело к гибели 20 из них. Это были молниеносные операции, требующие высокой мобильности. Поэтому я сомневаюсь, что была задействована пехота - о ней сам летописец ничего не говорит, как и о стрелках. Нет подробных данных о составе войск, но я предполагаю, что это была легкая кавалерия, смешанная с тяжелой кавалерией тевтонских рыцарей и крестоносцев. Учитывая высокую подвижность, необходимую для операций, и так как экспедиции происходили зимой и не было пастбищ для лошадей, кажется логичным, что у рыцарей было уменьшенное количество животных и ехали они уже на своих боевых конях.

9 – Последний пример из LRC 902 сообщает об экспедиции в Жемайтию, но численность христианских сил не указана. Ландмейстер участвовал в кампании, как и сторонники из неуказанных гарнизонов - хотя можно установить, что тевтонские рыцари из Риги присутствовали, и учитывая, что силы начали собираться там, ландмейстер отправился в экспедицию. Сила, покинувшая Ригу, состояла из тевтонских рыцарей, крестоносцев и местных вспомогательных войск (эстонцы, ливы и латыши); направилась в сторону Семгалии, куда были призваны семгальские и куршские вспомогательные войска. Присоединение этих аборигенов, а также подход к границам Жемайтии побудил перейти от походного порядка в боевой порядок (*«защитники перегруппировали свои силы и построили их для боя»*). Знамена были вручены рыцарям, которые действовали как полевые командиры 903, и *«армия выстроилась во множестве гордых формирований, как и подобает в бою»* — как располагались силы, однако, остается неясным. Проводники, которые были литовцами по рождению, затем полководцы - летописец делает вид, будто их было всего трое 904. В боевом порядке христианские войска вошли в Жемайтию - примечание о куршах связано с предыдущим эпизодом хроники, о набеге жемайтов на Курляндию, опустошившем землю и против которой тевтонские рыцари были бессильны - текущий эпизод является возмездием за это. Церковники присутствовали среди христианских сил («монахи») и помогали поджигать 905 - об их наиболее очевидной функции - исполнении служб - не сообщается 906. Во время набегов на Жемайтию произошло разделение сил: «основная армия оставалась хорошо защищенной и упорядоченной» 907, скорее всего, в рамках подготовки к возможной жемайтской защите.

В то же время «готовые к бою меньшие отряды разъезжали то тут, то там, грабя», скорее всего это была туземная легкая кавалерия под командованием тевтонских рыцарей (и союзных аборигенов), которые знали землю лучше, чем крестоносцы. В то время как большинство христианских сил разбили лагерь на ночь, некоторые группы продолжали совершать набеги и ночью. Учитывая наличие прусских вспомогательных войск 908, и так как эта экспедиция последовала после набега жемайтов, обязательно следует считать куршей и земгалов «героями», проводившими ночные атаки

- как это были достигнуто, с точки зрения тактики и ориентации в темноте, не поясняется 909. Летописец делает вид, что атаки растянулись на всю ночь, и непонятно, были ли атаки пешими или верхом, но поскольку раньше было упомянуты «готовые к бою меньшие группы, которые ездили туда-сюда», я предполагаю, что атаки были верхом. Были также нападения на посты тевтонских войск в ночное время, но местонахождение этих сторожевых постов не указано, они, возможно, были на расстоянии слышимости от лагеря, учитывая то, что уже было сказано о звуковых сигналах. На следующее утро «на рассвете» тевтонские силы сняли лагерь и продолжили грабить и разрушать в течение девяти дней, ибо чем длиннее поход, тем больше шансы попасть в плохую погоду 910 или в засаду враждебных народов.

По свидетельству летописца, об окончании похода возвестил боевой рог, что заставляет меня предположить, что звуковые команды во время экспедиции могли быть ограничены голосовыми командами - судя по тому, что уже было сказано, это имело бы смысл для более мелких групп рейдеров, и хотя (по крайней мере, в первый день) «основная армия» представляла собой неразделенную силу, возможно, это была не слишком большая сила, полагавшаяся на качество, а не на количество. В данном случае неясно, были ли пехотинцы с конными войсками, а присутствие конных войск можно установить по тому, как меньшие боеспособные группы «ездили туда и сюда, грабя» и через заявление ландмейстера о «езде домой» после того, как протрубили в боевой рог. Экспедиция состояла из рейдов с целью грабежа и уничтожения, а так же возмездия. Таким образом, учитывая разнообразие местных вспомогательных отрядов, вероятно, что тевтонские рыцари использовали и легкую кавалерию. Опять же, ни о каких стрелках не упоминается. Данные о численности тевтонских сил и то, как они направлялись к месту сбора на дружественной территории, пока к ним не присоединились местные вспомогательные войска - рыцари ехали верхом на дорожных лошадях; прежде чем войти в Жемайтию, сели на своих боевых коней, оставив дорожных лошадей, когда они пересекли границу: это сделало их готовыми к бою в любой момент, а также обеспечило мобильность.

10 – Наконец, более неудачный рейд для тевтонских рыцарей можно найти в CLP 911, в 1320 г. В этом эпизоде Маршал Генрих отправился в поход в Литву.

Тевтонское войско состояло из 40 тевтонских рыцарей и «всех всадников Самбии». Они последовали за Мемель вверх по течению, чтобы отправиться в поход в Мядининкай, основываясь на ориентирах, которые использовала тевтонская армия 912 г. Зависимость от погоды ограничивала крупномасштабные операции в районах рек Мемель и Двина: территория была знакома, так как там происходило больше всего сражений, и было безопаснее совершать набеги в пределах досягаемости лодок, замков и мостов; война была ориентирована на осады и строительство замков,

поскольку «каждая сторона пыталась удержать (в случае с Двиной) или получить (в случае с Мемелем) участок реки, который можно было укрепить и снабдить гарнизоном, чтобы служить надежным проходом во вражескую страну за пределами Пустоши». Для более крупных операций силы вторжения бывали разделены на отряды, чтобы уменьшить вероятность катастрофы **913**.

В то время как тевтонские силы совершали набеги (хотя летописец не сообщает, были ли отдельные группы, совершавшие набеги на разные области), литовцы собрались, чтобы противостоять рыцарям, не в поле, а устроив засаду, чтобы поймать тевтонские силы на обратном пути. Литовцы испортили дороги, которыми пользовались рыцари, «загородив их деревьями» и превратив в бурелом, «чтобы сбить с толку возвращающихся христиан». Как это упоминалось, что одна из опасностей Пустоши заключалась в том, что воины могли заблудиться и умереть с голоду, также их могли выследить. Но, похоже, у тевтонских войск не было возможности теряться. По возвращении некоторые воины продолжили грабеж, но большинство стояло у знамен. Это расположение похоже на описание из Статутов - что рыцари едут за оруженосцами. Таким образом, я считаю,

можно предположить, что большинство тевтонских рыцарей ехали после грабежей вместе с прочими всадниками, но всегда хоть один рыцарь воздерживался от грабежа. Дистанция между двумя группами — грабившими и воинами — не ясна, но так как не было бы смысла грабить и потом рисковать потерять добычу на обратном пути, я полагаю, что они были не слишком далеко друг от друга, и что, по крайней мере, визуальный контакт мог быть возможен. Поскольку литовцы ждали именно «авангарда со знаменами» и хотели пропустить войска с добычей мимо, две группы должны были быть отдельными, и намеченная цель была - командиры, те, кто нес знамёна. Как уже было сказано, военные ордена часто располагались в авангарде, и вполне вероятно, что в этой ситуации тевтонские рыцари находились там; летописец не говорит, где были самбийские всадники.

Когда авангард оказался в узком месте в лесу: «В этом тесном месте язычники напали на братьев со всех сторон (...) в месте, где они не могли защититься.» Поскольку тевтонское войско состояло из Братьев и всадников, мужчины должны были быть верхом, а значит, оказавшись в узком месте, рыцари не смогли бы маневрировать. Похоже, группа с добычей не пришла на помощь авангарду; Однако, как сообщается, боевые действия длились долго, учитывая, что мужчины были «так измотаны попытками защитить себя и тяжестью своего снаряжения» — хотя, как уже было сказано, снаряжение Ордена существенно не отличалось от его соседей, особенно в 14 веке и в связи с войной с Литвой 914. Упоминание об «отдохнувших войсках» также говорит о том, что бой затянулся и даже литовцы были измучены, поэтому задействовали резервы. 29 тевтонских рыцарей и Маршал, как и другие христиане (предположительно, самбийские всадники) были убиты, очевидно, этими свежими литовскими войсками. Что случилось с группой с добычей и с выжившими, не раскрывается. Учитывая, что Генрих взял с собой тевтонских рыцарей и самбийских всадников, кажется разумным предположить, что присутствовали только конные войска и что Маршал снова использовал легкую кавалерию. О лучниках и арбалетчиках не упоминалось. Для лучшей мобильности, рыцари уже ехали на своих боевых конях. Что за добыча была взята, не сообщается, но это, несомненно, замедлило бы марш, что является еще одной причиной, почему количество лошадей было бы сокращено ради мобильности. Наконец, авангард со знаменами попал в засаду в узком тесном пространстве, где маневрирование было затруднено: в засаде рыцарь не мог бы поменяться лошадьми; кроме того, в ситуации непосредственной опасности было бы безопаснее, если бы рыцари были уже верхом на своих боевых конях, учитывая, что животные, специально обученные для боя, имеют лучшую реакцию, чем дорожные лошади — даже в тесном пространстве лошади привыкли быть рядом с другими лошадьми и вероятность паники меньше, чем у необученных дорожных лошадей 915.

11 – LRC сообщает о битве 1259 года **916**. Здесь тевтонские войска состоят из Братьев, немецких крестоносцев и куршских вспомогательные войск. Бернхарт фон Харен взял знамя и, хотя не сказано, что он командир, за некоторое время до боя при перехвате лжемайтийских налетчиков, когда рыцари из Мемеля присоединились к рыцарям из Гольдингена, хроника сообщает, что Бернхарт был командиром в Гольдингене **917** и возглавлял оба гарнизона и Мемеля, и Гольдингена, а также крестоносцев и вспомогательные войска. Перед боем, летописец рассказывает, что среди куршей те, кому не на чем было ездить, бежали вместе с оставшиеся силами; то есть на поле боя была и конница, и пехота. В речи перед боем Бернхарт заявляет, что боевые действия будут происходить на поле Схотен(как предполагают переводчики, это Скуодас в Бартии) **918**.

Поскольку христиане атаквали, а жемайты «быстро взяли за оружие», кажется, вероятно, что жемайты были удивлены, хотя битва была для них благоприятной.

Были они верхом или нет, неясно. Часть вспомогательных войск бежала, что способствовало разгрому христиан - 33 Брата и неустановленное количество других немцев погибли. После битвы, когда разведчики увидели, что жемайты возвращаются в свои земли, летописец рассказывает, что в Гольдингене «было много подавленных людей, встревоженных все еще болезненной катастрофой, случившейся совсем недавно», и что «когда трусы бежали, отважные пострадали и должны были купаться в крови, но некоторые смогли сражаться, выйти и вернуться с честью в свои замки », что объясняет, почему их было мало и боевой дух был низким **919**. Учитывая, что объединенные силы тевтонов, крестоносцев и вспомогательных войск шли по следу жемайтских налетчиков, кажется разумным предположить, что они хотели двигаться как можно быстрее и незаметнее, что склоняет меня к мысли, что рыцари были на своих боевых конях. Учитывая наличие пехоты, возможно, что она действовала вместе с кавалерией; кроме того, вероятно, легкая кавалерия куршей была смешана с орденской и тяжелой кавалерией крестоносцев. Опять же, не было упоминания о лучниках или арбалетчиках.

12 - фрагмент из LRC, о столкновении от 16 февраля 1270 года **920**. Начнем с того, что отличительной чертой этого столкновения является то, что оно произошло на Балтийском море, достаточно промерзшем в это время года. Христианская армия планировала перехват **921** литовских налетчиков, перебравшихся через Эзель(нем. «осель» - островок недалеко от Сааремаа -прм. пер.): в предыдущий момент летописец рассказывает, что тевтонские войска собирались совершить набег на Семгалию, когда ливонский Магистр был проинформирован о литовцах. Затем Магистр вернулся со своей силой в Ригу после отправки гонцов к епископам и датскому королю; из Риги он отправился еще раз с теми же войсками к Вику, по следу литовцев. Вик был сборным пунктом, где тевтонские войска встретились со своими союзниками: «мужи короля пришли с многими

гордыми эскадронами, и епископ Фридрих приехал из Дерпта со всеми, кого мог привести», плюс силы епископа Лиальского, в то время как датские войска находились под командованием Сейверейта. Собравшись, христианские войска вышли на Балтийское море в поисках литовских налетчиков, и обе стороны заметили друг друга на дистанции, что позволило литовцам занять оборонительную позицию позади своих саней, в то время как христианские командиры совещались и организовывали свои силы в боевом порядке :«епископы должны были защищать левый фланг, и им было дано много смелых Братьев», «Сейверейт из Ревеля и его люди должны были сражаться на правом фланге», что оставляло центр на оставшиеся тевтонские силы. Вполне вероятно, что именно эти силы «обрушились на язычников слишком рано». Перед столкновением литовцы отошли за свои сани - вероятно, и кавалерия, и пехота – хотя состав литовских сил не указан, я склонна полагать, что это была смесь и что, возможно, сани тянули кавалерийские лошади, учитывая, что балтийские лошади были универсальными. Тевтонская атака привела к тому, что знаменосцы, ехавшие впереди, врезались в сани – как уже говорилось, бросаться на твердые препятствие на лошадях не самое умное решение, но, на мой взгляд, несколько факторов могут это оправдать. Психологический фактор атаки тяжелой кавалерии прежде всего: крестоносцы имели физическое и психологическое преимущество в открытом бою из-за того, что и они сами, и их лошади были в более тяжелые доспехах 922. Но, учитывая возможности боевого коня, некоторые, возможно, надеялись перескочить через препятствия. Наконец, следует также учитывать, что иногда рыцарь мог терять контроль над своей лошадью 923. Однако атака против линии пехоты, которая была сплоченной и стояла за обороной, подвергала опасности как коней, так и рыцарей 924. Кавалерия в идеале атаковала только пехотный строй в беспорядке, или в бегстве, или при атаке его с флангов или сзади - такая атака может иметь психологический эффект и заставит формацию сломаться и бежать, но не против дисциплинированной, сплоченной, или окопавшейся пехоты, «(...) первый совет, по-видимому, был «не делай этого» (...)», в этом случае кавалерии приходилось спешиться, потому что в результате лобовой атаки против сплошной пехоты кони могли быть пронзены при ударе 925. И действительно, «язычники радовались и закололи их лошадей до смерти», в результате чего некоторые из рыцарей были немедленно убиты. Основная масса основных сил (что, судя по более позднему вмешательству епископов и датчан, было остатками тевтонского войска) присоединились к рыцарям, по-видимому, верхом, хотя тевтонским рыцарям приходилось сражаться пешком, учитывая, что большая часть их лошадей была убита, что летописец считает преимуществом для литовцев 926. Однако не все Братья рыцари лишились коней, «совершая там и тут подвиги на льду, порубив множество банд язычников», что указывает на то, что, вероятно, должны были быть разные группы литовцев вне их основной формации, и такие

конные группы могли эффективно действовать против них. Хотя тевтонские силы были «в тяжелом положении», вмешательство епископов и датчан улучшило ситуацию. Неясно, действовали ли эти силы, находившиеся на флангах, в качестве резерва, или же это было тактическое маневрирование, которое было запланировано 927. Должно быть, было движение в более мелких, но организованных подразделениях, судя по тому, как *«Братья сражались как один человек и нанесли много урона назад и вперед по льду многими смелыми отрядами»*, но неясно, относится ли это к конным рыцарям, к пешим, или к обоим. Тем не менее, ливонский Магистр погиб вместе с 52 тевтонскими рыцарями; епископ **Леала** был ранен, а 600 христиан были убиты - таким образом, *«армия Братьев уехала»*. Силы епископов и датчан, должно быть, тоже отступили. Нет упоминания о действиях пехоты или поддержке лучников, или арбалетчиков, или легкой кавалерии, смешанной с тяжелой кавалерией. Учитывая, что это, по-видимому, более крупная сила, включающая Орден, епископов и людей датского короля, я считаю, что по дороге в **Вик** рыцари ехали верхом на дорожных лошадях. Однако, отправляясь на Балтийское море, имеет больше смысла предположить, что они ехали на своих боевых конях, ибо целенаправленно намеревались найти литовских налетчиков, и, таким образом, знали, что шансы на сражение высоки. И хотя должно было быть время сменить коней - так как литовцы организовали оборонительную позицию, и лидеры успели посоветоваться - было бы осторожнее ехать уже на боевых конях.

13 – Другой пример 928 из LRC 929 сообщает, что снова тевтонские войска пошли вслед за литовскими налетчиками зимой. Командир Ашерадена созвал *«всех тех, которые услышали новости»*, туземцев или вассалов (или и тех, и других). Командир Кокенхузена присоединился к гарнизону Ашерадена, по-видимому, не приведя собственных войск 930. Хотя литовцы бежали, переправившись через Двину, рыцари пошли по их следу, что было бы нетрудно сделать зимой, по снегу. Литовцы знали, что за ними следят, и ждали рыцарей в лесу, но построили *«баррикаду вокруг себя и своих лошадей»*, скорее всего, чтобы помешать атаке тяжелой кавалерии. Когда обе стороны вступили в контакт, литовцы *«набросились на Братьев, когда они спешили с лошадей»* – неясно, было ли это нападение верхом или пешком, но мне кажется это было сделано пешком, а лошади остались в баррикаде, ибо если литовцы намеревались воевать верхом, они не загородили бы пространство баррикадой; к тому же прибалты преимущественно воевали в пешем строю 931

Тот факт, что рыцари больше не взбирались в седла, также убедительно указывает на пешую атаку литовцев, учитывая, что, если бы рыцари снова сели в седло, литовцы могли просто отступить за баррикаду. Расстояние, отделяющее две силы, неясно, но оно должно быть было достаточно близким, чтобы установить хороший визуальный контакт, но достаточно далеким, чтобы рыцари успели спешиться и, по-видимому, оставить своих

лошадей. В конце концов, рыцари смогли продвинуться к баррикадам, и литовцы бежали пешком. Хотя расстановка сил не уточняется, летописец определил потери в шесть литовцев и два тевтонских рыцаря. У тевтонов нет явных упоминаний о пехоте, стрелках или легкой кавалерии. Так как рыцари преследовали литовцев с намерением противостоять им, и учитывая, что они спешили, я думаю, что они уже ехали на своих боевых конях из практических соображений. То, что литовцы напали, когда рыцари спешили, это еще одна причина, по которой я твердо верю, что рыцари имели при себе только своих боевых коней в ситуациях, которые могли привести к боевым действиям, такие как рейды, засады или преследование налетчиков.

14 — Наконец, пример 933 из CLP, от 1311 года 934. После разорения Вармии литовцы, которых летописец насчитывал 4000 человек под командованием короля Витениса, намеревались вернуться в Литву со всей добычей, которую они захватили. Они не встретили сопротивления, поскольку, как было сказано ранее, тевтонские рыцари обычно нападали на врагов на пути домой, когда их замедляла добыча. Так и в этом случае : литовцы разбили лагерь на ночь «*в диком и пустынном месте Бартии*», на равнине с «*холмом, окруженным оборонительными сооружениями*», а когда рассвело, тевтонские войска прибыли в их расположение и напали на них. «Использование наступательной стратегии предполагает большую силу и общее превосходство над противником. Если нет численного преимущества, совершенно необходимо, чтобы качество войск было выше» 935, а пока летописец не приводит числа оставшихся тевтонских войск, вполне вероятно, что Генрих решил атаковать литовцев открыто из-за качества своих войск. Кажется, литовцы не заметили, что за ними следили, и не заметили, что приближались нападавшие. Скорее всего, тевтонский отряд прошел часть ночи, немного отдохнул, а затем преодолел оставшееся расстояние, как только стало достаточно света. Тевтонское войско состояло примерно из 80 рыцарей, «*высших и низших 936, молодых и старых*», а также «множества опытных и проверенных отважных воинов», под командованием Генриха фон Плётцау - «великого полководца», который уже проявился как Маршал и как прусский Магистр. Проблема этого эпизода заключается в том, что летописец опускает, сражались ли тевтонские войска и литовцы 937 верхом, или пешком. Рыцари сражались в пешем строю, когда местность была плохая и заполнена препятствиями 938, и сообщается, что тевтонские рыцари спешили, чтобы сразаться в пешем строю. Тем не менее, поскольку сразу после нарушения литовского строя идет погоня, может быть, что тевтонские войска были конными. Но пока тевтонские силы атаковали строем, им пришлось идти в гору, против укрепленного лагеря, откуда на них сыпались копья и другие метательными снарядами. Неразумно преодолевать оборону верхом на лошади, хотя LRC описал это, а также удачный результат - хотя и подвергая лошадей опасности от метательного оружия 939. Кроме того, было бы труднее

держаться плотным строем 940. Пожалуй, этот эпизод позволяет вспомнить о большем размере лошадей Ордена, и о том, что эффект размера и массы имел часто решающее значение в боевых действиях 941. О литовцах, и о том, как они защищались (видимо, тоже застигнутые врасплох) - упоминаются метательные копья и один контингент русских стрелков, плюс описывается, что *«люди стали из кожи вон лезть, чтобы убежать»* и о то, что христиане *«захватили 2800 лошадей, наездники которых были убиты, сверх тех, которые погибли вместе с язычниками в озерах»*, кажется разумным предположить, что литовцы шли пешком, за своими укреплениями, и в момент отступления бросились на лошадей.

Однако тевтонское нападение было предпринято, были построены формации, и, пока авангард пытался продолжить путь, войска под командованием *«Брата Гюнтера фон Арнштейна вторгся им во фланг, атаковали отряд русских лучников»* – Гюнтер, похоже, был всего лишь рыцарем, а учитывая, что основная масса рыцарей Ордена должна была быть в авангарде, где, как уже говорилось, были размещены элитные силы, вероятно, Гюнтер командовал крылом туземных помощников и вассалов против Литовского фланга. Русские были разбиты и отступили, за ними последовали тевтонские войска. По-видимому, в то же время авангард успешно вклинился в литовские позиции, судя по тому, что знамя Братьев достигло центра оборонительного укрепления. Это заставило литовцев бежать, но их немедленно преследовали христиане, которые *«продолжали бойню и погоню весь день и всю ночь, пока не убили всех литовцев»*.

Была ли это организованная погоня, предпринятая мелкими группами в разных направлениях, или хаотичная погоня, не сказано. Заявление о некоторых утонувших и повесившихся литовцах могло указывать на то, что литовцы были дезорганизованы и не сумели перегруппироваться, предпринимая крайние меры, чувствуя себя загнанными в угол; это также показывает, как война на Балтике приводила к ужасным ситуациям, которые, должно быть, сказались и на рыцарях. Стрелки и пехота среди тевтонов не упоминаются. Представляется, что рыцари были верхом, учитывая, что они следовали за литовцами и напали, казалось бы, врасплох, они, должно быть, двигались быстро и с достаточной осмотрительностью, что предполагает сокращение количества лошадей и заставляет меня полагать, что рыцари ехали на своих боевых конях. Кроме того, успешная атака в гору, удерживая строй, подразумевает хорошую связь между лошадей и всадником.

15 – Более неудачное событие для рыцарей Ордена снова можно найти в CLP 943. Во-первых, упоминаются два маршала. Маловероятно, что они из разных контингентов из разных крепостей, учитывая, что действие приписывалось гарнизону в Кульме. Поскольку должности должны были быть сданы после определенного времени 944 года, возможно, Дитрих, «старый» Маршал, занимал эту должность раньше «нового» маршала Бервина – это согласовалось бы с тем, что Дитрих предложил более

безопасный подход (атаковать в тыл), который был поддержан старшими рыцарями: у этих рыцарей, вероятно, было больше опыта, чем у Берлвина, хотя об их карьере ничего не сказано. Несмотря на разногласия старших рыцарей, решению Берлвина повиновались 945. Хотя указана «христианская армия», упоминание о «Братях и их людях», вероятно, указывает на тевтонских рыцарей, сержантов и, возможно, помощников или вассалов. При атаке пруссы бежали — так как тевтонские рыцари «скакали в атаку в лоб», но летописец не сообщает, были ли эти пруссы были верхом или пешком. Была неорганизованная погоня через сосновый лес («христианское войско было рассеяно»). Во время погони маршал и 24 неуставленных христианина столкнулись с отрядом пруссов, «готовившихся к битве» — возможно, выжившие перегруппировывались, или отдельный отряд, который без колебаний атаковал флаг Ордена и охранявший его небольшой отряд, убив всех, а затем отправившись на поиски других тевтонских рыцарей. Слова «спорадические драки» вероятно, указывает на то, что в лесу произошло несколько различных столкновений. Пруссы и тевтонские рыцари столкнулись друг с другом - этот сценарий подтверждается тем, что десяти выжившим удалось бежать по отдельности. Что касается рыцарей из Торна, то они, по всей видимости, были вызваны Берлвином, чтобы прибыть в указанное время и место, возможно, чтобы помочь после первоначальной лобовой атаки, и хотя они отступили, пруссы все еще преследовали их. Стоит отметить, что прусский лагерь находился относительно близко к замку, и хотя неясно, приближались ли рыцари ночью и ждали рассвета, чтобы сражаться, или они сражались в темноте - ситуация все равно требовала бы некоторой скрытности - опять же, я склонна полагать, что рыцари выехали уже на своих боевых конях. Было описано общее количество войска - 400 человек, сопровождающих неизвестное количество тевтонских рыцарей из Кульма, плюс еще тевтонских рыцарей из Торна с 200 людьми - из них были убиты все братья из Кульма с их 390 людьми, в то время как оставшиеся христианские потери остались неучтенными; что касается пруссов, то только одно войско на холме описано как 4000 человек. Присутствие легкой кавалерии вместе с Орденской тяжелой кавалерией не описано, как и присутствие лучников или арбалетчиков. Решение Берлвина оказалось безрассудным, и то, как тевтонские войска разделились по лесу, чтобы преследовать пруссов, показало их недисциплинированность.

16 — В эпизоде из LRC 946 тевтонские силы и литовцы почти въехали друг в друга, хотя кажется, что пока курши видели литовцев, тевтонские силы оставались незамеченными. Силы Ордена состояли из рыцарей, вспомогательных войск куршей и немцев - то ли крестоносцы, то ли вассалы, непонятно. Количество не описывается, но летописец утверждает, что это была «небольшая армия» против большей литовской силы. Рассказывается, что некоторые из литовцев отдыхали на равнине и что их лошади не были оседланы, а «лучшие их люди» собирались на совет на

поле «на некотором расстоянии от других», таким образом, литовцы разделились. Тевтонское войско напало на тех, кто собрался на совет, и некоторые бежали («кто сумел сесть верхом без седла, тот не стыдился бежать домой») 947, кажется, другим удалось выстроиться в ряды, учитывая, как братья с немецким отрядом атаками прорвал их строй, и, несмотря на то, что язычники перегруппировались, они были убиты куршами. Эти атаки совершались верхом, потому что после противостояния «Братья и их союзники все спешили на траву». Были ли курши также верхом или нет, не сказано. Так как литовцы собрались на совет, или "лежали", а их лошади не были оседланы, они, должно быть, сражались в пешем строю. Нет цифр литовских потерь; с другой стороны, тевтонская армия потерь не имела. В этом эпизоде отряд прорывает вражеские порядки, но поскольку летописец говорит, что «Братья с немецким отрядом прорвали ряды в атаке», заманчиво предположить, что конные войска перегруппировались для новой атаки, хотя направление, в котором пошла новая атака, неясно. Как уже упоминалось, местные вспомогательные силы иногда сражались как легкая кавалерия. 948

Нет упоминания об арбалетчиках или лучниках. Поскольку тевтонские войска не были замечены литовцами, и они воспользовались ситуацией, напав на тех, кто был на поле (учитывая, что летописец говорит, что поле находилось «на некотором расстоянии от других», кажется, что тевтонским силам нужно было перемещаться вокруг литовцев по равнине), для этого требовалась мобильность и скрытность. По этой причине я считаю, что рыцари ездили на своих боевых конях и не имели других ездовых животных.

17- Наконец последний пример с LRC 949. Учитывая, что тевтонские войска преследовали бегущих литовцев, вполне вероятно, что обе стороны состояли из конных воинов. Тевтонские силы были собраны перед Ригой, и, учитывая размер их сил («силы Братьев из Эстонии и из земель латышей были собраны»), литовцы предпочли вернуться на свою землю. Литовцами вновь командовал Намейсис, но пока ландмейстер достиг караулов, впереди знамен шел ландмаршал в погоне за перешедшими через реку литовцами - замечание о падении лошадей указывает на необузданный галоп («все они преследовали с такой неистовостью») 950 – в данном случае по снегу и льду. Погоня заняла все утро, с рассвета до «где-то до полудня», пока маршал не установил визуальный контакт с литовцами и продолжал их преследовать. Тридцать литовцев провалились под лед, но им удалось добраться пешком до берега, оставив своих лошадей - эта группа не преследовалась; с другой стороны, погоня продолжалась за литовцами, которые все еще были верхом, но кажется, что тевтонские силы были рассеяны, учитывая, что группа маршала была отделена от знамени. Некоторые из тевтонского войска отказались от преследования, чтобы спасти литовских лошадей из воды и захватить их себе 951, что, по-видимому, особенно повлияло на группу маршала.

Однако маршал этого не заметил (должно быть, сосредоточился на том, чтобы не выпускать литовцев из поля зрения и не терять из виду), и в итоге отряд состоял всего только из *«пяти Братьев, трех солдат и одного рыцаря»*. Неясно, кто были эти солдаты: они не обозначены ни как туземцы, ни как сержанты, ни как немцы, что затрудняет понимание, были ли это вассалы Ордена или наемники. Переводчики указывают, что рыцарь, «защитник крестоносцев», но, несмотря на воздаваемые ему похвалы, он не назван. Этот рыцарь вынужден был остаться позади, потому что его лошадь была утомлена и не могла сопровождать маршала и его группу **952**. Изолированный и, как таковой, легкая мишень, рыцарь был убит Намесисом (*«литовцы увидели его и выскочили на лед»*).

Это произошло вне поля зрения и слышимости группы маршала (или любой другой тевтонской группы), так как литовцы продолжили бегство и оказались за отрядом маршала. Намесис имел численное превосходство в 30 человек против восьми, он атаковал группу маршала сзади — немцы, кажется, были слишком сосредоточены на своей погоне, таким образом, оставаясь в неведении о том, что за ними следили, пока Намесис не «врезался в них яростно и причинил им большой вред», в результате чего погибли три тевтонских рыцаря и захвачены два оставшихся, один из них маршал. Несмотря на то, что пленники были доставлены в Терветен, говорят, что только маршал Герхард был доставлен к литовскому королю и был принужден драться на дуэли, на которой он погиб. Что случилось с *«тремя солдатами»* и другим рыцарем, захваченным вместе с Герхардом, не сообщается. Вторая группа со знаменами, которые, казалось, преследовали литовцев в другом месте, прибыла туда, где воины задержались, чтобы забрать себе литовских лошадей, и им сказали, что

маршал ушел вперед. Эта группа нашла только тела, и хотя они продолжали следовать за литовцами, они не смогли спасти пленных рыцарей. В этом эпизоде, хотя «армия была быстро организована для преследования язычников», командиры, по-видимому, были безрассудны, а тевтонские войска продемонстрировали недисциплинированность, учитывая, как маршал шел впереди знамен и не обращал внимание на своё окружение, не подозревая, что его сила уменьшилась в размерах и что Намесис ехал за ним; кроме того, некоторые из воинов отстали, чтобы захватить литовских лошадей. Как проходил бой между Намесисом и группой маршала, неясно. Поскольку тевтонские силы преследовали литовцев, рыцари, должно быть, ехали верхом на боевых конях (хотя, вероятно, к месту сбора они ехали тоже верхом). Тот факт, что лошадь светского рыцаря была слишком измучена, чтобы идти за тевтонскими рыцарями, указывает на то, что это была лошадь более низкого качества, что, в свою очередь, подчёркивает важность качества тевтонских рыцарских боевых коней на Балтике: поголовье Ордена (или даже меньшие кони, сопровождающие новые рекрутов) должны были пройти обучение **953**, чтобы выдерживать погони и набеги через лес.

18 — В эпизоде CLP **954**, тевтонские силы выступили против сил герцога Святополка **955**. Ранее сообщалось, что Орден и его союзники возвращались из рейда в Померанию, продолжавшегося «девять дней и ночей». С Орденом был герцог Австрийский и некий Друзигер (сбежавший, когда войска Святополка атаковали), другие австрийские рыцари, герцог Казимир и крестоносец Генрих фон Лихтенштейн - герцог из свиты Казимира летописцем не уточняется, а под «пилигримами» подразумеваются крестоносцы под командованием Генриха фон Лихтенштейна. Святополк преследовал крестоносцев, используя заброшенные лагеря, чтобы следить за продвижением крестоносцев. Сражение было вызвано нападением на повозки крестоносцев. Местные вспомогательные войска (куявцы) имели назначенного лидера, Мартина из Крушвицы, и бежали перед битвой. Было ли еще туземцы среди людей Братьев, не сказано. Поскольку тевтонские рыцари не отступали, Святополк приказал «около 1000» своих рыцарей спешиться со своих боевых коней — для того, чтобы противостоять вражеской кавалерии в пешем строю: он поручил им «кричать и шуметь» (вероятно, чтобы потревожить и людей, и лошадей) и «колоть их копьями коней христиан», что, как уже упоминалось, представляло самую большую проблему для кавалерии против пехоты. Замечание Святополка о весе рыцарского оружия странно, учитывая, что, как было показано, вооружение тевтонских рыцарей не отличалось от вооружения польских рыцарей. **956**.

Возможно, оно указывает на то, что по сравнению с доспехами его людей доспехи крестоносцев были тяжелее, потому что они сражались как тяжелая кавалерия.

Ни расположение противоборствующих сил, ни местность не уточняются, но с учетом того, что добычу перевозили в фургонах, кажется разумным, что это не должно быть густым лесом и болотом. Хотя люди Святополка спешили, Генрих фон Лихтенштейн посоветовал тевтонским рыцарям атаковать («*Не сомневайтесь, это мой совет, потому что любая задержка нанесет вам вред*»). Форей отмечает, что на Балтике орденские рыцари извлекли пользу из местного опыта и знаний Ордена, и могли дать совет относительно условий войны и тактики противника **957** - тем не менее, именно светский рыцарь Генрих фон Лихтенштейн, советуя тевтонским рыцарям немедленно атаковать, что я интерпретирую как попытку помешать лошадям нервничать. Пока исход противостояния был благоприятен для тевтонских рыцарей и их союзников (включая захват боевых коней противника и «*других коней*»), десять лошади были «*заколоты врагом*».

Похоже Орденские рыцари сильно верили в эффективность лобового тарана пехоты, по-видимому, потому, что не было никакой возможности узнать, сломается ли пехота в конце концов или продержится до последнего момента. Наличие легкой кавалерии и стрелков у тевтонских войск не указано, и летописец не говорит, что именно последовало за атакой. В этом набеге использовались повозки с добычей (ранее сказано, что они «*растянулись на две мили*»). Относительно лошадей летописец указывает «*боевых коней и других верховых животных*». Возможно, что, хотя некоторые из лучших мужей Святополка - те, кто спешился **958** - ехали на боевых конях. остальные его войска, туземцы, по своему обычаю, ездили на швайках. По стремительности не кажется правдоподобным, что в армии Святополка были и другие верховые лошади, учитывая, что раньше он заявил, что «*торопился отомстить и вернуть захваченное*». Крестоносцы, из-за мобильности, я полагаю, уже ездили на своих боевых конях.

19 – LRC сообщает о битве, произошедшей около 1244 г. **959** Можно предположить, учитывая ссылку на «*траву*», что это не был зимний поход. Летописец по крайней мере указывает состав тевтонских сил: около пятисот мужчин **960**, в том числе тридцать братьев и местных помощников, куршей. Уже было упомянуто, что рыцарей Ордена было немного, и, хотя Форей называет предоставленное количество, хроники «(...) указывают, что силы, базирующиеся на месте, будь то Братья или другие, часто нуждались в помощи, если нужно было добиться значительных успехов» **961**, этот эпизод о прорыв литовской осады Амботена. Стоит отметить, что литовцев увидел часовой, но не сказано, был он христианином или туземцем, а также что куршские «оракулы» не осуждаются. Бернек из Харена взял знамя (в отличие от предыдущих эпизодов из LRC, где командиры были выборными), что заставляет предположить, что Бернек мог быть «официальным» командиром **962**. Его назидательное замечание о том, что нужно «оставаться под флагом», также указывает на опыт руководителя. Затем тевтонский отряд спрятался в лесу недалеко от Амботена, где и оставался,

скрытно наблюдая за передвижениями литовцев и за тем, как они начали осаду замка. Литовцы построили осадные машины, что соответствует предыдущим заявлениям о том, как туземцы переняли технологию крестоносцев; но также интересно отметить, что во время нападения на замок, «*многие язычники упали с коней на траву*», и что, когда Тевтонские войска пошли в атаку, они рассредоточились по местности, чтобы «*лучше атаковать лошадей врага*». Это указывает на присутствие литовской конницы. Кавалерия могла брать замки, для молниеносных операций хорошо подходили небольшие элитные силы из-за их мобильности 963, а тевтонские силы ждали в лесу. Литовцы, должно быть, были сосредоточены исключительно на осаде, поскольку, напав на них врасплох, рыцари выехали из леса и «*немного разошлись*» для лучшей атаки, что указывает на то, что было достаточно места для формирования тактических фигур 964.

Важное значение придается командам Бернека («остаться под флагом») и тому, как он наводит порядок, следуя за бегущими литовцами со знаменем и запрещая неорганизованную погоню вслед за отступающим противником для предотвращения контратаки - что соответствует тому, что обсуждалось о значении знамен на полях сражений. Преследование убегающих врагов было тяжело, учитывая малочисленность войск и необходимость перегруппировки, плюс нужно было сохранять резервы 965, иначе преследующие рассеянных врагов победители могли бы подвергнуться охоте со стороны нового отряда противника или попасть в засаду 966. Результатом битвы стала победа тевтонов с рядом потерь, которые летописец чуть ли не сбрасывает со счетов по сравнению с литовскими потерями - хотя было указано, что эти цифры, вероятно, ненадежны, но все же это должна была быть удовлетворительная победа. Учитывая, что Тевтонские войска ждали в лесу, я склонна полагать, что, учитывая тесноту пространства, у них с собой были только боевые кони; кроме того, сохранение элемента неожиданности было бы труднее с большим количеством лошадей. Тяжелая конница Ордена, по-видимому, атаковала конных литовцев арьергардом, а поскольку имеется указание на большое количество вспомогательных туземцев, возможно, здесь была легкая кавалерия, смешанная с тяжелой кавалерией Ордена; однако лучники или арбалетчики не упоминаются, и не сообщается, присоединился ли осажденный гарнизон к драке на поле боя.

20 — В походе в Литву, из CLP 967, ландмейстер командовал отрядом из тевтонских рыцарей и еще одной группой, состоящей либо из местных вспомогательных войск, либо из вассалов. Экспедиция вошла в Литву, переправившись через замерзший Мемель, и осадила замок. Осада продолжалась все утро (с непрерывными атаками с раннего утра до полудня»), свирепость, приписываемая осаде, возможно, связана с необходимостью максимально использовать несколько доступных часов дневного света. Летописец отмечает, что многие литовцы «*были расстреляны или тяжело ранены*», что указывает на наличие -

предположительно - арбалетов в тевтонских войсках. Как было сказано, введение крестоносцами арбалета на Балтике дало первоначальное преимущество, и при Ордене арбалет был «(...) «повседневным» оружием не только братья Ордена, но и его слуг, местных бюргеров и простых воинов», как видно из описи оружейных складов и в указах о сборах 968.

Арбалеты использовались на полях сражений (тяжелые типы для пехоты и легкие типы для конных войск), на охоте, в засадах и на укреплениях 969, в соответствии с западноевропейской традицией у Ордена, основными элементами были бронекавалерия и арбалетчики 970. Поскольку не было эквивалента английскому длинному луку на Балтике 971, орденские арбалеты оставались доминирующим дальнобойным оружием во время крестовых походов и конфликтов с Польшей, также и для осад, либо для походов 972. Летописец также отмечает, что многие христиане были ранены, но не уточняет, были ли они ранены стрелами или копьями. В конце концов, тевтонские войска захватили замок и уничтожили его вместо того, чтобы захватить, согласно обычному способу ведения войны в этом регионе. После этого «*магистр послал отряд из армии, чтобы совершить набег на всю территорию и опустошить ее*», что показывает хороший пример того, что было сказано о пригодности кавалерии для такого рода высококомбинированных операций. Затем эта меньшая группа вернулась со своим трофеем к основным силам, предположительно находившимся все еще в замке, поскольку новое местонахождение не указано, и все силы вернулись в Пруссию. Продолжительность похода не сообщается, но, кажется, что разрушение замка и набег на окрестности заняли целый день. Хотя количество войск не предоставлено, потери были описаны как четыре рыцаря и неуказанный «мужчина», который провалился под лед, когда ехал в полной броне, и утонул. Этот момент укрепляет мои убеждения в том, что на Балтике рыцари передвигались в доспехах. Ничего не сказано о том, что случилось с его лошадью. Наконец, эпизод, где рыцари возвращались к стрелкам, вероятно, арбалетчикам.

При нападении или обороне крепости рыцари в основном шли пешком 973, но летописец не сказал, спешили рыцари или нет. Пехота не упоминается, как и легкая кавалерия, хотя кажется разумным предположить, что отряд, отправленный в рейд, мог быть легкой кавалерией. Что касается мобильности, необходимой для экспедиции, с пехотой или без нее, я считаю, что рыцари ехали на своих боевых конях; кроме того, рыцари ехали полностью в доспехах, в ожидании боя, что на дорожном (неподготовленном к бою) коне делать не имело смысла.

21 - В другом примере из LRC, в конце 1270-х гг 974, эпизод показывает Тевтонский отряд под командованием Фогта из Гольдингена, состоящий из четырех рыцарей из гарнизона и куршских вспомогательных войск, конных и пеших. И снова командир и его войска посоветовались до того, как были предприняты действия. Тевтонские силы продвинулись к Доблену «*трудными тропами и через густые леса*», им также пришлось пересечь

несколько рек. В соответствии с тем, что было сказано ранее о перевозке провизии во время рейдов, «каждый нес свою провизию на спине». Помимо необходимости преодолевать естественные препятствия, тевтонские силы также должны были одолеть баррикаду, чтобы войти в Земгалию. Когда баррикада была преодолена, Иоганн приказал оставить там провизию, что могло свидетельствовать, что Доблен был недалеко и что он не собирался идти дальше в Земгалию, иначе он не приказал бы своим людям оставить «всю свою провизию здесь» — нужно иметь в виду уже упомянутые эпизоды из CLP, когда вся провизия была оставлена в тайниках и экспедиции, вернувшиеся из рейдов, ничего не нашли. Целью Фогта было побеспокоить Доблен, и для этого он взял с собой пятьдесят человек (по-видимому, 49 куршей и один тевтонский рыцарь) и пошёл вперед. Возможно, эта группа была конной. Когда Тевтонский отряд напал на замок, земгалы вышли на поле для боя с ними.

Несмотря на то, что группа нападавших была в меньшинстве, она все же атаковала земгалов и «вынудила их отступить назад в укрепление». Это еще один пример того, как отважные воины могли увлечься, и действительно мужество Иоганна «увлекло и его», и когда он прорвался через проходы в укреплениях далеко впереди куршских войск, он был замечен земгалами и подвергся нападению. Учитывая, что Иоганн получил «удар по шлему и он упал во прах», вполне вероятно, что земгал, напавший на него, был того же уровня как он - они либо оба были верхом, либо оба были пешими. Рыцарь, который сопровождал Иоганна - неясно, был ли он заражен мужеством Иоганна, или он просто прибыл быстрее, чем курши, потому что он был на коне, а они шли пешком, слез с коня и помог своему командиру **975**

Кажется, что сразу после этого остальная группа защитников и оставшаяся армия прибыли и им удалось удержать земгалов, пока эвакуировали Фогта. Затем действие переместилось к главным воротам, «где перебрасывались копьями взад и вперед до полудня». Фогт больше не упоминался, так что, возможно, он был выведен из строя. Далее летописец сообщает, что «некоторые из христиан были убиты, но армия Фогта взяла верх. Некоторые из «куршей» были ранены, но «Братья, которые шли в Доблен с Фогтом, не пострадали». Упоминание неустановленных христиан в конце эпизода странно: они не немцы (крестоносцы) и не вассалы, ни сержанты, и даже не кнехты. Про местных жителей всегда упоминается их племенная принадлежность. Возможно, это были наемники, хотя они обычно назывались «гостями» (по крайней мере, в переписке Ордена XV в.) **976**. кто бы эти христиане не были, похоже, они были единственными жертвами среди тевтонских войск. Хоть и был бой, но тевтонские войска многого не добились: замок остался стоять, гарнизон не погиб, о добыче не сообщается. После нападения на замок, тевтонские войска приготовились к возвращению: раненых положили на носилки, но Фогт был достаточно здоров, чтобы ездить верхом; войска были организованы «упорядоченно», скорее всего в эскадронах, упомянутых в статутах,

арьергард был сформирован - как уже упоминалось, арьергард держался на некотором расстоянии от основных сил и то были элитные воины и командир. Однако, учитывая, что Фогт был оперативным командиром, и что его предупредили о земгальском нападении на арьергард, он, скорее всего, находился во главе войск.

Этой земгальской атакой руководил Намейсис: поскольку он не упоминался в атаке на Доблен, можно предположить, что он пришел из Терветена (другого замка) в Доблен, когда Тевтонские войска уже возвращались в Гольдинген. Намейсис остановился у Доблена, чтобы собрать больше людей, а затем отправиться в погоню за тевтонскими войсками с конным и пешим войском. Непонятно, как произошло нападение на тевтонский арьергард, но поскольку было время предупредить Фогта и войскам спешиться, построиться и отвести лошадей **977**, кажется, был установлен визуальный контакт. Что еще больше подтверждает эту версию, так это то, что, когда земгалы «прошли через лес» и обнаружили, что тевтонские силы ждут, конные земгалы успели спешиться и продолжать наступать на своих противников. Говорят, что битва произошла «*среди прекрасных полей и лесов, у стены замка под названием Баботен, который был давно сожжен*». Нет описания для диспозиции тевтонского войска, но поскольку рыцарей было всего четыре, а остальные войска были вспомогательными войсками Куршей, учитывая, что Иоганн «выстроил свою армию строем против врага», и потому что командиры пытались защитить свои фланги, тщательно выбирая местность **978**, возможно, он пытался защитить фланг крепостной стеной. Сообщается, что Фогт бросился впереди своих войск, которые затем «атаковали как один человек», в плотном строю. В конце концов земгалы бежали, оставив пятьдесят мертвых. Тогда Фогт вернулся к пехоте, и также приказал конным воинам спешиться, чтобы сражаться в пешем строю. О стрелках не было сказано. Что касается лошадей, то рыцари, скорее всего, ездили на своих боевых конях, а конные Курши ездили на своих универсальных туземных лошадях. Труднопроходимая местность требовала уменьшенное количество лошадей, чтобы ими было легче управлять. Замечание о каждом человеке, несшем собственную провизию, указывает на отсутствие в экспедиции вьючных животных. Что касается носилок, если мужчины несли свою провизию, то они не могли быть перегружены сложными материалами, поэтому эти носилки, должно быть, были сделаны на месте из подручных материалов.

И последний пример из LRC **979**, в этом эпизоде снова фигурирует Иоганн, исполняющий обязанности полевого командира, в то время как комтур Голдингена, также присутствующий в экспедиции, был верховным главнокомандующим. Тевтонская армия составлена из «Братьев и большого количества оруженосцев, прибывших с ними», плюс вспомогательные отряды куршей. Цифры не даны. Тевтонские рыцари сначала собрались в Гольдингене, потом встретились с куршами в условленном месте. Оттуда они все отправились в Дублин, снова проехав

через трудные местности («много плохих дорог, болот и лесов»). Летописец не говорит, как долго Тевтонские войска были в пути, но было уже «близко к рассвету, когда они прошли последний лес» и атака была начата немедленно 980. Некоторые воины - курши и тевтонские рыцари - были выбраны для того, чтобы идти с Иоганном к Доблину. Эта группа оставила своих лошадей и прокралась до предместий Доблина, где они «разбудили многих спящих, которые больше никогда не произнесут ни звука» - земгалы, которым не удалось добраться до замка, либо были убиты, либо взяты в плен. Затем внешние постройки были подожжены, и командир, ожидавший в лесу, подошел с основными тевтонскими силами - возможно, он ждал, чтобы увидеть, будет ли их развертывание необходимо, и что присоединение к меньшей группе действовало как удерживающая тактика против земгальской контратаки. Группа Иоганна вернулась к лошадям, добычу разделили, и тевтонские войска вернулись в Гольдинген с пленными, лошадьми и пойманным рогатым скотом. В очередной раз этот эпизод дал пример рыцарей, сражающихся в пешем строю. Описаны резервные войска, но в данном случае они не действовали. Не сообщается, были ли среди них пехотинцы или стрелки.

Учитывая, что для передвижения по пересеченной местности требовалась мобильность в темноте, плюс необходимость вести захваченных лошадей и при этом сохранять подвижность для уклонения от возможной погони, я считаю, что у рыцарей были с собой только боевые кони.

В этих выдержках из хроник Ордена заметно, что Тевтонская кавалерия на Балтике в основном располагалась в лесных массивах, передвигалась по льду или лесам, и обычно выбиралась из леса, чтобы сеять хаос и тут же спешить домой. Пехота несколько раз появлялась в LRC, тогда как в CLP пехота упоминается во время десантных операций, играя иногда пассивную роль 981, или при осадах. Лучники и арбалетчики упоминаются во время осад в обеих летописях, что очень странно, учитывая наличие в запасах Ордена арбалетов для использования верхом на лошади. Единственное упоминание в CLP о конных арбалетчиках касается контингента, посланного герцогом Австрии: «В то время в Редене жил Брат по имени Рабе, известный своими мудрыми советами и доблестными подвигами. Он дал Братьям такой совет: послать Мествина, сын Святополка, которого они отдали в качестве заложника и в качестве залога мира, немедленно к герцогу Австрийскому, и что они должны действовать решительно, чтобы доставить известие об их положении людям в Германии, Богемии и Польше и везде, где они могли бы ожидать помощи, сообщая о трудностях, с которыми столкнулась Пруссия, а также о том, что вера была бы полностью уничтожена там, если бы Бог не предотвратил этого в ближайшее время, и что было бы их долгом помочь. Когда эта ужасная новость стала широко известна в этих странах, Магистр Поппо пришел сразу с четырьмя Братьями. Кроме того, шесть сильных

Братьев быстро прибыли из Мейсена и из Марки и Тюрингии. Герцог Австрийский тоже сделал свой добродетельный вклад. Он послал 30 конных арбалетчиков за свой счет» 982. Деяния этих арбалетчиков остались незафиксированными, как и подробности того, как именно арбалет использовался верхом на лошади и каков был связанный с этим стиль верховой езды. Сообщается, что рыцари использовали их пешком во время осады 983, но ничего слишком подробного. Установлено - арбалетчики прикрывали наступающие войска; при контакте с врагами, несущими мечи и копья, арбалетчик должен уметь сочетать меч и арбалет 984. Это оставляет много вопросов относительно поведения лошади: была ли лошадь неподвижна? были ли поводья свободны?, были ли поводья в одной руке, как это иногда изображается в искусстве? как носился арбалет и осуществлялась перезарядка? Замечательный баланс и искусство верховой езды, должно быть, требуется, чтобы оставаться в седле, драться и управлять движущейся лошадью одними ногами 985.

Битвой при Танненберге 986 этот анализ тевтонской кавалерии на Балтике я завершаю к концу XIII-XIV вв. Мне удалось найти переведенный отрывок из хроники Длугоша 987 онлайн, но учитывая размер отрывка и тот факт, что есть разные исследования о битве, я решила внести в основной текст лишь несколько избранных моментов, которые я считала достаточными, чтобы проиллюстрировать бой и иметь достаточно контраста с предыдущим операцией, предпринятыми тевтонской кавалерией. Для начала следует отметить, что Витовт смог привести свои войска на соединение Ягайлой, потому что торговые пути требовали наличия путей сообщения; тем не менее при вступлении в Пруссию польско-литовская армия столкнулась с остатками Пустоши: в то время как Орден основывал поселения и строил дороги, здесь они были узкими и извилистыми, потому что множество холмов и болот делали невозможным проложить дороги прямо, и легко было заблудиться в лесу 988. Там колонны снабжения и повозки были задействованы в масштабе большем, чем великий тевтонский Магистр Ульрих фон Юнгинген и польский король - Ягайла – привыкли 989. Войны на Балтике в 15 веке по-прежнему имели трудности при передвижении больших сил с обозом. Более того, по словам Урбана, обоим полководцам удалось объединить свои армии без серьезных проблем; обе войска были хорошо снабжены, готовы к бою и уверены в себе; командиры знали своих противников и были знакомы с местностью и погодой, а также владели новейшими технологиями 990.

Битва известна под разными названиями, что является следствием развертывания противоборствующих сил. Тернбулл утверждает, что Длугош разместил место битвы на поле между селениями Грюнвальд и Танненберг, а по Тернбуллу общее положение битвы

«(...) легко определить», учитывая, что «Современный мемориал находится почти в центре неправильного треугольника, образованного небольшими деревнями Лодвигово (Людвигсдорф), Стебарк (Танненберг) и

Грюнвальд»⁹⁹¹; с другой стороны, продолжатель хроники Позильге ⁹⁹² упомянул Танненберг, потому что развертывание тевтонских войск прошло у Танненберга, а не Грюнвальда ⁹⁹³. Согласно Тернбуллу, Орденская и польско-литовская армии были развернуты по оси северо-восток-юго-запад: углубление в местности, вероятно, упомянутая Длугошем долина, шла по современной дороге Танненберг-Лодвигово - дороге, которая почти видна с мемориала, для Тернбулла это отметка линии фронта битвы; командный пункт Ягайлы находился на небольшой конической возвышенности почти на таком же расстоянии к юго-востоку от современной дороги, поскольку мемориал находится на северо-западе; эта позиция была занята утром в день битвы, когда польско-литовская армия отошла от своего лагеря примерно на милю недалеко от Ульново ⁹⁹⁴. Однако недавние археологические изыскания с металлоискателями определили, что большая часть боевых действий происходила к югу и востоку от Грюнфельде (польск. Грюнвальд), тем самым доказывая ошибочность ранее бесспорного тезиса прусского исследователя Йоханнеса Фойгта (1836 г.) о том, как основное поле боя располагалось к югу и востоку от деревни Танненберг (польск. Stębark) – обе деревни находятся примерно в трех километрах друг от друга ⁹⁹⁵.

Поле битвы было неровным и лесистым, усеянным небольшими прудами и болотами; к северо-западу, между Грюнвальдом и Танненбергом, находился участок заболоченной местности - район на польской стороне современной дороги, известный как «долина великого ручья», через которую ручей бежал на север к реке Марозке ⁹⁹⁶. В отрывке, к которому я имела доступ, Длугош относит упоминание леса и заболоченной местности к более позднему моменту повествования - погоне за бегущими тевтонскими войсками - вместо этого он начинает с рассказа о том, что две силы встретились в долине, где посреди дороги стояли шесть дубов; Тевтонские войска спустились с возвышенности, и две силы столкнулись вокруг дубов ⁹⁹⁷.

Нет уверенности в количестве войск: примерно в середине июня у Ягайлы была армия из более 30 000 кавалерии и пехоты (18 000 польских рыцарей и оруженосцев ⁹⁹⁸, и несколько тысяч пехоты; некоторое количество богемских и моравских наемников; 11 000 литовцев/русских/татарской кавалерии ⁹⁹⁹; молдавский контингент; некоторое количество жемайтійцев), в то время как Ульрих обладал силой, возможно, 20 000: в Пруссии он собрал всего около 10 000 всадников ¹⁰⁰⁰, с остальными войсками в составе крестоносцев и наемников - например, Сигизмунд Венгерский послал двух дворян с 200 рыцарями, а Вацлав Богемский позволил Ульриху нанять богемских наемников ¹⁰⁰¹. Организация войск известна более точно. Польская армия была организована в «знаменах» - подразделениях, состоящих из от 50 до 120 «копий», состоящих из двух-пяти человек каждое - учитывая, что размер «копья» варьировался в зависимости от личного достатка рыцаря; для того,

чтобы уравнивать мощь разных знамён, небольшие подразделения объединялись или дополнялись по воле польского короля 1002.

Польско-литовская армия была больше на треть, тогда как Ульрих имел преимущество в снаряжении, организации и наличии поблизости крепостей для пополнения запасов 1003. Организация Ордена была похожа на польскую, учитывая, что рыцари были организованы в знамена 1004, состоящие из копий (обычно один рыцарь и семь вооружённых сопровождающих, обычно большинство из них - арбалетчики); главные знамена были выставлены «Комтуриями» Ордена - знамя комтурии составляли рыцари монастыря и рыцари из административного района, подчиненного «Комтуру» 1005. Многие имели опыт набегов и осад, но немногие имели опыт генеральных сражений, хотя, может быть, некоторые крестоносцы имели опыт из Никополя (1396 г.); с литовской стороны, возможно, некоторые имели опыт неудачного похода Витовта на Ворсклу (1399 г.) 1006. Ягайла (Владислав Ягелло по-польски) был верховным главнокомандующим польско-литовской армии: элита польской кавалерии сражалась под Великим знаменем Кракова, но были и другие знамена, например, у чешских наемников (Знамя Святого Георгия), знамя Гневоша Далевецкого, нанявшего чешских наемников (сражавшихся под его знаменем), и Знамя Гонча, выбранное для открытия битвы; у каждого знамени были свои трубачи для подачи сигналов 1007. Ягайла привлек больше рыцарей с севера, чем с юга, хотя южные рыцари уже служили с ним в походах в Галицию и Сандомир - впрочем, даже если бы Ягайла мог призвать больше рыцарей, он не смог бы обеспечить их, и у него не было бы места для них 1008.

Несмотря на то, что Ягайло был королем и верховным главнокомандующим, его двоюродный брат Витовт, был более активен на поле боя. Витовт разделил литовцев на знамена, приказал каждому отряду охранять свой флаг и подчиняться лидеру, а менее вооруженным всадникам быть в центре каждого знамени 1009. Он вел 40 знамен, в том числе русских и татар, и хоть там был отдельный контингент под тремя знамёнами Смоленска и другой отряд татар из Золотой Орды, все они были под его командованием 1010.

Некоторые из командиров Ягайлы и Витовта раньше служили вместе в походах против татар или крестоносцев, однако польско-литовское войско было настолько разнообразным, что поддерживать сплоченность было сложно; и хотя у Ульриха было много светских рыцарей и крестоносцев, склонных к панике или к азарту, у него были и рыцари, привыкшие к дисциплине и к бою в отрядах - кроме того, он был в обороне, мог отступить на подготовленные позиции и лучше ориентироваться на местности 1011.

Неизвестно, как эти две силы были развернуты, но по Тернбуллу польско-литовские войска расположились перед командным пунктом Ягайлы на холме в три клина, строями в 20 и более человек в глубину: поляки слева, литовцы справа, с чешскими наемниками между ними; формирование растянулось от Людвигсдорфа с юга до современной дороги

на севере **1012**. «Переосмысление Битвы при Танненберге еще продолжается и сегодня историками. Хотя очертания боя очень четкие, немецкие, польские и литовские историки расходятся во мнениях относительно различных действий, которые произошли во время битвы (...)», хотя есть согласие, что крестоносцы были помещены слева, выступая против литовцев, может быть, потому, что они охотнее воевали против татар, или, по словам Урбана, «(...) именно потому, что это была самая удобная позиция (...)»; рыцари Ордена были в центре и справа, противостоя полякам и их наемникам **1013**, хотя Тернбулл отмечает, что тевтонские рыцари также были развернуты против литовцев **1014**. Это разумное замечание, учитывая, что тевтонские рыцари были знакомы с литовцами и их способом ведения боя, но это не объясняет более поздние события. Тернбулл также утверждает, что войска Ордена были развернуты на направлении юго-запад-северо-восток, вероятно, с левым флангом у деревни Танненберг, и что командный пункт Великого Магистра вероятно, находился на месте, занятом сегодня мемориалом, с арьергардом и лагерем повозок, стоящих вокруг поселка Грюнвальд у современной дороги **1015**. По-видимому, польско-литовские войска не предприняли никаких мер предосторожности против внезапного нападения **1016**, но это тевтонское преимущество не было использовано, хотя польско-литовская армия была истощена из-за бессонной ночи (люди, мокрые от раннего дождя, голодные и, вероятно, нервные). Стоя в боевой готовности часами, без еды и питья, пока противник не оказался готов; за это время были вырыты ямы, чтобы остановить польскую атаку, но и они были потрачены впустую, когда войска Ордена отошли **1017**; кроме того, расположение артиллерии Ордена было неэффективно, пехота Ордена размещалась там, где ей трудно было обеспечить помощь рыцарям, день был аномально жаркий и люди не привыкли к жаре, Урбан считает, что Орден мог бы одержать победу, если бы противник напал первым **1018**. По всему полю польские силы организовывал Зындрам из Машковиц, в то время как Витовт разворачивал литовские силы: к бою был готов только польский авангард, другие рыцари были все еще в своих палатках, некоторые повозки с войсками, были все еще на дороге из Гильгенбурга – ранняя атака Ордена посеяла бы хаос, но Орден оставался на позиции, поскольку, по словам Тернбулла, Орден, по-видимому, считал ловушкой лесисто-холмистую польско-литовскую позицию **1019**.

Согласно Длугошу **1020**, тевтонские войска послали Ягайле два обнаженных меча для начала военных действий; в то время как эмиссары были приняты Ягайлой, тевтонские силы перестроились на поле, отступив «(...) в гораздо более обширное поле, чтобы доказать делом правдивость тайных приказов, отданных глашатаям». В это время, Витовт занимался подготовкой польско-литовских войск к бою, пока битва началась под звуки труб и пения **1021** – и хотя летописец приписывает большую готовность полякам, именно литовцы Витовта первыми пошли в бой. Бой начался около

девяти утра, после того как тевтонские войска были в боевом строю в течение трех часов, «(...) кипели на солнце (...)» в своих доспехах, и именно передислокация первых рядов Ордена послужила толчком к началу битвы (Витовт был в правом фланге 1022: «В то время как поляки продвигались в достаточно дисциплинированном порядке, распевая свой гимн, литовцы бросились в бешенстве и рассеяли легковооруженные подразделения напротив них. Затем противоборствующие силы бились друг с другом около часа. Помимо этого, в различных отчетах мало согласия» 1023).

В отчете Длугоша 1024 арбалетчики не упоминаются 1025. Упоминается только тевтонская артиллерия и ее малоэффективность. Говорится, что первыми в бой пошли литовцы, но против кого, не сказано - только чуть дальше в рассказе указано, что «Тем временем тевтонская армия, которая бросились в погоню за бегущими литовцами и русинами 1026, считая себя победившей, направлялась к прусскому лагерю, ведя за собой толпу пленников».

Кавалерия сломала копья при первом столкновении, и хотя Новаковский упомянул, что сулицы использовались Орденом, он также упомянул пики при Танненберге, поэтому, возможно, здесь более точное слово будут «копья»; кроме того, «они менялись местами или продвигались только тогда, когда победитель брал место побежденных, повергнув или убив врага», и, как было сказано раньше, копья использовались, чтобы сбросить противника с лошади 1027.

После того, как копья сломались и рыцари сошлись врукопашную, бой продолжился мечами и топорами — опять же, Новаковский упомянул, что Орден использовал топоры, возможно, из-за прусского влияния 1028. Летописец неоднократно подкрепляет образ скученности рыцарей на переполненном поле боя, где нет места для маневра или свободного боя («лошади толкались и теснились, сражались только мечами и топорами»), что, по-видимому, является схваткой один на один с противником 1029. После неустановленного времени боя, литовцы, как сообщается, были вынуждены отступить с поле боя. Шел дождь, который, в сочетании с упомянутым Урбаном жарой, должен был заставлял воздух увлажняется, затрудняя дыхание и, вероятно, вызывая дискомфорт у тех, у кого были старые травмы. Момент паузы не упоминается, но учитывая, что Длугош заявляет, что «между польской и прусской армиями во многих районах вновь разгорелись ожесточенные бои», склонна полагать, что обе стороны должны были сделать короткий перерыв, чтобы перевести дух. Отступление литовцев, похоже, стало поворотным моментом в битве. Позильге, называющий литовцев язычниками («*du heydinschaft*»), утверждает: они первыми пошли в бой только для того, чтобы быть прогнаны милостью Божией, но что тогда поляки пришли им на помощь, и завязалась большая битва; другой источник, летопись монаха Сен-Дени, ссылается на сообщение курьера от друга Ордена Сигизмунда Люксембургского, королю

Франции осенью 1410 года, заявляющее, что «сарацины» принужденны были бежать, но затем завязалась битва; наконец, польская «Cronica conflictus» сообщает, что после часа тяжелых боев, литовцы были вынуждены отступить, и их преследовали Тевтонские войска, которые думали, что они победили, и поэтому оставили свои знамена, в итоге они были отрезаны проникшими сбоку польскими войсками, и были либо убиты, либо взяты в плен, когда пытались вернуться под свои знамена. Оставшиеся столкнулись с польскими войсками и последовал ожесточенный бой 1030. Словом, один летописец обвиняет литовцев в бегстве, но другой – и, по-видимому, сам Орден – нет. Что касается Урбана, немецкая историография согласна с Длугошем возможно, из-за приписываемой частичной победы над язычниками; Польская историография подчеркивает полководческое мастерство Ягайлы и готовность к бою («(...) согласно польским патриотическим ученым, польский интеллект, мужество, храбрость и самопожертвование победили»);

Литовская историография не согласна с Длугошем, настаивая на том, что литовцы выполнили тактический маневр и приная заслугу Витовта, лично принимавшего участие в бою в отличие от Ягайлы 1031. Экдаль, настаивающий, что литовцы, а среди них русские и татары, совершили притворное бегство, тем самым заманив рыцарей Ордена в погоню за ними и создав брешь, через которую польские войска проникли и разгромили левое крыло Ордена, приводит еще одну летопись, Быховскую летопись (начало 16 века), которая опирается на информацию от литовцев: «В ней говорится, что Витовт просил Ягайлу помочь литовцам польскими войсками в этой решающей фазе битвы, что указывает на то, что между ними было заключено тактическое соглашение» 1032.

С уходом литовских войск возникает проблема возможности выполнения этого. Похоже, что отступление было осуществлено всей литовской армией, а не одним подразделением;

было уже ближе к вечеру, когда произошла контратака из-за возвращения литовцев, результатом отступления стала раздробленность польско-литовского правого крыла и, видимо, повсеместная паника 1033. Это не похоже на правильный маневр.

По поводу боевой готовности Ордена, хотя были и мелкомасштабная война в Жемайтии, и кампания на Готланде и вторжение в 1409 г. в Польшу, между Орденом и Литвой не было крупной битвы сорок лет и между Орденом и Польшей - почти восемьдесят лет; напротив, литовцы были более опытны в бою, но в открытой войне в степи и в русских лесах – на маленьких лошадях и в более легких восточных доспехах, они не были экипированы для борьбы с рыцарями на более тяжелых лошадях, в то время как польские рыцари были лучше приспособлены для борьбы с немцами, но у них не хватало уверенности воевать против орденских рыцарей 1034.

По Тернбуллу, литовская армия состояла из легкой кавалерии 1035 г. и носила восточную броню 1036. Однако, как упоминалось ранее, Бирманн

утверждает, что из-за контакта с Орденом некоторые элементы литовской кавалерии не отличались от западноевропейской кавалерии **1037**. В течение 14 века литовские войска стали более похожими на войска Европы - но расширение на восток привело к сильному восточному влиянию на кавалерийское вооружение и броню. Длугош не описывает литовские силы. Наверное, следует считать, что оба варианта вооружения присутствовали в войсках Витовта. В подтверждение своего мнения о тактике литовцев Экдаль представил письмо, которое он нашел в архивах Ордена (битва именуется в синхронных источниках Великой битвой) **1039**: Экдаль утверждает, что автором письма был командир в Шлохау, который повелел писцу написать письмо для иностранного друга Ордена - письмо в итоге было отправлено Великому Магистру в виде приложения к другому письму **1040**. Дан совет: «Может случиться так, что ваши враги преднамеренно позволят одно или два знамени отступить или бежать: это бывает сделано нарочно, ибо они надеются нарушить ваш боевой порядок таким образом, потому что люди обычно любят преследовать, как было в Великой битве» **1041**. Из-за ухода литовцев большая часть орденских союзников-крестоносцев рассеялись за литовцами, чтобы преследовать или грабить польско-литовский обоз, они были захвачены или убиты, когда позже попытались вернуться на территорию Ордена **1042**. Но, поскольку Орден был так хорошо осведомлен о тактике своих врагов, почему Ульрих или его командиры не сообщили этого крестоносцам на левом фланге? Или они предупредили, но все же крестоносцы слишком увлеклись? **1043**.

Длугош **1044** описывает, что орденские и польские силы столкнулись после ухода литовцев с поля боя, и что польский штандарт был на некоторое время опущен. Кажется, это момент, когда те, кто уехал после возвращения литовцев, поняли, что битва еще продолжается, и присоединился к драке. Несмотря на трудности, тевтонские войска выстояли. Однако тевтонский строй ломался, потому, что Ягайла заметил, что они «разбиты и потерпели поражение во многих местах». В этот момент были развернуты шестнадцать резервных подразделений и направлены – по-видимому – к позиции Ягайло. Ягайло не мог быть поддержан своими рыцарями, учитывая, что все участвовали в битве, или собирались вступить в бой, и поэтому маленький штандарт Ягайлы был спрятан.

Тем не менее немецкий рыцарь из свежих шестнадцати полков Дипольд заметил Ягайлу и бросил свои ряды, чтобы напасть на него, но безуспешно; наоборот, он был сбит и убит (охраной короля - прим. пер). Смерть Дипольда, похоже, вызвала переориентацию войска справа, под командованием тевтонского рыцаря, использующего визуальные эффекты (жесты оружием) и звуковые сигналы ("Herum **1045**"). Среди польских войск наступило замешательство, вызванное наличием у тевтонов литовских легких копий (sulice (сулица)) - сомнения развеял предприимчивый польский рыцарь, спровоцировавший тевтонского полководца выйти из строя. Это был последний момент битвы, когда Польские силы

сосредоточились на шестнадцати знаменах, среди которых был Ульрих фон Юнгинген и высокопоставленные офицеры Ордена — и в итоге победил их.

В трактовке битвы Тернбуллом и Урбаном есть несколько дополнительных моментов. Казалось бы, все польские войска заняты в центре, Ульрих взял шестнадцать рыцарских знамен в битву — здесь Тернбулл утверждает, что одно знамя было составлено выжившими после литовской контратаки, а остальные пятнадцать были свежими частями: «Эта новая атака была (...) осуществлена почти третью первоначальной силы Ордена и, таким образом, представляла серьезную угрозу для польского короля, войска которого уже были введены в бой» 1046.

Это противоречит утверждениям Длугоша о том, все что шестнадцать знамен были свежими, но, учитывая последовавшую за битвой пропагандистскую войну и предвзятое отношение летописца к литовцам, я признаю, что заставить польскую армию разгромить шестнадцать свежих частей было бы славнее, чем пятнадцать. Далее Тернбулл говорит, что, несмотря на бегство литовцев из правого крыла, смоленские знамена продолжали сражаться, и хотя одно из них было уничтожено, двум другим удалось влиться в подошедшие польские ряды; тем временем остальная часть польской армии вступила в бой, Витовт никогда не покидал поле, что дало ему хорошее представление о том, что происходило, и заставило его отправить срочные сообщения Ягайле, чтобы тот показался войскам, чтобы поднять их боевой дух, в то же время, когда тевтонские рыцари атаковали Польские линии 1047. Командир, показывающий себя войскам, чтобы повысить их боевой дух, имеет смысл, однако это снова идет вразрез с изображением Длугошем обеспокоенных телохранителей, скрывающих и короля, и его штандарт 1048. В связи с этим Урбан отмечает, что Великий Магистр, который, вероятно, должен был отдать приказ об отступлении 1049, приказал своим рыцарям построиться и атаковать небольшой холм, где, как он полагал, находился Ягайла, так как там был королевский флаг и там стояли рыцари в тяжелых доспехах 1050 г. С другой стороны, Тернбулл утверждает: «Тевтонские рыцари явно не были уверены в позиции короля. Телохранители Ягелло поспешили окружить его, и его меньшее знамя было свернуто, чтобы скрыть его местонахождение.»; кроме того, вместо того, чтобы приблизиться к позиции Ягайлы, тевтонские рыцари повернули в сторону центра рукопашной схватки, а их появление из польского тыла привело к предположению, что литовцы вернулись 1051. Это тот момент, о котором упоминалось ранее, о сходстве оружия Ордена с оружием его соседей. Однако литовцы в конце концов все-таки появились. В центре еще шли бои, когда, по Тернбуллу, Витовт послал легкую кавалерию в тыл Ордена 1052, что Урбан интерпретирует как то, что Витовт приводит людей на помощь Ягайле 1053. Атака Ульриха прошла мимо королевских телохранителей, в результате чего он был окружен и убит с несколькими своими лучшими рыцарями 1054; в свою очередь, его падение привело к тому, что остальная кавалерия отступала в беспорядке, что вызвало панику

в немецких рядах - по-видимому, легкая кавалерия из Кульма отступила первой; уничтожив основные силы, польские рыцари преследовали неорганизованное бегство — оно было таким, что последние люди не могли пройти через толпу впереди них, ни сплотиться, чтобы сражаться, поэтому они пытались сдаться или погибали, безуспешно сражаясь; даже крестоносцы, преследовавшие литовцев, попали в плен или были убиты **1055**. Некоторым удалось бежать в сторону прусского лагеря у деревни Грюнвальд, однако, по достижении фургонов, простолюдины восстали против них и убили их **1056**. Наиболее ранняя оценка потерь составила 8000 убитых с каждой стороны - это означало, что половина Орденских воинов погибла, а еще тысячи попали в плен; тем не менее, из них большая часть войск Ордена была убита, причем только светские рыцари и офицеры удерживались с целью получения выкупа: «Ошеломленные выжившие, измученные, раненые и часто без снаряжения, собирались позже в ближайших городах и замках» **1057**. Тернбулл говорит, что почти половина войск Ордена была уничтожена и взяты в плен 14 000 человек; «Soldbuch» указывает, что только 1427 человек (среди них 77 стрелков) за выкуп вернулись в Мариенбург; кроме Вернера фон Теттингена, который бежал, все высшее командование Ордена погибло во время боя или после него, например, было казнено: «Марквард фон Зальцбах, командующий Бранденбурга (Покармин), Генрих Шаумбург Фогт Самбии и Юрге Маршалк, сподвижник Великого Магистра, были казнены по приказу Витовта, за «оскорбительное поведение в плену» **1058**. Потери Ордена были таковы, что оборона не могла быть укомплектована людьми, а выжившие укрывались везде, где им удавалось, часто далеко от назначенных им мест: «Самые высокопоставленные лидеры пали почти поголовно: великий Магистр, Маршал, великий Комтур, Казначей и 200 рыцарей». **1059**

О поражении и потерях Ордена Длугош **1060** рассказывает, что, лишенная командования, прусская армия отступила к колоннам снабжения и лагерю, но польские рыцари бросились в погоню, в результате чего многие из прусской армии были убиты или взяты в плен. Прусский лагерь был разграблен, Ягайла приказал уничтожить винные бочки, чтобы держать своих людей трезвыми и готовыми к бою на случай контратаки. Прусский лагерь располагался на холме, недалеко от небольшого березового леса. Летописец сообщает о свете, отражающемся от доспехов беглецов, «которые носили почти все» — стоит вспомнить замечания Новаковского и Жабинского об элементах пластинчатого доспеха в арсеналах Ордена. Преследование бегущих войск шло по заболоченной местности, и остановилось только к ночи **1061**; так как некоторые группы пытались сопротивляться польским рыцарям, многие были убиты в новых боях или утонули, а другие просто попали в плен. Длугош устанавливает потери Тевтонского ордена в 50 000 плюс 40 000 пленных; кроме того, он упоминает, что было захвачено 51 знамя, вывешенное в вышеупомянутой Бандерии Прутенорум. В то время как летописцы - как видно из предыдущих

отчетов из собственных хроник Ордена - имеют тенденцию увеличивать потери и пропитывать поле боя кровью, замечания Длугоша о трупах на дороге и криках в воздухе кажутся подлинным описанием последствий битвы невиданных масштабов. Несмотря на то, что польско-литовская армия одержала победу, Ягайло не мог позволить себе ринуться в Пруссию: армия понесла большие потери, люди и животные были измотаны не только от боя, но и от преследования немцев по болотам и лесам, и от поиска добычи – татары и нерегулярные отряды рассредоточились по округе, чтобы сеять хаос и мешать организации региональной обороны **1062**. Только через три дня силы Ягайлы двинулись север: он игнорировал возможность брать города и замки, которые можно было легко взять, вместо этого направляясь прямо к Мариенбургу, потому что, если бы он смог взять его, у него была бы хорошая позиция в Пруссии; многие светские рыцари и горожане присягнули ему, а также епископы Эрмландии, Кульма, Помезании и Земландии, заявили о готовности быть польскими подданными, если их права и привилегии будут сохранены; гарнизоны не имели приказов и испытывали сильную нехватку людей; кастеляны Остерода, Кристбург, Эльбинг, Торн и Кульм, пытавшиеся организовать оборону, были изгнаны, поэтому города могли быть сданы **1063**. Однако через восемь недель (с приходом осени начались дожди и болезни в войске - прим.пер.) Ягайла снял осаду с Мариенбурга 19 сентября, и пока армия отступала в Польшу, Генрих фон Плауэн, новый Великий Магистр, приказал преследовать польско-литовскую армию, что привело к возвращению тевтонских владений, захваченных поляками после Танненберга **1064**.

За битвой при Танненберге последовала пропагандистская война. Генрих и Ягайла пытались завоевать расположение других европейских дворов. Польские летописцы делают Ягайлу «*rex iustus*», хотя ему все же приписывают хорошее полководческое искусство: «(...) запоздалое наступление польской армии основывалось на искусной тактике ее руководства. Он решил подождать, пока солнце перестанет быть противником его собственной армии, и ослепит лица неприятелей, т.к. был полдень»; кроме того, Ягайло изображался храбрым человеком, учитывая, что, по словам Длугоша, его нужно было удерживать, чтобы не позволить ему лично вмешаться в драку **1065**. Изменившиеся общественные нормы признали, что командиру предпочтительнее остаться живым и руководить войском вместо того, чтобы вступать в бой за личную славу **1066**, но даже при этом Орденская пропаганда пыталась представить Ягайлу как благочестивого человека, бесполезного для войны **1067**. Так как Польше нужно было воздержаться от представления Ягайлы военачальником из-за назначенной ему должности *rex iustus*, эта роль отводилась (в хронике Длугоша) Витовту, двоюродному брату Ягайлы, который сильно повлиял на историографию **1068**. Орден старался убедить современников в том, что крестовые походы в Пруссию были необходимы больше, чем когда-либо, и что поражение было делом рук дьявола через язычников, раскольников и

сарацинов; тем не менее, Орден не остался невредимым в дипломатической сфере. Великий Магистр был обвинен в том, что он не атаковал польско-литовскую армию сразу, врасплох, и допустил тактические ошибки в развертывании частей армии Ордена и взял на поле боя нескольких старых тевтонских рыцарей, которые погибли в бою и которые были более полезны при защите замков Ордена; кроме того, поляки утверждали, что битва была божественным наказанием Ордену за его высокомерие: «Это было чрезвычайно эффективная пропаганда, хорошо вписывавшаяся в средневековый образ мышления. В католическом богословии, *superbia* (высокомерие) было одним из семи смертных грехов, и передача мечей имела место». 1070. Таким образом, заявление Ордена о том, что это была традиция, а не высокомерие, было отвергнуто (хотя Ульрих был оправдан за «супербию», так как посылавшим два меча был Маршал,)1071. Даже хотя имущество Ордена в конце концов было возвращено по следу отступающей польско-литовской армии, потери в людях, снаряжении и боевых лошадях были серьезными (тем не менее, Орден упорно её преследовал, не нанося 1072) удара.

Хотя в отчете Длугоша о битве арбалетчики не упоминаются, он говорит, что в прусском лагере польские рыцари «(...) нашли повозки, полные сосновых головней, пропитанных жиром и дегтем, а также стрелы, смазанные жиром и дегтем, которыми планировалось преследовать поверженных и убегающих воинов»1073. Кроме того, документы Ордена показывают, что количество арбалетов упало в арсеналах после Танненберга1075, что указывает на потерянное снаряжение и на то, что ресурсы Ордена для изготовления арбалетов и болтов уменьшились. Также было заявлено, что количество боевых коней уменьшилось. Таким образом, уменьшилась и способность Ордена вооружать свои войска и наемников, что стало ударом по орденской экономической и военной мощи, потому что «(...) битва так дорого обошлась Ордену в людях и материалах, что последующие гроссмейстеры никогда больше не могли восстановить власть и престиж, которыми пользовались их предшественники»1076.

Но во время битвы, учитывая уже упомянутые археологические находки, тевтонская конница применяла арбалеты.

Сообщалось, что обе армии использовали наемников1077, и нелогичность присутствия пехоты среди кавалерии прокомментировал Урбан. Вопреки тому, что описано в большинстве хроник Ордена, действия кавалерии в этой битве были ярче. Битва началась с лобовой атаки тяжелой кавалерии Ордена и польских рыцарей; позже обе кавалерии атаковали фланг противника. Можно предположить, что обе армии вернулись к легкой кавалерии, учитывая, что туземцы Пруссии были среди орденских должностных лиц и что не все литовцы действовали как тяжелая кавалерия - кроме того, татарские войска, присутствовавшие среди литовской кавалерии, традиционно были легкой кавалерией. Несмотря на проблемы, указанные Урбаном 1078 в отношении «симулированного отступления»

литовцев, я учитываю письмо, переведенное Экдалем, и поэтому я склонна признать, что это была имитация отступления литовской кавалерии¹⁰⁷⁹. В начале боя рыцари, скорее всего, выстроились в прямоугольники, хотя атака Ульриха приняла форму клина. В атаке Ульриха использовались резервные силы и во время битвы, кажется, была серия независимых боев. Дело в том, что союзники Ордена-крестоносцы на левом крыле покинули ряды, чтобы преследовать литовцев, проявив недисциплинированность¹⁰⁸⁰. Интересно, что Длугош умалчивает о лошадях, которые должны были быть захвачены и найдены в лагере Ордена: я полагаю, что при наблюдении за движениями польско-литовской армии, тевтонские рыцари передвигались верхом на лошадях, отправившись на своих боевых конях в поле боя - должно быть, это было более практично, и они, вероятно, не рассчитывали ждать неподвижно в течение трех часов начала боя. Хотя даже такое широко изученное сражение, как Танненберг, до конца не изучено, оно до сих пор сильно контрастирует с кавалерийскими действиями, примером которых являются хроники Ордена - совершенно очевидно, что использованный источник не был написан тевтонским рыцарем или Тевтонским клириком, а у Танненберга был полевой бой. Тем не менее, наблюдения могут быть сделаны. Самое поразительное отличие - это огромные размеры армий и обозов за обоими (польско-литовский был еще в пути). Коммуникационные маршруты были лучше. Рыцари сражались не в лесу, не над замерзшим Балтийским морем. Это было ни набег на вражескую территорию с целью разграбления и поджога, ни штурм укрепления, рыцари не выезжали, чтобы перехватить вражеский рейдерский отряд, нагруженный добычей. Ульрих и Ягайла следили друг за другом, что позволяло рыцарям ехать верхом на дорожных конях к месту сражения, в то время как их боевых коней вели вручную. Великая битва произошла на открытом и плоском поле. Я полагаю, что это были самые большие изменения, увиденные тевтонской кавалерией на Балтике с 13 по 15 вв. Тем не менее, некоторые элементы остались: небольшое количество братьев-рыцарей и зависимость Ордена от крестоносцев; остатки Пустоши в пейзаже; разбросанные деревья на поле боя, лесистая и болотистая местность; офицеры Ордена гибнут в бою. И рыцари верхом на боевых конях ожидают нападения противника в любой момент. Теперь, когда театр боевых действий Ордена и характер проводимых тевтонскими рыцарями операций были исследованы, я полагаю, что, наконец, можно сделать попытку оценки психологии рыцарей.

5. Травма

Хотя история психологических травм началась еще в XIX веке с т.н. «железнодорожного позвоночника»¹⁰⁸¹, стереотип о том, что психологическая травма началась с первой мировой войны, подразумевает, что искать признаки травмы до этого конфликта бессмысленно, учитывая различия между войнами и отсутствие научного понимания человеческой

психики, а также правильных концепций и диагностики 1082. Поскольку травма и травмирующие процессы являются последствиями, связанными с определенными реалиями, изучение которых в прошлом оспаривает верность современной концепции ПТСР может иметь гораздо более глубокую историю; кроме того, это может также поставить вопрос о том, является ли травма и травмирующее событие применимыми к человеческому опыту независимо от эпохи или культуры, поскольку нельзя предполагать, что в разные времена люди функционировали так же, как сейчас 1083.

Однако, хотя терминология и понимание, безусловно, должны различаться, я считаю, что в нынешнем контексте - средневековые рыцари в военном ордене находились в условиях, которые могли привести к психологической травме:

«Несколько постмодернистских исследователей в области психиатрии писали, что «травма» как диагноз не может быть установлена в прошлом, потому что идея о том, что «человек, подвергшийся насилию, может получить травму и, таким образом, быть признанным жертвой - на самом деле это совсем недавнее идея». К их чести, Дидье Фассен и Ричард Рехтман признают, что травма могла существовать раньше, хоть и под иными названиями, то есть, по их словам, не теми, какие сейчас используется в области психического здоровья, а как «следы, оставленные в психике», которые следует рассматривать как состояние здоровья — скорее, что-то «не так» с человеком, что было бы «подозрительно» в современном мире» 1084.

Это новый и, я считаю, нужный подход. Он не только приносит человечность людям, которые по-прежнему считаются «менее» гуманными, чем их «потомки» 21-го века, но также обеспечивает новые точки зрения, чтобы поставить разные или даже одни и те же вопросы в новом свете: «(...) хотя у нас может не быть таких материалов, как медицинские файлы или видеозаписи свидетельских показаний, которые записывают переживания травмы, это не означает, что мы не можем пытаться задавать вопросы о переживаниях, воспоминаниях, чувствах и том, что эти вещи значили для людей средневековья. В процессе этих вопросов прошлое, которое иногда кажется таким трудным и незнакомым, могло бы стать чуть ближе» 1085.

Два исследователя, которые привлекли мое внимание, — это Хибл-Холлм и Эйкман, впервые применившие термин посттравматическое стрессовое расстройство к средневековым рыцарям, отправившимся в крестовый поход на Святую землю. И последний для интерпретации отрывков CLP как описания эпизодов посттравматического стрессового расстройства. Хотя я не согласна с использованием термина «посттравматическое стрессовое расстройство» и поэтому вместо этого буду использовать более широкий термин «травма» считают работу этих исследователей уместной.

Психологи предполагают, что насилие либо скрыто в генах, либо принесено обучением, и для Хибелля-Хольма восприятие насилия в

Средние века находится между двумя фактами: «Из статистики преступлений и писем о помиловании историки могут видеть, что люди в Средние века были не более жестокими, чем мы сегодня» (...) «Но у них было другое восприятие применения насилия, в том числе со смертельным исходом». «1086 Учитывая частоту конфликта в Средние века, можно предположить, что средневековые умы были более эластичны 1087.

Действительно, тевтонский рыцарь был профессиональным воином, и в среднем он, вероятно, уже имел приличный опыт участия в конфликтах по своей профессии, учитывая большой приток министриалов в Орден и сложную обстановку в Империи. Но потом этот рыцарь оказывался в военном ордене, соблюдая диету, множество правил относительно того, как ему теоретически должно вести себя без развлечений, кроме разрешенной резьбы по дереву и слушания чтения за едой, придерживаясь странного графика сна, навязанного религиозными правилами... И, променяв Империю на Балтику, находясь в зоне боевых действий, где маневрированию мешала суровая погода, густые леса, болота, там, где конфликт был постоянным и жестоким - его действия, с одной стороны:

«вопреки современным представлениям о рыцарской доблести, пограничная война на Балтике была действительно грязная, жестокая и трусливая форма насилия, причинившая значительные страдания сельскому населению по обе стороны границы» 1088.

Жестокость балтийских крестовых походов послужила средством для обеспечения обращения в христианство, хотя хроники Генриха Ливонского и LRC, кажется, считают, что разрушение было целью, которую можно было достичь, если бы обращения не происходило, а убийство и уничтожение могли частично рассматриваться как средство для принятия христианства 1089: «Объяснения деятельности орденов в Балтийском регионе должны учитывать тот факт, что к язычникам в этой области относились иначе, чем к мусульманам в средиземноморских землях. (...) объяснение различного отношения к язычникам и мусульманам, по-видимому, лежит в представлении христиан о враге. Язычники в Центральной и Восточной Европе, по-видимому, считались примитивными и воинственными народами с зачаточной религией. Единственно возможный подход заключался в их обращении, что составляло важную часть цивилизационного процесса, или уничтожении их» 1090.

Проблема в том, сколько рыцарей сражалось из христианского долга 1091, сколько из чистого удовольствия, сколько от нечего делать - и сколько без последствий справились с убийством. Кроме того, Бернард Клервоский различал светских рыцарей «malitia» и святых рыцарей «militia» через нравственное качество рыцарской миссии и его «Сердечных эмоций»: «(...) рыцари Христовы, смело сражайтесь в битвах Господа своего, не боясь согрешить от заклания врага или опасности собственной гибели (...)» 1092. - без такого рода ментальных щитов (и, возможно, даже с ними), служба на Балтике, вероятно, сказывалась на некоторых рыцарях.

С другой стороны, рыцарю также приходилось иметь дело с действиями, совершаемыми против него самого. В целом крестоносцы становились жертвами поношений, потому что «причина была в том, что неудачи в божьей войне, развязанной «по Его приказу», нельзя было приписать Ему, но только, как это было в Ветхом Завете, к недостойности инструментов в Его распоряжении, в данном случае воинов Христовых»¹⁰⁹³, делая крестоносцев виновными в неудачах; но крестоносцы не только страдали от нападков своих современников. На Балтике захваченных литовцами крестоносцев могла ожидать гибель в огне в качестве жертвы языческим богам; заключенных также можно было продать, как, например, в случае, когда литовцы продают поляков русским — если выкупа или обмена не было, пленные бывали обращены в рабство ¹⁰⁹⁵. Пленные тевтонские рыцари также подвергались пыткам перед смертью, как и описано в летописях, и в плену. Учитывая, что от 10% до 90% людей, кто подвергается пыткам в наше время, позже может развиться посттравматическое стрессовое расстройство, а с учетом письменных свидетельств пыток во время крестовых походов, «(...) можно было бы ожидать заметную долю населения, получивших увечья, инвалидность или посттравматическое стрессовое расстройство».¹⁰⁹⁷

Смотреть, как пытаются товарища, и быть не в состоянии что-либо с этим поделаться, должно быть, также наносило урон рыцарю. LRC описывает, как перед смертью пытали рыцаря, как еще один был сожжен заживо и как позже были выкуплены уцелевшие пленные рыцари. Эти рыцари, вероятно, были свидетелями того, что случилось с их погибшими товарищами, и, хотя они были счастливы остаться живыми, они, безусловно, были травмированы на всю жизнь:

«Потеря их лидера также была ударом для семгалов. Они выместили свой гнев на Братьях, взятых в плен в бою. Одного тут же привязали к лошади и замучили его, забив до смерти дубинками. Как только он умер, другой потерял свою жизнь, когда они посадили его на решетку и сожгли (...). Семгалы были довольны исходом и благодарили своих богов за успех в бою. Они взяли оружие и лошадей, стоящих много марок, и вернулись домой со своими пленниками, которых позже выкупили. Таким образом, те, кто выжил, смогли вернуться, радуясь своему счастью спасения от язычников. В стране был великий траур в связи со смертью Магистра Виллекина и всех тех командиров и защитников, которые были в его армии. Общее число Братьев в экспедиции было сорок. Тридцать пять человек погибли. Четверо выжили, но были захвачены в бою. Пятый бежал силой оружия, как я упоминал выше, и с божьей помощью он отомстил за причиненные ему обиды. Позже он неоднократно вел войска против них и разорил их земли, как вы узнаете позже»¹⁰⁹⁸.

Перспектива захвата и рабства, должно быть, не была приятной. Что касается смерти и мученичества, он снова возвращает нас к тому, что было в уме тевтонского рыцаря¹⁰⁹⁹. Несмотря на мою неспособность «добраться

до него», рыцарь, смотрящий в лицо смерти и видящий смерть своих товарищей (или даже его самого), должен был быть в некоторой степени в аффекте. Смерть на Балтике могла быть ужасной. Например, LRC сообщается о единственном выжившем рыцаре, попавшем в плен и принужденном носить с собой отрубленную голову своего полководца, после чего он был казнен - несмотря на исход, этот эпизод, должно быть, беспокоил его все время, пока он был еще жив, судя по тому, как о нем рассказывается - что он сокрушался, что остался только он и что он должен был нести голову: «Тот, кто надеется поразить своего врага, не должен медлить. Сила может сломать стены, и если один хочет выиграть битву, он должен нанести урон своему противнику. Именно это произошло в Вендене. Комтур и его братья вышли в бой в неподходящее время. Он атаковал очень мощную армию всего с пятьюстами человек. К чему было его мужество? Большинство из братьев убили. Только один из них сбежал, чтобы принести домой тревожные новости. Девять братьев погибли в бою и десятому 1100 пришлось нести отрубленную голову своего полководца в Литву. Он жаловался Богу, что другие Братья были убиты, при этом он остался жив и должен был нести голову. Это было навязано ему Ленгевинном, который, поспешив домой, затем убил его, чтобы отомстить за своего брата, которого Магистр убил (...)» 1101.

LRC также сообщает о другом случае захвата рыцарей. Один был казнен, а другой, которого летописец называет молодым, в конце концов был выкуплен.

Этот молодой рыцарь, вероятно, был свидетелем того, что случилось с его товарищем, и, скорее всего, это было трудно забыть: «Сам командир выступил с прекрасным отрядом храбрых сержантов и братьев. Они подошли к замку Кретеинен, и находившиеся внутри были возмущены тем, что кто-то посмел ездить так близко. Немедленно все, как пехотинцы, так и всадники, яростно бросились на Братев. Они сопротивлялись, но сила язычников была для них слишком велика. Что еще мне следует сказать? Там был убит храбрый и благородный герой по имени Вельтемус, а также два других Брата лежали мертвые рядом с ним. Остальные были в тяжелом положении, но Бог на небесах помог им спастись и вернуться в Мемель. Они также потеряли некоторых из своих хороших сержантов. Да хранит Бог их души! два Брата попали в плен, и я расскажу вам, что с ними случилось. Один был командир, и он не выдержал их ненависти. Они подожарили его на решетке. Другой, юноша по имени Конрад Виршинк, впоследствии был выкуплен» 1102.

Ни в том, ни в другом случае мученичество не восхваляется. Напротив, CLP также рассказывает о рыцаре Герхарте, который был схвачен и принесен в жертву огню. Хотя это событие должно было быть направлено на то, чтобы вдохновить рыцарей принять мученичество 1103, называя Герхарта «божьим избранным рыцарем», некоторые рыцари, должно быть, нашли

конец Герхарта тревожным и, вероятно, надеялись, что они встретят другую смерть: «Когда язычники перебили там всех, они взяли в плен брата Герхарта фон Руде, защитника Самбии, заковали его в цепи и жестоко казнили таким образом: они одели его в три доспехах и посадили на коня, привязанного к четырем кольям, по их обычаю, а затем наложили вокруг него столько дров, что они едва могли видеть лошадь и человека, а затем подожгли дрова и сожгли насмерть богоизбранного рыцаря в получившейся печи. Это было сделано как подношение языческим богам за их победу».

Исследование Томаса де Марля, проведенное Хибл-Хольмом, дает соответствующий материал для экстраполяции в контексте Балтийских крестовых походов. Представляя список боевых и связанных с боевыми действиями стрессов, автор рассмотрел следующие, которые напоминают большинство состояний, описанных в средневековых источниках: воздействие жары и холода (постоянное физическое напряжение, изматывающее война), воздействие грязи (враждебные условия, которые раздражают чувства и вызывают спутанность сознания и постоянное раздражение), недосыпание и усталость, шум, запахи и недоедание, потеря друзей (ранение или смерть), чувство страха **1105**, беспомощности, стыда и вины, резня и убийство **1106**. В то время как рыцари, подвергавшиеся этим условиям, не все получали психологическую травму, нельзя исключать возможность ее возникновения.

Следует также иметь в виду для текущего обсуждения, что даже для тех, кто еще не был на Балтике — например, рыцари из Империи до того, как их отправили в монастыри в Ливонии или Пруссии — это место уже имело мрачную репутацию: «Давид Фрейсдорф показал, что в средневековом воображении Север был холодным, темным и негостеприимным местом, которое у современников тесно ассоциировалось со страхом и дьявольскими манипуляциями». **1107**

5.1. Воздействие тепла и холода

Экстремальные погодные условия, особенно холод, описаны в летописях Ордена.

Хотя большая часть боевых действий происходила зимой, сильный холод оказался смертельным для 266 мужчин **1108**. CLP рассказывает о прерванной экспедиции, потому что погода была слишком холодной и армия крестоносцев, присоединившаяся к тевтонским рыцарям, не была готова противостоять холоду: «В год от Рождества Христова 1323 господы Циннерберг и Эгерберг и еще больше паломников из Богемии и Рейнской области были в Пруссии, чтобы там воевать, и хотели воевать с братьями в Литве; но зима была такая суровая, что войску пришлось вернуться: братья боялись, что неверно одетая и непривычная к морозам армия погибнет от холода. Та зима была такой холодной, что плодовые деревья не выдержали морозов. (...) В то же самое время от

холода лед на соленом море был толще, чем кто-либо мог вспомнить, настолько толстый, что можно было проехать по прямой линии от Дании до Любека, расстояние 15 миль, поперек моря». 1109.

LRC, кажется, указывает, что некоторые люди замерзли насмерть во время кампании по перехвату литовских налетчиков: «Таким образом, он ехал многими путями, пока не пришел в Вик, лежащий у моря. Все те, кого он вызвал, присоединился к нему там. Королевские люди пришли со многими гордыми эскадронами, и Епископ Фридрих приехал из Дерпта со всеми, кого мог привести. И вот Магистр привел огромную армию, включая своих людей, в дикое море. Зима была очень холодной, и это дорого обошлось для многих сыновей матери. Языческое войско возвращалось из Озеля после того, как разграбили и сожгли часть земли. Две армии подошли друг к другу на море, пока каждая сторона не заметила другую. Обе армии поняли, что им придется сражаться, и литовцы вытянули свои сани на оборонительную позицию. Лед, покрывавший море, не сломался под огромным весом, возложенным на него обеими армиями. Он был достаточно толстым для всех них». 1110.

В другом случае LRC прямо сообщает, что мужчины замерзли до смерти, и крестоносцы и аборигены, что показывает, что даже балтийские народы не могли порой выдержать сильный холод: «Зима была настолько холодной, что многие мужчины, как христиане, так и язычники, сильно страдали. Многие неустрашимые воины, смелые и выдающиеся люди с обеих сторон, замерзли насмерть». 1111.

5.2. Воздействие грязи

Хотя хроники прямо не упоминают о рыцарях, ползающих по грязи, что говорит о дискомфорте путешествий по лесу и о том, как побежденные рыцари бегут через леса, а также и LRC сообщает, что рыцарям пришлось бежать через густой лес, что, должно быть, было неприятным опытом - особенно после того, как пришлось отступить: «Битва закончилась, когда уцелевшие братья, сержанты, самиты и крестоносцы были не в силах больше бороться. Им всем пришлось бежать, спасая свою жизнь, как только могли. Тогда язычники взяли большую добычу. В это время в лесу стояла густая листва, и христиане это заметили. Те, кто стремился спастись от смерти, бежали в лес и узнали, что такое уползти после поражения. Таким образом, армия была побеждена. Я читал, что магистр Буркхардт был магистром в Ливонии четыре с половиной года и не более. Его очень оплакивали, ибо он был редким воином. Он родился в Хорнхаузене». 1112.

LRC также рассказывает о рыцарях, которые идут трудными путями, чтобы добраться до своих целей, а так же, насколько утомительным было путешествие для людей и лошадей; и хотя здесь говорится о грязи, передвигаться в промокшей одежде, должно быть, было неудобно: «Поражение в конюшнях в Риге все еще причиняло им боль, и

тогда когда магистр Виллекин смело сказал: «Я одолею земгалов, или мы все умрем», – это одобрили все братья. Во время преследования врага, они встретили много трудных путей, где не было ни моста, ни переправы, и они часто промокали в ручьях. Они путешествовали на протяжении трех дней и страдали от сильного дискомфорта. Вечером третьего дня армия решила отдохнуть и разбила лагерь в лесу у ручья. Лес был таким густым, что у них не было нужды в коновязях для своих лошадей. Они просто оставили их стоять в лесу. И когда войско собралось, разбила лагерь и разожгли многочисленные костры. В лесу раздались звуки рубки деревьев. Люди устали, лошади тоже, и всем хотелось отдохнуть».

5.3. Депривация сна и усталость

Военные ордена поддерживали монашеский распорядок и шесть молитв в течение дня, а также обучение бою и уход за снаряжением и лошадьми 1114.

Параграф 17 Правил «Как и где должны спать Братья» указывает, что «Все здоровые братья, если это легко устроить, должны спать вместе в одной комнате, если только вышестоящий не прикажет, чтобы некоторые Братья, из-за служебных обязанностей или (...) по другим причинам, спали в другом месте (...)», а также о том, что они должны быть одеты и держать свет в комнате 1115. Хотя не ясно, относится ли это и к рыцарям, или к сержантам, или сержанты спали отдельно, тем не менее это указывает на то, что несколько мужчин спали вместе в одном и том же месте, что могло привести к неблагоприятным обстоятельствам: чутко спящим, возможно, доставлял дискомфорт храп их соседей и свет в комнате, что ухудшало качество сна. Еще серьезный вопрос представлен в Правиле, параграф 8 «Служба и часы». Как они должны прийти и услышать божественное богослужение, в котором говорится, что «Братия, священники и миряне, вместе день и ночь будут приходить на богослужение». (...)» 1116. Религиозные службы ночью означали нарушенный сон: что неприятно само по себе, а в прибалтийскую зиму, наверное, тем более. Между службами у рыцарей были задачи, и им приходилось заботиться о своих лошадях и снаряжении, но мало что сохранилось о военных учениях и учениях в составе отряда в мирное время. Обучение должно было происходить между службами. Тамплиеры следовали графику 1118, который, возможно, не слишком отличался от тевтонского. Как было сказано выше, обучение не могло так сильно отличаться от обучения светских рыцарей, и это было, вероятно, более жестко, учитывая, что тевтонские рыцари должны были быть сплоченной группой: таким образом, плохой график сна в сочетании с требовательными упражнениями утомил бы рыцарей. Не говоря уже о том, что в случае нападения на замок у гарнизона будет сломан даже такой распорядок, и рыцари почти не отдыхали. CLP рассказывает о беспокойной ночи, во время

кампании: «В год от Рождества Христова 1314 (...) маршал взял воинов из района Натангии и Самбии вместе с Братьями, и выступили против Литвы в область Мядининкай. Однажды ночью после его прибытия в армию пробрались литовцы и зарезали четырех человек христиан и украли двух лошадей. Шум, который это вызвало, означал, что армия была встревожена всю ночь, но они не отклонились от своей цели (...)» 1119.

Кроме того, рыцари также путешествовали ночью по труднопроходимой местности, а иногда им приходилось драться и по ночам, не имея возможности как следует отдохнуть. По данным LRC: «Затем армия вышла из Риги и направилась к Дюнамюнде, где разбила лагерь. Это имя монастыря на побережье. Где-то перед полуночью Траниат и его войска атаковали армию братьев. Они вскочили и организовали оборону, хотя толком и не могли видеть достаточно хорошо, чтобы сражаться. У них не было выбора, кроме как сражаться при лунном свете. Некоторые из язычников были убиты, но кто мог бы точно сказать, не друг ли убил друга. Битва состоялась ночью. Поле битвы было красным от крови, и девять Братьев и несколько горожан были убиты» 1120

5.4. Шум, вонь и недоедание

О звуках сражений сказано немного, но можно предположить, что это дезориентирует людей и животных. Сражения явно шумное место и, должно быть, наполненное лязгом металла и криками людей и лошадей. Хроники обычно содержат слова «рубить», «резать», «колоть» — слова, которые описывают звуки драки, а поскольку хроники предназначались для чтения вслух за едой, вполне вероятно, что такие слова находили отклик у рыцарей, особенно если некоторые из них были современниками зачитываемых событий. 1121

Другой тип звука, который был бы неприятным, — это шум бури. Люди могли впасть в уныние из-за бури и непогоды накануне боев - «Совершенно деморализованы физическими страданиями, мокрой одеждой и холодом, и возможно, также под влиянием страха перед высвобожденными силами природы (...)» 1122.

CLP: «В год от Рождества Христова 1317 Брат Генрих Маршал собрал войско натангийцев и самбийцев и отправился зимой в провинцию Вайкяй. Когда он был уже близок к району, который он намеревался атаковать, который он планировал взять штурмом на следующее утро, и как раз после того, как они легли спать той ночью, наверху раздался ужасный грохот, как будто все ветры столкнулись и загремели в страшной грозе. Каждый был очень взволнован постоянным шумом, и все лошади стали такими беспокойными, что встали на дыбы, освободились от недоуздов и убежали в лес, где их можно было поймать только с очень большим трудом. В результате всех этих кризисов армия так

испугалась, что кампания была прекращена, и они вернулись домой. Впоследствии было обнаружено, что литовцы также собрали огромное войско, которое ждало братьев на протяжении трёх дней в боевом порядке у Вайкяй. Если бы они поскакали в провинцию, они бы все погибли в этой огромной засаде. Предыдущие события помешали этому». 1123.

Количество человек во вспомогательных войсках не указываются, но так как Маршал являлся командующим, кажется достоверным, что с ним было по крайней мере два Брата, рыцарь и сержант 1124, что, не считая собственного рыцарского окружения, составляет не менее трех профессиональных воинов. Тем не менее, о Братях не сказано, что они меньше пострадали от шторма только потому, что они были профессионалами. Этот отрывок из CLP особенно интересен за упоминание о том, как потревожились лошади, вырвавшись на свободу и побежав, – и в самом деле (с разной степенью чувствительности) лошади становятся нервными в ветреные дни и особенно нервничают во время шторма. Следует отметить, что помимо шума, вызванного грозой, должно быть, было много ржания и топота копыт по земле, что могло нервировать людей.

Что касается запахов, хоть в летописях и нет упоминаний, можно предположить, что запахи поля боя будут включать в себя кровь, кишки, мочу и фекалии. Кроме того, если разбить лагерь возле болота или сжечь деревню или укрепление во время рейда, гарантирован неприятный запах в воздухе, например, горелая плоть 1125- не говоря уже о том, чтоб дышать приходилось внутри металлического головного убора. Я также хотела бы отметить, что сама Пустошь могла пахнуть разложением и что тевтонские рыцари могли подвергаться воздействию не только запаха, но и вида подвешенных трупов в разной степени разложения и более или менее погрызенные животными. Генрих Латвийский уже изображал Пустошь как смертельно опасное место - это было место, где туземцы устраивали засаду на крестоносцев и место для самоубийства: «Поскольку сейчас была зима, бежавшие по лесу литовцы, из-за трудности переправы через Двину, частью утонули, частью повесились в лесу (*in silvis suspenderunt*)» 1126. CLP также рассказывает о следующем эпизоде:

«Христиане продолжали резню и преследование весь день и всю ночь, пока не казнили всех литовцев. Многие из них утонули; некоторые повесились или умерли от отчаяния» 1127.

Что касается недоедания, присутствовал скудный рацион и посты, 1128 которые рыцарям приходилось соблюдать. Однако, учитывая, что рыцари должны были быть в боевой форме, я разделяю мнение Форей о том, что пост и диета не были столь строги для рыцарей: «Хотя составители правил тамплиеров рассматривали избыток мяса как «обременительную порчу тела», мясоедение, вероятно, разрешалось для того, чтобы Братья были достаточно сильны, чтобы сражаться» 1129.- то же самое должно было относиться и к тевтонским рыцарям; но тамплиерский пост обычно не совпадал с походным сезоном (зимними месяцами), в отличии от

тевтонского 1130; тем не менее, поскольку в Правилах упоминаются «другие нужды», я считаю, что пост не был строго соблюдается рыцарями. Но у рыцаря были и другие возможности столкнуться с недоеданием: летописи повествуют о том, как в осажденных гарнизонах заканчивались провизия и люди становились лишком слабы, чтобы сражаться, как приходилось прерывать прием пищи, чтобы взяться за оружие, и как заблудившиеся в лесу не смогли найти свои тайники с провизией, или находили тайники, но опустошенные врагом, — поэтому люди были вынуждены есть коренья.

В CLP рассказывается о прерванных приемах пищи, что, должно быть, не только раздражало и разочаровывало, но и оставляло рыцарей голодными, что, скорее всего, вызвало серию последствий, препятствовавших их боеспособности, начиная от простого плохого настроения (не идеального для того, чтобы выполнять команды) до физических симптомов, таких, как болезнь (что не идеально подходит для боя): «(Один Бог знает, какие опасности, страхи, муки и лишения Братья и христиане переносили в городах и замках и в других местах страны в течение 15 лет Прусского восстания. Никто из ныне живущих не знает всей полноты этого. Из-за нападений врага у них редко было время, чтобы спокойно поесть, не вставая ни разу или более, чтобы защитить себя или начать бой...)» 1131. Экспедиции, плутающие в лесу и злоключения с тайниками тоже описываются в CLP, а также последствия пребывания без надлежащего питания в течение длительного периода времени: «в начале осени того же года (1314 - прим.пер.) Маршал Брат Генрих приказал всем следовать за ним с достаточным количеством припасов на четыре недели, и они отправились в долгий, напряженный путь по болотам, заболоченной местности и рекам, холмам, долинам, песку и густому кустарнику, словом, в такое трудное путешествие и такую трудную кампанию, какую вряд ли армия когда-либо отправлялась из Пруссии за все время, пока Братья удерживали эту страну. Кампания была направлена на Кривичские земли. Из-за расстояния, которое им предстояло преодолеть, им пришла в голову отличная идея, оставить две партии своих запасов еды в определенных местах, чтобы они могли найти их снова по возвращении. Они оставили последний груз вместе с обозными кнехтами недалеко от Гардинаса, по моим сведениям, а затем повернули в сторону земли Кривичей, которые к тому времени были заранее предупреждены об их прибытии. Жители укрылись в крепостях и в лесах, так что они не могли воспользоваться своим долгим путешествием, нападая на людей. Вместо этого они сожгли город Новгорудок и все прилегающую к нему территорию, а затем провели ночь, отдыхая перед замком Кривичей, обстреливая врага, что причинило множество ранений обеим сторонам. Диван, помезанский дворянин, был застрелен и умер от ран во время похода. Кампания не увенчалась успехом - армия снова повернула домой, очень разочарованная тем, что им не повезло больше. Когда они достигли места, где оставили мулов и слуг с припасами, их

надежды на облегчение рухнули, потому что Давид Гардинасский убил 30 из них и забрал все оставленные там пайки и снаряжение. Он также захватил около 500 лошадей и угнал их в Гардинас. Было огромное излияние страданий, потому что почти ни у кого не было ни хлеба, ни чего-либо еще. Это полностью сломало боевой дух армии. В долгом пути домой через дебри некоторые были принуждены голодом съесть своих лошадей. Многим смелым героям приходилось выкапывать корни и есть 274 листья, чтобы утолить голод. Изрядное число тех, кто был нежен по своей природе, умерло потому, что они не могли переваривать подобную пищу. Тем не менее они возлагали большие надежды на второе место, где они оставили еду. Когда приехали, ничего там не нашли - ни людей, ни пищи, от которых они зависели. Они все ушли домой, потому что возвращение армии было отложено сверх согласованного срока, и они думали, что всех их убили. Каким ужасным было потрясение, когда там ничего не нашли, ведь все их надежды на помощь исчезла. Они не знали, что делать, но с тоской смотрели друг на друга, каждый из них был потрясен при виде другого, потому что их лица, которые были прежде розовыми, пухлыми и свежими, теперь были впалыми и пепельными от голода. Но никто не мог утешить других в бедственном положении, в котором они оказались, потому что все они были в равной степени несчастны. Добрый Маршал показал, как он сожалеет о жалком затруднительном положении своего войска, открыто плача 1132 и давая армии возможность разделиться и вернуться домой любым маршрутом, который бы они выбрали, чтобы найти пищу. Они отправились в путь в большой спешке, и многие проезжали по 20 миль в день, чтобы успеть домой. Многие были настолько разбиты, что едва смогли вернуться домой за шесть недель со дня их выезда. Последствия голодания сделали их похожими на высохшие палочки и их было трудно узнать, потому что многие из этих воинов путешествовали за 100 миль до Кривических земель, не увидев и не поев хлеба. Многие умерли позже в результате того, что им дали что-нибудь поесть» 1133.

Помимо проблем с запасами еды во время экспедиций, CLP также изображает ситуации голодания - и его последствий для здоровья - в условиях осады. Например:

«Никто не может полностью осознать или представить нападения и опасности, страдания и серьезные трудности братьев и христиан, которые были осаждены. И им в это время приходилось страдать. Голод довел их до того, что они съели овец, коров, свиней и всех лошадей, что у них были в крепостях; им даже приходилось есть шкуры животных, до того они были голодны. Многие Братья и другие лишились всех зубов от этой жесткой, непривычной диеты и пережевывания шкур». 1134

О травмировании уже упоминалось. Рассматривая один из случаев в CLP, где рыцарю выбили зуб («Рыцари были особенно чувствительны к зубам 1135», — говорит Урбан), можно предположить, что внешний вид был

важен для рыцарей 1136, и, таким образом, менее приятная внешность — например, отсутствие зубов — могла вызвать у них дискомфорт (не говоря уже о влиянии на потребление пищи). Влияние голодания на силу также можно найти в CLP, еще раз: «Замок Визенбург (...) был осажден пруссами почти три года во время их бунта, судя по тому, что я читал. Перед замком поставили три требушета, откуда враги подвергали Братьев частым сильным бомбардировкам и ежедневным атакам.

Однажды, когда часть осаждающего войска отошла в сторону, случилось так, что Братьям посчастливилось захватить один из требушетов и принести его с собой в замок.

Они использовали его для самообороны, часто нанося серьезный урон вражеской армии и получая передышку для себя. Через некоторое время после этого у Братьев и гарнизона кончились еда настолько, что они больше не могли там выживать, поэтому им пришлось тайно покинуть замок. Они покинули его в 1263 году и отправились в Мазовию. Когда барт, нобиль, которого они звали Диван, услышал, что Братья сбежали со всеми своими людьми, он бросился в погоню с отрядом вооруженных людей. Когда он преследовал их некоторое время, его люди впали в уныние, потому что их лошади были измотаны. Тогда у него возникла идея выбрать 13 мужчин с лучшими лошадьми и пойти с ними по следам Братьев, пока он не догнал их: это была мера того, как он был зол на них. Братья и их товарищи так голодали, что почти не защищались: они были неспособны защищаться или сражаться из-за слабости и усталости. Он убил троих из них в первом натиске, но затем другие увидели опасность, в которой они были, и начали защищаться, несмотря на свое ослабленное состояние. Они сделали это настолько эффективно, что прусский вождь был так тяжело ранен, что его едва удалось спасти. Братья немедленно пустились в путь и ушли без дальнейших происшествий» 1137.

5.5. Потеря друзей (ранение или смерть) 1138, чувство страха и беспомощности

О потерях с обеих сторон сообщается в хрониках Ордена 1139, а в некоторых случаях CLP описывает, как смерть разлучила друзей или братьев и сестер. Траур по мертвым часто описывается в хрониках, будь то мертвые тевтонские рыцари или лица, которые что-то значили для Ордена и/или его рыцарей. Иногда обе летописи также изображают рыцарей, выражающих горе и отчаяние — в одном из приведенных выше примеров Генрих, командующий, «сломался» перед армией, «открыто плача и давая армии разбежаться по частям».

Потеря любимого боевого коня, должно быть, также сказывалась на рыцаре. Страх и беспомощность рыцарей, обычно изображается после битвы, которая шла неудачно для Ордена или после особенно жестокой осады — хотя страх был связан с трусостью, потому что приводил к постыдным поступкам, таким, как дезертирство и бегство с поля боя,

внешнее выражение страха само по себе не было постыдным или трусливым 1140. Этот эпизод из CLP описывает, что тевтонские войска отступили из боя, действие, приписываемое страху: «(...) они отправили послов к магистру Мейнхарду, прося его прийти к ним на помощь с его людьми, что этот смелый герой взялся сделать без колебаний. Когда он прибыл и напал, армия двух князей немедленно бежала, и весь польский контингент последовал за ними. Братья, увидев это, тоже испугались, потому что не могли отбиться своими силами. Так и отряд их от борьбы с врагом уцелел, но не без потерь; много Братьев и других людей было ранено» 1141. Тем не менее, интерпретация некоторых отрывков как представляющих страх и беспомощность может быть субъективной, и хотя я считаю, что никогда не следует отказываться от изображения эмоций, следует также помнить о более ранних замечаниях Спенсера. Кроме того, они тевтонские рыцари, и в идеале они не должны испытывать страха. Идеальный святой воин полагался на Бога, поэтому он не боялся смерти и 1110 был готов стать мучеником - страх был неподходящей эмоциональной реакцией на перспективу вечной жизни, и эта характеристика идеального святого воина является повторяющимся в связи с тамплиерами 1142 - ее можно применить и к тевтонскому Ордену тоже, так как оба были военными орденами, сражавшимися за христианский мир. Тем не менее они были еще и людьми, а люди подвержены ошибкам, и, как было сказано выше у Генриха Латвийского, страх, кажется, был до некоторой степени приемлем на Балтике.

Следующий пример из CLP касается двух Братьев, Филиппа фон Боланда, чиновника, командующего армией, и его не упомянутого по имени племянника. В соответствии с CLP, Филипп не только видел, как умирает его племянник, это также, кажется, было прямым следствием его выбора в качестве командира — чувствовал ли он ответственность за это или нет, неизвестно, но реакция Филиппа выражает горе и гнев по поводу его потери. В текстах о крестовых походах относительно Святой Земли гнев изображался обычно в ответ на телесные повреждения (в том числе и убийство товарищей), оправдывая тем самым акты жестокости; но рассказы кажутся неохотными в оправдании гнева религией 1143. Думаю, это можно применить и к Балтике, а именно к следующему примеру. Что касается горя, Филипп не описывается как плачущий, можно понять из дальнейшего описания, что он выразил это агрессией.

«В год от Рождества Христова 1305 Брат Филипп фон Боланд, который, как я читал, был человеком епископа Самбийского, отправился в Литву вместе с девятью Братьями и 200 воинами и они сожгли три деревни, принадлежавшие королю, убив или утащив все, что они там нашли. В это время все дворяне в стране были на сейме с королем по важному делу и не ведали, что происходит. Когда шум и возмущение достигло двора, и король, услышав, отправился на их поиски с 1500 вооруженными людьми. К этому времени Братья были так далеко, что

думали, что вышли из опасности, и они сняли свои доспехи и сложили свое оружие... Двести всадников поскакали вперед в компании одного Брата, чтобы забрать добычу домой. Другие Братья непринужденно следовали за ними со своими людьми на некотором расстоянии позади. Литовское войско взяло их врасплох. Они защищались, но во время первой атаки младший Боланд был проткнут копьем и убит. Когда Филипп увидел смерть своего родственника, он был так убит горем и разъярён, что он откинул свой щит на спину, взял меч обеими руками и нанес убийце такой удар, что у него оторвалась голова. Братья держали оборону, пока четверо из них не были убиты врагом: двое фон Боландов, брат Бернар фон Хонштейн и Иоанн, хороший Брат, вместе с шестью своими людьми. Затем христиане, которые ушли вперед, бросились обратно на поле битвы, производя огромный шум, и король получил такой испуг от их прибытия и вида, что он и все его люди просто бросили оружие и скрылись. Братья контратаковали, убив 17 великих дворян Литвы; зарубили и многих простых литовцев»**1144**.

По поводу рыцарей и их коней, хотя о трауре рыцарей ничего не сказано при потере своих боевых коней, CLR рассказывает, как Генрих Цукшверт отреагировал на ранение его лошади во время драки - это могло быть из-за чистой привязанности к лошади, или просто потому, что лошадь была полезна и заменить ее было бы сложно, или и то, и другое: «по возвращении домой за ним [Братом Мейнхардом] последовали литовцы с сильным войском и начали нападать на Братьев. Среди напавших на них разбойников был Хесбудо, который раньше был союзником Братьев, но теперь отвернулся от них. Когда он был в пределах досягаемости, он оставил остальных и напал на брата Генриха Цукшверта, ранив его лошадь. Этот огорчило и разозлило Брата, который бросился за ним и напал на него, пронзив его насквозь копьем. Когда Хесбудо понял, что смертельно ранен, он захотел отомстить, но он был слишком сильно ранен. Тем не менее, он дико набросился. Один из ударов пришёлся так, что отрубил Цукшверту палец. Так битва между ними и закончилась»**1145**.

Что касается страха и беспомощности, то мне кажется, что следующий эпизод из LRC можно использовать в качестве примера. Для начала спустилось тевтонское знамя, и уже это явно деморализовало **1146**. Во-вторых, вероятно, кто-то из рыцарей, сражавшихся за выживание, боялся смерти и чувствовал себя бессильным. Битва была ожесточенной, и местные вспомогательные войска дезертировали **1147**: хотя это повторяется в хрониках, я полагаю, что некоторые рыцари могли чувствовать себя преданными, и видя, как туземцы уходят и они не могут их остановить, вероятно, они чувствовали себя бессильными (но все же, опять же, все в конечном счете зависело от веры рыцаря). По крайней мере некоторые из тех, кому удалось выжить, должны были быть обеспокоены всем этим в некоторой степени: «Армия Братьев укрепила свой лагерь, ибо заранее

узнала, что язычники спешили за ними. Многие из туземцев покинули армию Братьев и ускакали домой, поэтому в бою участия не принимали. Языческое войско прибыло отдельными группами, как я слышал, и на них следовало бы напасть, но они слишком долго медлили. Были колебания с обеих сторон. Когда их главная армия прибыла, язычники почувствовали, что время пришло, и начали нападение на Братьев. Обе стороны начали сражаться. Они наносили глубокие раны, и кровь текла по снегу. Много бесстрашных воинов, смелых и выдающихся мужчин с обеих сторон, христиане и язычники, пали жестокой смертью. Снег стал красным от крови. Армия Братьев разбила строй язычников, и Эйлард, добрый воин, враждебный всем язычникам, преследовал их со своим войском и многих поразил. Это был сильный удар для язычников. Теперь Братья храбро сражались в битве, но они были побеждены. Собралось огромное языческое войско, и завязалась рукопашная схватка христиан и литовцев. Там рубили и кололи, и реки крови хлынули сквозь стальные кольца брони. Братья потерпели поражение. Флаг Богоматери был срублен без пощады, и рыцарь, державший его, которого звали Иоганн, был убит. Боже, смилуйся над ним. Он был воин из Тизенхаузена, и да утешат его душу ангелы небесные, ибо он был полон добродетели. Даже после того, как все эти люди были убиты, Магистр и Братья остались неустрашимы. Они претерпели великую и невыносимую агонию и вели безуспешную битву. Земгалы бежали, не оставив ни одного из своих людей. Это встревожило христианскую армию, и когда язычники узнали об этом, они двинулись вперед со своими войсками. Флаг Братьев упал, и это был удар по христианам. Магистр Эрнест и семьдесят один хороший Брат погибли в бою. Они проливали свою кровь за Бога. После того, как Эйлард преследовал и убил язычников, как я упоминал ранее, он поспешил обратно к Братьям. Когда он подошел к полю боя и услышал известие о том, что битва проиграна, он был огорчен и разгневался. Он глубоко оплакивал смерть Магистра. Большой отряд язычников держал позиции и пути отхода, и это погубило героя. Он сказал своим рыцарям: «Ради меня, будьте рядом со мной, чтобы выжить или умереть. Я совершенно измучен». У некоторых из Братьев, которые мчались с ним ранее, были с ними, и теперь атаковали языческое войско. Язычники отбивались. Лошадь господина Эйларда была подстрелена, и он был смертельно ранен. Остальным едва удалось прорваться сквозь язычников. Господин Эйлард был убит, и мы можем оплакивать его».

Другой пример чувства страха и беспомощности можно найти в CLP, хотя это не относится к рыцарю — возможно, к сержанту — я решила включить его, потому что очевидно, что опыт этого человека был ужасен: «В этот поход один из помощников братьев чудом вернулся из Литвы следующим образом: когда брат Альбрехт вел кампанию в провинции, этот человек был рядом с ним. Во время погони он так тяжело упал с лошади на землю, что был контужен и несколько мгновений лежал без сознания. Когда он

пришёл в себя, он огляделся и не мог увидеть ни знамен, ни коней. Это вызвало у него большое беспокойство и огорчение, и он призвал Бога и Деву Марию спасти его из опасной ситуации, в которой он оказался. Взамен он будет служить им даже лучше, чем в прошлом. Он страстно вручил себя их защите, перекрестившись, чтобы отвратить всякий вред, и пошел к Рагниту. Он наткнулся на деревню и спросил людей, как добраться до Рагнита, что ему указали. Когда он отошел от них на небольшое расстояние, те люди пожалели, что выпустили его из рук, потому что поняли, что он один из людей Братьев (потому что у него было оружие). Все они начали яростно выслеживать его с собаками. Когда он понял по шуму, что за ним идут, то очень испугался и спрятался в кустах. Они искали его близко к его укрытию, часто кружили в трех шагах от него с собаками, что могли тронуть его, но Бог помешал и они не видели его и не нашли его. В конце концов они сдались и, бросив поиск, пошли домой. Затем он снова отправился в путь и быстро прибыл благополучно в Рагнит, все еще неся свое оружие и вознося благодарность Богу и Его Матери за их помощь, потому что он бежал от своих врагов. 1149”

5.6. Стыд и вина

Их труднее определить в хрониках, потому что святые воины не должны чувствовать вины или стыда, выполняя свои обязанности. Ближайшее представление об этих чувствах можно найти в CLP, и это носит пропагандистский характер: тот эпизод, что касается вины (и стыда) рассказывает о неназванном рыцаре, который решил присоединиться к более требовательному ордену, и только увиденный сон заставил его передумать и отказаться от своего предыдущего желания; другой — об Альбрехте фон Мейсене, чье сильное облысение принесло ему большой позор (но он чудесным образом исцелился) 1150. Таким образом, я могу только предположить, что возможно, некоторые рыцари испытывали стыд при определенных обстоятельствах 1151, как после поражений или вынужденных отступлений, так как эти ситуации противоречили бы их убеждениям в вере и их боеспособности, и, может быть, были случаи вины оставшихся в живых, особенно в ситуациях, когда, из группы пленных рыцарей одни были убиты, а другие позже выкуплены. Полагаю, что, если это прямо не записано, стыд и вина в действиях рыцарей интерпретируется отдельными исследователями, что делает это слишком субъективным.

В качестве примера этого из LRC позволяет читателю задаться вопросом, действительно ли Магистр Анно чувствовал вину или стыд (или и то, и другое) за то, что не смог добиться победы, за то, что потерял своих рыцарей — и о том, что оставил их непогребенными: «Когда Мастер увидел их, он, не колеблясь, бросился через самбов с Братьями. Многие руки рубили, лязгали мечи, и кровь хлестала через многие хорошие доспехи. Кровь текла с обеих сторон. Многие христиане спаслись,

пробиваясь через баррикаду, но даже при этом некоторые из них были убиты. Магистр прорубился сквозь языческое войско и двинулся к морю, но потерял некоторых из своих Братьев в битве. (...) и сам едва пробился через баррикаду к морю. Его армия, как вы теперь знаете, была уничтожена во время нападения на Самбию. Мертвые остались там, и Магистр Анно повернул со своими людьми к Курляндии, идя вдоль берега моря» 1152.

В эпизоде CLP рассказывается о рыцаре по имени Герман фон Лихтенбург, который наказывал себя, надевая кольчугу на голую кожу помимо обычных доспехов, нанося ей травмы, пока не исцелился Девой 1153. Эйкман полагает, что эта история показывает механизмы преодоления мук вины, которую рыцарь, в данном случае Герман, чувствовал из-за своих действий: «Раны на его теле, несомненно, совпадают с ранами в его разуме, поскольку он постоянно носил доспехи в «наказание» за свои предполагаемые грехи. Нетрудно представить, что эти грехи были кровавыми действиями, предпринятыми во время Балтийского крестового похода. Затем эти грехи прощаются, и его тело исцелено непосредственным заступничеством Девы Марии. Подобные пассажи иллюстрируют важность пережитого религиозного опыта для исцеления травматического опыта и даже физических ран» 1154.

Хотя трудно поверить в видение, я готова признать, что некоторые рыцари имели довольно плохие механизмы преодоления стыда и вины. Духовнику Германа, видимо, не нравилась эта ситуация, и он пытался заставить Германа снять эту кольчугу - это показывает, что членовредительство было нежелательной практикой, так как оно ставило под угрозу жизнь рыцаря. Возможно, исповедь в своих действиях не приносила облегчения рыцарям, а может быть, исповедуясь вслух, они чувствовали себя только хуже. Таким образом, я присоединяюсь к мнению Эйкмана о том, как эти физические раны могут соответствовать травмам психики.

CLP рассказывает историю другого рыцаря по имени Энгелькин, у которого, по-видимому, тоже была привычка носить хауберк прямо на коже 1155, и хотя интерпретация этих эпизодов о неспособности рыцарей справиться со стыдом и виной может быть ошибочной, ибо они явно были связаны с набожностью Германа и Энгелькина, я думаю, что эти истории все еще изображают рыцарей обеспокоенными чем-то, с чем они не могли справиться.

5.7. Резня и убийство

Хроники изобилуют смертью, с разной степенью ужаса, и это было рутиной для рыцарей. Как уже было сказано, вполне вероятно, что большинство рыцарей уже имели боевой опыт ко времени поступления в Орден, следовательно, некоторые, вероятно, развили компенсаторные механизмы борьбы с последствиями регулярных убийств. Кроме того,

чувство борьбы за достойное дело, вероятно, помогло им справиться. Это, опять же, зависело бы от религиозности и мотивов каждого отдельного рыцаря. Таким образом, воздействие резни и убийства будет, вероятно, отличаться от рыцаря к рыцарю. Тем не менее, коллективные реакции на него, фиксирующиеся в хрониках, показывающие, что, несмотря на любые ментальные щиты у рыцарей, разрушения вокруг них по-прежнему влияли на них.

В качестве примера можно использовать CLP. Хотя реакция рыцарей преувеличена религиозными мотивами¹¹⁵⁶, я полагаю, подобное случалось случаи - рыцари оглядывались и возмущались страданиями вокруг них - должно быть, это и произошло: «Когда войско покинуло страну, и Братья увидели зло, которое там произошло и великие бедствия, постигшие бедных христиан, говоря друг другу в великой печали:

«Горе нам, для чего мы родились, если наша жизнь так полна страданий, и мы должны смотреть на наш народ, изрезанный на части и уничтоженный или изгнанный? Горе нам, Господи Боже, увы и увы. Увидим ли мы теперь, как наша земля попадает в руки врага? Увы для мудрых стариков, которые правили этой землей и которые теперь лежат жестоко убитыми, а также молодые смелые герои, павшие от меча врага. Это наш плач к вам, Господи; девушки и дети, которые были свободны, находятся теперь в вечном рабстве и мучительно страдают. Эта земля, которая когда-то была полна людей и удивительно плодородна, теперь посмотрите, как она опустошена! Церкви сожжены и их украшения украдены; вся наша красота уничтожена, и мы безжалостно подверглись нападению злых язычников; они правят нами ужасом, они имеют над нами власть; увы, почему должны ли мы продолжать жить?» Тогда Братья разорвали свои одежды и облачились в траур.)»¹¹⁵⁷.

Другие предрасполагающие факторы к травмам, которые Хибёлль-Хольм определил у крестоносцев, таких, как постоянная бдительность и постоянная готовность¹¹⁵⁸, можно вывести из того контекста, в который были вовлечены тевтонские рыцари, как было продемонстрировано. Рыцари были сложными людьми, движимыми разными мотивами, предназначенными для боя, и должны были формировать сложные отношения между собой и со своими боевыми конями. Трудности, с которыми они столкнулись в Балтике, должны были сказаться как на людях, так и на животных, и хотя из источников Ордена я могу лишь немного заглянуть в умы рыцарей: «(...) следует понимать, что хорошим рыцарям, возможно, придется пройти через тяжелые испытания и приключения (...)»¹¹⁵⁹.

Заключительные замечания

«Разве приключения никогда не заканчиваются? Я полагаю, что нет. Кто-то всегда должен продолжать историю.» — Бильбо Бэггинс (Дж. Р. Р. Толкин)

В начале этой диссертации я прежде всего стремилась понять, как западная тактика европейской кавалерии, осуществляемая элитными силами, применялась в контексте Балтики, как, а также какие адаптации были сделаны в соответствии с окружающей средой тевтонского Ордена в Прибалтике; вдобавок к этому я также стремилась исследовать тевтонского боевого коня и коневодство в «Ordensstaat».

Я считаю, что эти темы были достаточно освещены в данной диссертации. Через эпизоды из хроник Ордена до битвы при Танненберге включительно.

Как Тевтонский Орден полагался на кавалерию — тяжелую и легкую — и что Орден использовал западную тактику европейской кавалерии. Археология и собственные записи Ордена предоставили достаточную информацию о боевых конях и содержании лошадей, подтверждающую, что боевые кони рыцарей были не только крупнее местных лошадей, но и питались по-другому, а также получали специфические травмы. Однако местность не всегда позволяла полностью использовать тактику западноевропейской кавалерии: густой лес и заболоченная местность затрудняли движение, это означало, что рыцари не могли ни атаковать своих врагов, ни сражаться верхом все время; кроме того, война была круглогодичным делом, с разными типами кампаний в зависимости от сезона.

Сложные погодные условия и рельеф местности заставили Орден адаптировать свою кавалерию, сохранив ее на высококомобильной, отказавшись от обычных западноевропейских обозов, которые, тем не менее, позже стали применяться и Балтике, когда пути сообщения улучшились вместе с большим избытком европейских рыцарей, желающих получить опыт крестового похода. Рыцари ехали на боевых конях, в доспехах, неся все, что им может понадобиться, ибо не только погода могла настигнуть их, но и постоянные в засады в лесу, и пока рыцари сохраняли свою западноевропейскую верховую езду, они приспособились к местности и к врагу.

Однако, хотя кавалерия Ордена, несомненно была хорошо экипированной и умелой, это не всегда давало рыцарям победу, т.к народы, против которых они выступали, имели преимущество в количестве, знакомстве с местностью и не слишком отличались экипировкой; однако наиболее важным было то, что балтийские народы, в свою очередь, приспособились к тактике рыцарей Ордена. В этой диссертации также изучалось прошлое рыцарей до вступления в Орден, а также их время службы, в попытке снять часть анонимности, окутывающей их. Кроме того,

я также старалась лучше понять отношения между рыцарями и их боевыми конями на профессиональном и личном уровне, таким образом пытаюсь относиться к боевому коню как к чему-то большему, чем инструмент для боя.

Установлено, что рыцари происходили из Священной Римской империи и даже какие регионы были более представлены в Ливонии, а какие в Пруссии, а также то влияние, которое повлияло на внутреннюю динамику Ордена. Большинство рыцарей пришли из *ministialis* и на момент своего вступления уже имели боевую подготовку.

Записи и хроники Ордена дали представление о карьере некоторых людей и даже позволили некоторым лошадям стать известными сегодня по именам. В то время как более мелкие детали относительно верховой езды установить не удалось, все же можно было заключить, что боевые кони играли значительную роль в жизни Ордена, со многими подробностями, касающимися строительства замка и логистики, вращавшихся вокруг лошади. Орден выращивал и, следовательно, тренировал собственное поголовье боевых коней, хотя рыцари привозили с собой и своих лошадей. Тот факт, что многие процедуры из Книги Ордена, экстраполяции из Тамплиерского устава и записи относительно регистрации и ветеринарного ухода за лошадьми указывают на рыцарей, стремящихся поддерживать своих боевых коней в рабочем состоянии. Но тип езды, необходимый для эффективного выполнения кавалерийских маневров, необходимость знать лошадь, на которой рыцарь едет в лес, где он мог попасть в засаду в любой момент, связь, установленная часами в седле и записи имен лошадей, позволяют предположить, что рыцари считали своих боевых коней товарищами. Тем не менее, более тонкие детали, касающиеся искусства верховой езды, мотивов рыцарей присоединиться к Ордену, их методы преодоления травм и то, насколько они были привязаны к своим собратьям и лошадям, остаются недостаточно изученными.

Несмотря на сделанные выводы, остаются малоизученные аспекты.

Не говоря уже о том, что некоторые из тем, достаточно затронутые в этой диссертации, могут быть предметом обсуждения и дальнейшего изучения. Кроме того, были обнаружены не только проблемы, влияющие на качество исследовательской работы о тевтонской кавалерии на Балтике (или средневековой кавалерии в других местах), но некоторые вопросы и идеи для будущих исследований. Чтобы сначала решить проблемы, одно из самых больших препятствий для предмета тевтонского Ордена в состоит в том, что имеется множество первоисточников и произведений на немецком, польском, литовском, латышском, а то и латыни и на русском языке, которые тут же становятся запретным плодом для не владеющих необходимыми языковыми навыками, независимо от усилий и сборника грамматик и словарей. Многие темы, касающиеся действий Ордена в Прибалтике, освещены поверхностно (по крайней мере, в англоязычной

литературе), например, эволюция орденой логистики на протяжении веков и использование конных арбалетчиков.

Другая проблема, связанная с кавалерией - описания с письменного стола, а не с седла. Это относится к исследователям, которые не имеют дело с лошадьми на регулярной основе. Наконец, есть игнорирование травмирующих событий в жизни средневекового рыцаря. Особенно тех, которые могут привести к психологической травме. Пока это опасная территория субъективных интерпретаций и невозможно спросить рыцарей об их взглядах на это. Это также направление исследования.

Что касается вопросов, связанных с орденой кавалерией, которые возникали у меня на протяжении «пути» (и на которые я не пыталась ответить в текущей работе), некоторые из них я считаю уместными: где/как тренировались люди и лошади? На какой лошади и в какой манере езды работал конный арбалетчик? Какая участь ждала травмированных рыцарей и коней: реабилитация или выход на пенсию? Сержанты «ломали» лошадей? Ездили ли рыцари на небоевых седлах в рейдах, чтобы иметь возможность ездить с согнутым коленом, или перепрыгивать через препятствия, если нужно? Я могу только надеяться, что они могут иметь научную ценность и на них можно будет ответить более подробно.

Помимо поиска ответов на поставленные выше вопросы, я также предлагаю новые направления исследования – желательно на английском языке, для большей доступности. Более тщательное сравнительное исследование между кавалерийскими действиями в Западной Европе (включая королевство Португалия) и Тевтонской кавалерии на Балтике может привести к лучшему пониманию средневекового боя верхом, и даже самих лошадей и рыцарей. Дополнительные эксперименты со средневековыми тактиками могли бы больше рассказать о средневековом искусстве верховой езды. Исследование, сравнивающее тевтонскую кавалерию в Прибалтике, на Ближнем Востоке, в Бурценланде и в Испании могло обнаружить сходство и показать различия в действиях кавалерии Ордена. Сравнения травмирующих событий, описанных в хрониках Ордена с аналогичными событиями, описанными в других средневековых хрониках, могли бы помочь понять стойкость и предел прочности рыцарского разума. Чтобы достичь этого, необходимо применять междисциплинарный подход, поскольку только он может пролить новый свет на старые темы и открыть новые.

Таким образом, это ещё не конец.

Перевод - Максимов Р.И. Марченко И.А.

Корректорская правка - Масимова И.Э.

Оформление - Агарков А.В.

Публикуется с незначительными сокращениями. Иллюстрации из архива сообщества «Лаборатория Хранители» и открытых источников.